

СИБИРСКИЕ ОГНИ

**Литературно-художественный
и общественно-политический
ежемесячный журнал**

ВЫХОДИТ С МАРТА 1922 ГОДА

Главный редактор:
М. Н. ЩУКИН

Редакционная коллегия:

Н. М. Ахпашева (Абакан)
А. Г. Байбородин (Иркутск)
П. В. Басинский (Москва)
А. В. Кирилин (Барнаул)
В. М. Костин (Томск)
А. К. Лаптев (Иркутск)
Г. М. Прашкевич (Новосибирск)
Р. В. Сенчин (Екатеринбург)
М. А. Тарковский (Красноярск)
А. Н. Тимофеев (Москва)
М. В. Хлебников (Новосибирск)
А. Б. Шалин (Новосибирск)

Владимир Титов
ответственный секретарь

Михаил Косарев
начальник отдела художественной литературы

Марина Акимова
редактор отдела художественной литературы

Лариса Подистова
редактор отдела художественной литературы

Кристина Кармалита
начальник отдела общественно-политической жизни

Дмитрий Рябов
редактор отдела общественно-политической жизни

Елена Богданова
редактор отдела общественно-политической жизни

Корректурa: Т. Л. Седлецкая
Верстка: О. Н. Вялкова

2/2021

Содержание

ПРОЗА

- Александр МАРДАНЬ. Любимый дедушка. Странный детектив.**
Повесть. Окончание. 3
- Елена СОЛОВЬЕВА. Букет невесты летит.** Рассказ. 58
- Клуб фантастики «Амальтея»*
- Станислав СЕНСИФ. Банкноты.** Повесть. 73

ПОЭЗИЯ

- Вера КУЗЬМИНА. Окраины.** Стихи. 52
- Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ. «Доисторически безлюдно...»** Стихи. 69
- Анатолий СОБЕННИКОВ. Запах чабреца.** Стихи. 124

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

- Игорь ЛАДЫГИН, Юрий ГОНЧАРОВ.**
«Ивакинский мятеж»: взгляд сто лет спустя. 126
- «Хочу быть дома во всей своей Родине, а не в одном углу...»**
Из переписки Валентина Курбатова и Валентина Распутина. 145

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Андрей ТИМОФЕЕВ. Философия литературы. Главы из книги.** 159
- Михаил ГУНДАРИН. Солнце всходит и заходит.**
Главы из новой книги о писателе Евгении Попове. 168
- В поисках утраченного жанра. Обзор онлайн-дискуссии.**
Подготовила Елена Богданова. 180

Картинная галерея «Сибирских огней»

- Валерий КОПНИНОВ. Родом из детства.**
О живописи Александра Андрусенко. 188

Авторы номера 191

Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. За достоверность фактов несут ответственность авторы публикаций. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции. Ранее опубликованные (в том числе в газетах и сети Интернет) произведения не рассматриваются. Редакция оставляет за собой право опубликовать присланное произведение в журнальном варианте. При перепечатке материалов ссылка на «Сибирские огни» обязательна.

Главный редактор, директор ГБУК НСО «Редакция журнала «Сибирские огни»» М. Н. Щукин.

Александр МАРДАНЬ

ЛЮБИМЫЙ ДЕДУШКА

Странный детектив

Повесть*¹

13.

Бессонная ночь была не только у Ивана Павловича, но и у задержанного Белошапкина, во всяком случае, если судить по внешнему виду. Он ссутулился на стуле перед столом следователя, лицо бледное и помятое, как это бывает от долгого пребывания в душном помещении. Но, как отметил для себя Дымов, уселся он на стул уверенно, не на краешек, а откинувшись на спинку, и смущенным себя, видимо, не чувствовал. И взгляд у задержанного был цепкий, не было в нем ни растерянности, ни возмущения невинного человека, прошедшего ночь в весьма некомфортных условиях следственного изолятора по неизвестной для него причине.

— Фамилия, имя, отчество, дата рождения, место проживания?.. — Дымов положил перед собой бланк протокола допроса.

— Белошапкин Геннадий Васильевич, тысяча девятьсот пятидесятого года рождения, дата — пятнадцатое января. Живу на улице Космической, дом шестнадцать, квартира семьдесят семь.

Белошапкин выговаривал каждое слово медленно, со значением, чуть растягивая, голос у него был довольно низкий, приятного тембра. И так же спокойно, с достоинством, осведомился:

— Надеюсь, вы объясните мне, по какой причине я задержан?

— Конечно, объясню, — заверил Иван Павлович. — Только вначале выполним все формальности. Семейное положение? Место работы?

— Холост.

— Так и запишем. — Подчеркнуто старательно Дымов заполнил графу бланка, даже прикусил губу от усердия. — А что так? Может, дети есть?

— Жена умерла, детей в браке не было.

— А вне брака? Оно ведь, знаете, по-разному бывает. — Дымов заговорщически подмигнул.

Однако Белошапкин игру не поддержал:

* Окончание. Начало см. «Сибирские огни», 2021, № 1.

- Заводить детей на стороне не в моих правилах.
- А вы — человек правил? — оживился Иван Павлович.
- А вы — нет? — парировал Белошапкин.

Дымов закивал головой:

— Я... Я-то, конечно, да — работа такая. У меня тоже все по правилам, по закону...

— Вот и объясните, по какому такому закону я здесь, — не повышая голоса, вновь потребовал Белошапкин.

— Что вы, гражданин, нетерпеливый такой, право! — воскликнул Дымов и вновь взялся за ручку. — Я же сказал, что сначала формальности. Итак, место работы? Как себе хлеб насущный добываете?

— Работаю в Доме быта при Центральном универмаге. Я мастер по ремонту обуви.

Дымов обрадовался:

— Ну да, ну да... Конечно же, мастер! Это многое объясняет!

Белошапкин поднял глаза на следователя и, словно впервые увидев, взгляделся в его лицо пристальным взглядом:

— Что же это может объяснить?

— Ну как же! — засуетился Иван Павлович. — Вот смотрите, у меня тут в протоколе задержания написано, что у вас изъят преудивительнейший для ночных прогулок предмет — шило сапожное. Откуда, думаю, такое? А теперь все понятно — орудие производства! Вышел человек погулять да и захватил с собой. Можно было еще и дратву прихватить, или там шуццер, или еще чего сапожницкое... Были бы вы поваром в столовой, так, наверное, поварешку бы взяли. Хотя нет, у нас повара с работы больше продукты тащат... Впрочем, это совсем другая история — хищение социалистической собственности, этим наш отдел не занимается. Вы же собственность государственную не расхищали? Так вот, о «погулять»... Что же вы все-таки делали вчера? Расскажите все о вашем дне, Геннадий Васильевич. Особенно вечер, как вы понимаете, меня интересует.

— А меня интересует, в чем же меня обвиняют! Но, если хотите, вот, пожалуйста. Весь день я был на работе, вечером пошел в театр, а после театра решил прогуляться по улице. Это наказуемо?

— Да ни боже мой! Я, знаете, и сам погулять люблю... — Дымов помахал в воздухе рукой. — Как это там у поэта: «Май жестокий с белыми ночами...» Правда, в нашем регионе они довольно темные, эти самые ночи, да и дождик вчера моросил. Впрочем, в любое время прогулки нашим гражданам не возбраняются. Вот если бы они только к незнакомым женщинам на темных безлюдных улицах не приставали... За это и задержать могут!

Белошапкин выпрямился на стуле и твердым, по-прежнему спокойным тоном, подчеркивая отдельные слова, ответил:

— Рад, что мы наконец-то добрались до сути. Заявляю вам — и запишите это, пожалуйста, в протокол, — что ни к кому я не приставал. Мои действия были поняты совершенно превратно как этой неизвестной мне женщиной, так и вашими, очень оперативными в данном случае, сотрудниками. Именно потому, что время было позднее, а улица пустынь-

ная, я и хотел ей помочь, но она совершенно неадекватно отреагировала. Я попробовал заговорить с ней, успокоить, а она стала меня толкать.

— Но, как следует из протокола, вы пытались схватить ее за руки! Как же ей не испугаться?

— Еще раз повторяю, я пытался ее успокоить и объяснить, что ничего плохого ей не сделаю. Но тут появилась милиция, которая приехала, кстати, не на милицейской машине. Они мне и слова сказать не дали. Что мне — драться с ними было нужно? Я, как законопослушный человек, сопротивления при задержании не оказывал. А вы, вместо того чтобы во всем разобраться, мне про майские ночи рассказываете!

— Да это я больше так, для разговора. А в протоколе все ваши слова отмечены: «Преступных намерений не имел, сопротивления не оказывал...» — Дымов поставил точку и протянул листок Белошапкину: — Прочтите и напишите: «С протоколом допроса ознакомлен, с моих слов записано верно». И подпишитесь.

— Это что, всё? — Впервые за всю беседу в голосе Белошапкина прозвучало неподдельное удивление. — Так меня отпускают или нет?

Дымов нажал кнопку вызова, и тут же в дверях появился сержант конвоя.

— Уведите арестованного, — сказал ему Дымов и обернулся к Белошапкину. — Вы задержаны до выяснения обстоятельств. Пока по статье о хулиганстве, а там посмотрим. Следствие, понимаете ли, процесс небystрый, кропотливый. До встречи, Геннадий Васильевич, до встречи!

* * *

В кабинете Сергея Петровича Дымов появился с ордером на обыск. Он сверкал глазами и горячился:

— Вот, ордер на подпись! Нужно посмотреть, что у него дома делается, нам нужны улики. Он не сапожник, Петрович, слово тебе даю! Да нет, по профессии, может, и сапожник. Нужно в Дом быта наведаться. Пусть туда Сергушин едет, а Лазаренко с соседями поговорит, он умеет. А я на обыск, потому что чувствует мое сердце — ну не простой он сапожник! У него речь как у кандидата наук. Может, конечно, просто человек начитанный. Театр вон любит... Но надо его трудовую книжку изучить — не может быть, чтобы он всю жизнь сапожником работал. А главное, он меня не боится! Понимаешь, гнет свою линию, и нет у него ни страха, ни гнева праведного — будто для него задержание вовсе не неожиданность.

— Может, потому и не боится, что невиновен? У тебя пока никаких доказательств, кроме твоего «сердце чувствует», нет, — с сомнением возразил Сергей Петрович.

— Каждому человеку есть чего бояться, если он не полный дурак. А этот — не дурак, куда там! Он такую глухую оборону передо мной выстроил, он так себя в руках держит, что позавидовать можно. Мой он, Петрович, мой, поверь мне! Я его колоть буду. Сейчас пусть идет по хулиганству, а дальше мы ему другую статью предъявим. Я уверен, что зацепки найдем.

Ордер на обыск Сергей Петрович у прокурора подписал, но тревога его не отпустила. С одной стороны, никогда еще в его практике столь важное дело не основывалось на столь зыбкой доказательной базе. С другой стороны, выхода не было и приходилось положиться на знаменитое чутье Дымова, который горячился, как гончая, взявшая след. И чтобы эту гончую не занесло, Сергей Петрович решил усилить свой личный контроль над следствием, но Дымову по возможности не мешать.

А Ивана Павловича после допроса задержанного не отпускало ощущение, что где-то он уже видел этого человека, но где — вспомнить не мог. Ночью Дымов долго ворочался в постели, уснул под утро. Тут оно и случилось в первый раз. Потом ему скажут, что это был, скорее всего, микроинфаркт, но в ту майскую ночь он еще не знал об этом.

Во сне он шел через Красную площадь, раздвигая плечами толпу, заполнившую собой все пространство от Кремлевской стены до здания ГУМа. Он был большой и сильный, выше всех в этом скопище народа, и уверенно прокладывал путь к Лобному месту. Его там ждали, там он должен был выполнить свой долг и, как в американском боевике, расправиться со злом и тем самым спасти людей в этой толпе, не подозревавших о грозящей им опасности. Грудь распирало от чувства превосходства над этими мелкими, слепыми людишками, он гордился собой и знал, что остановить его невозможно.

У Лобного места прямо на мостовой сидела женщина, щуплая и некрасивая. Торжествуя, что она в его власти, он занес руку, чтобы жестоко, со всей силы ударить ее. И вдруг рука замерла и ужас остановил его дыхание. Женщина смотрела ему в лицо и молчала, не пыталась уклониться или защититься, — она не боялась его. По ее светлой кофточке расплзлось кровавое пятно, и теплая кровь залила почему-то и его грудь, пекущая боль потекла оттуда к ногам. И он побежал. Вокруг бежали люди, охваченные общим ужасом, он падал, на него наступали, он закрывал голову от ударов чужих ног, отчаянно кричал, но изо рта не вырывалось ни звука...

И тут он проснулся.

Комната была наполнена грохотом сердца, которое рвалось из грудной клетки. Иван Павлович судорожно схватился за грудь, ощупал пижаму и поднес руку к глазам. Пижамы были сухой, крови на руке не было. Тело занемело, он почти не чувствовал ног. На потолке раскачивался свет от фонаря за окном. «Ветрено», — подумал Иван Павлович и закрыл глаза. Он знал, откуда этот сон. Сон пришел из августа шестьдесят восьмого, из тех далеких уголков памяти, о существовании которых он приучил себя не думать. Тогда все было так, как во сне, и не так.

В шестьдесят восьмом году Дымов был в Москве. Контрразведывательная работа по борьбе с идеологическими диверсиями, в Пятом управлении КГБ СССР, открывала перед молодым сотрудником блестящие карьерные перспективы, и Дымов гордился собой. В августе, в связи с чешскими событиями, патрулирование столицы усилили. Дымов был одним из тех людей в штатском, которые участвовали в операции по задержанию участников демонстрации двадцать пятого августа. Впрочем, демонстрацией эту маленькую группу из трех женщин и пяти мужчин

назвать было сложно. Они не кричали, не привлекали к себе внимания, просто сидели на мостовой и держали самодельные плакаты: «За вашу и нашу свободу!», «Мы теряем лучших друзей», «Свободу Дубчеку!». Рядом стояла детская коляска. По-хорошему, им и нарушение общественного порядка предъявить было нельзя, и все же это была провокация.

«Вперед!» — подтолкнули Дымова сзади, и он не раздумывая бросился к Лобному месту. Кто-то вырывал из рук демонстрантов плакаты, кто-то валил их на землю с криками: «Бей жидов!» Дымов заломил руки молодому парню в белой рубашке, тот упал, и его ударили в лицо. Кровь на белой рубашке была ярко-красной. «Зачем же бить?!» — воскликнул кто-то сзади, в толпе собравшихся людей.

Тогда, в том августе, Дымов был уверен в своей правоте, и только кое-какие не то чтобы сомнения, а просто вещи, которых он не мог себе объяснить, скребли сердце. Конечно же, задерживать преступников за время службы ему приходилось не раз, но это были те, кто бежал или нападал, а эти бежать не пытались, сопротивляться тоже не пробовали. А главное, что было уж совсем непонятно: в глазах преступников Дымов всегда видел страх или бешеную злобу, у этих же восьми не наблюдалось ни того ни другого. Они были настолько убеждены в своей правоте, что, как почувствовал Дымов, это могло бы поколебать его собственную уверенность в правильности того, что он делал. Но думать об этом было некогда, да и не хотелось.

Вечером сосед по комнате в общежитии сказал:

— Вот идиоты! Зачем было лезть на рожон? Они что, не знали, что их арестуют? И вообще, что значит «правозащитники»? Чтобы право защищать, есть правоохранительные органы — это мы.

— А защищать и охранять — это одно и то же? — спросил Дымов, но сосед не ответил.

Потом с отделом контрразведывательной работы не сложилось, Иван Павлович вернулся домой, в родной областной центр, разбираться с убийствами и в глубине души был этому рад. Во всяком случае, бить тех, кто сидит на мостовой рядом с детской коляской, ему больше не доводилось...

Затрепал будильник, и Иван Павлович вздрогнул от неожиданности. За окном уже светало, нужно было подниматься. Возвращаясь к заботам сегодняшнего дня, он вспомнил лицо Белошапкина и, разминая непривычно слабые ноги, подумал: «Но ведь где-то я его уже видел... Определенно видел!»

14.

Геннадий Васильевич Белошапкин был мужчина спокойный и безобидный. Мало того, многие относились к нему даже с жалостью. Подумать только, жили себе Белошапкины тихо, не скандалили, а жена вдруг возьми да и выпрыгни из окна! Так и умерла в больнице, не придя в сознание. Никто и не знает отчего. Очевидное самоубийство на почве депрессивного состояния. Дама странноватая была, нелюдимая, вечно с замотанной головой ходила — говорила, что мигрени мучают. Геннадий Васильевич с той поры один жил, женщин к себе не водил, на работу хо-

дил исправно и был хорошим сапожником. В отличие от многих коллег по цеху не пил, а потому общих интересов с ними не имел. Как раз наоборот, был заядлым книголюбом, даже на работу, бывало, книжки приносил или толстые журналы и в обед изучал: жует свой бутерброд, чай пьет и читает. Такое поведение расценивалось в Доме быта как странное, но ведь у каждого свои «тараканы».

Короче говоря, Геннадий Васильевич был человек скромный, даже интеллигентный, и вроде бы чистый перед законом. Такими сведениями располагал Иван Павлович перед началом обыска в доме Белошапкина.

В квартире царил безупречная чистота. Понятые — пожилая семейная пара из квартиры снизу — даже сразу разулись в прихожей.

Чистая обувь ровно, как по линейке, была выставлена на коврике, одежда аккуратно развешана, кровать заправлена, чайник и немногочисленная посуда вымыты до блеска. Платежки за коммунальные услуги аккуратно сложены стопочкой квитанция к квитанции.

— И ни одной просроченной оплаты! — подивился Дымов, заглянув через плечо Виталию Сергушину, который осматривал содержимое ящиков комода.

Сам Иван Павлович такой законопослушностью не отличался.

В квартире было много книг — в основном художественная литература, выменянная на макулатуру, и «огоньковские» собрания сочинений, — тоже аккуратно расставленных на книжных полках. Отдельной стопкой лежали номера «Нового мира», полные подшивки, начиная с восьмидесят восьмого года.

— Да уж, не поспоришь, советский народ — самый читающий в мире! — Дымов вытянул наугад один из журналов. — «Архипелаг ГУЛАГ», понятно... И читал, видно, серьезно — вон как листы позагибал... А ну-ка, ну-ка, что там еще?

Дымов разложил перед собой журналы и стал просматривать их один за другим.

— Вы думаете, Иван Павлович, он в них что-то прячет? — поинтересовался Виталий.

— Себя он в них прячет, юноша, себя! — Дымов торжествующе помахал вздернутым кверху указательным пальцем. — Вот, смотри. Одни страницы загнуты, даже помяты, а другие — совсем не тронуты. Значит, подзреваемый читал не всё подряд, а только то, что его интересовало. Можно составить представление о круге его интересов. Это раз. А второй вывод...

Виталий не согласился:

— Сейчас все читают то, что модно. Или что-нибудь ранее запрещенное.

— Не скажи! Вот, например, «Доктор Живаго» у него не пошел, а уж моднее не придумаешь. Но даже не это важно, вернее не только это. Вернемся ко второму умозаключению. Обрати внимание, он такой аккуратист, а с журналами обращается варварски, некоторые страницы даже надорваны. О чем это свидетельствует? О том, что здесь его главная страсть, не совсем уж он человек-автомат! А поговорить ему не с кем. Значит, есть у него слабое место. Об этом нужно подумать...

— Вам Сергей Петрович скажет, что это все психология, а нужны факты... Ого, смотрите, что я нашел! — окликнул Дымова Виталий.

В руках у него была связка простых шариковых ручек, перетянутая резинкой.

— Отлично! Но Сергей Петрович скажет, что это не преступление — быть запасливым человеком и купить по дешевке несколько ручек, — поддел молодого коллегу Иван Павлович. — Все равно покажи понятным и приобщай к вещдокам, потом разберемся.

Когда Дымов, просматривая уже в отделении протокол обыска, недовольно нахмурился, Виталий забеспокоился. Он хорошо помнил, под какой градус насмешек старшего следователя попал недавно Толя Лазаренко, и не хотел оказаться на его месте.

— Иван Павлович, что-то не так? — осторожно спросил он и покосился на Сашу Груздева. — Я все записал, что там было.

Дымов почесал в затылке:

— Ну да, ну да... Все, что было... А скажи, чего там не было?

— В смысле? — Виталий на секунду задумался и выпалил: — Женщина! Там не было женщины, ею вообще не пахло!

— У кого что болит!.. — засмеялся Саша. — Тебе, Виталя, личную жизнь устраивать надо, чтобы не путать частное с производственным.

Но Иван Павлович поддержал Сергушина:

— В данном случае он как раз прав. Я понимаю, что жена Белошапкина умерла, но ведь нет никаких следов, что она вообще была. Мы не видели ни одной фотографии, причем не только жены, а в принципе — ни одной! Так бывает? А хоть один листок, написанный рукой нашего подозреваемого, мы нашли? Ни одного! И это, мои молодые друзья, более чем странно. Он в этом доме не живет, он в нем только пре-бы-вает! Где его настоящая жизнь? В чем его настоящий интерес? Значит, он где-то что-то прячет. Я думаю, что он должен дневник вести. Ну вот ей-богу, где-то же человек должен себя раскрывать... Когда ему не с кем говорить, он говорит с бумагой.

— Со всей этой психологией, товарищи Дымов и Сергушин, а лучше — с фактами, зайдите ко мне! — Сергей Петрович вошел незаметно и прервал рассуждения Ивана Павловича.

«Я же вам говорил!» — выражало лицо Виталя, но Дымов уже не боялся недовольства начальника. В его голове складывался план следующего допроса подозреваемого Белошапкина.

* * *

Новость о переквалификации обвинения Белошапкина принял абсолютно спокойно.

— Короче говоря, вам вменяется покушение на убийство...

Дымов намеренно затянул паузу, и задержанный ее невозмутимо выдержал.

— Надеюсь, у вас есть на то основания, подкрепленные доказательствами? — подал он наконец голос.

Иван Павлович отметил про себя, что держится его визави прекрасно, самообладания не теряет, а то, что никакого беспокойства такой поворот дела у подозреваемого не вызвал, лишний раз убеждало следователя, что он на верном пути. Любой нормальный человек в подобной ситуации хотя бы удивился. Если ты никогда в жизни не сталкивался с убийствами, даже теоретически, то такое обвинение покажется тебе оскорбительным или как минимум абсурдным.

— Конечно, есть. — Иван Павлович похлопал по пухлой папке с документами дела. — Это показания свидетельницы, или теперь — потерпевшей. И шило ваше вам сильно навредило, Геннадий Васильевич. Забавное такое шильце. В платочек завернутое. Помните, я уже про него спрашивал? Вы аккуратист, да? Для чего бы это в платочек, подумал я про себя. Шила-то в мешке — в смысле, в платочке — не утаишь, так народ говорит. Принято считать, что народ мудрый, а? Вы как считаете?

— Думайте, что хотите, — буркнул Белошапкин. — По мне, народ глуп и темен. Вроде этой гражданки, которой я помочь хотел, а она, дура, меня сюда упекла.

— Что это вы в людей не верите, Геннадий Васильевич?.. Да и ладно, что нам люди! Так вот, я ваше шильце на экспертизу отдал, а там, представьте себе, никаких отпечатков. Нет там ваших пальчиков, и никаких нет, аккуратненько все стерто. Как же это получилось?

— Этого я не знаю и знать не хочу. Вы следствие ведете, вы и доказывайте, что это умышленно сделано. У нас еще презумпцию невиновности не отменили? — спокойно поинтересовался Белошапкин.

— Нет, конечно. Только странно это все. Да и зачем бы такое шило с собой в театр брать? Объясните, уж пожалуйста! — Дымов заискивающе посмотрел в глаза Белошапкину. — Нам вы, безусловно, помогать не обязаны, но себе-то, может, поможете?

— Я с работы его прихватил, мне дома нужно было рант подшить. Я свою личную обувь только ручную подшиваю. Забыл из кармана положить. Такая версия подойдет?

— Вот спасибо! — обрадовался Дымов. — Может, и подойдет, подумаем. Кстати, о театре. Вы в тот вечер «Дни Турбиных» смотрели? Хороший спектакль, сам видел.

Белошапкин заинтересовался:

— Следователь в театр ходит? Не ожидал.

— Ну зачем же вы так! — обиделся Иван Павлович. — Мы тут тоже люди интеллигентные. До вас, правда, далеко. Я вот только один раз был, а вы, как говорят, ни одного спектакля не пропускаете. Цветы артистке дарите...

Угол рта у арестованного дернулся.

— А дарить цветы артистам — это преступление? Да, мне нравится ее игра, что же в этом плохого?

— Да и мне нравится! — загорячился Дымов. — Хорошая артистка, я с ней даже знаком. Немного опосредованно, но знаю, знаю... даже как-то беседовали... Может, вы ее тайный поклонник, а? Шалун вы эдакий! — Он хихикнул и погрозил пальцем.

Геннадий Васильевич нахмурился:

— Это мое личное дело. Вас оно никак не касается.

— Конечно, цветы для артистки к делу не подошьешь, но все-таки интересно... — пошел на попятный Дымов. — Просто нечасто встречается такая бескорыстная любовь к театру. Вы прямо как Иосиф Виссарионович с этими «Турбинными»!

Белошапкин удивленно вскинул глаза.

«Где-то близко!» — мысленно возликовал Дымов и продолжал:

— Мне тут рассказывали, что сам Сталин на эту пьесу тринадцать раз ходил. Понятно, театр другой был, но пьеса та же.

— Вы и это знаете? Тогда уточняю для интересующегося следовательно, что не тринадцать, а пятнадцать. А театр был МХАТ.

Подозреваемый явно оживился, и Дымов поспешил его поддержать:

— Да я сам удивился, когда мне об этом сказали! Одна знакомая где-то про это почитала и поделилась. Сейчас про Сталина много всякого пишут...

Белошапкин сделал негодующий жест рукой:

— На мертвого лаять — невелика храбрость. Они бы при его жизни попробовали!

— Ну да, ну да... — согласился Дымов. — А все-таки зачем он на этот спектакль столько раз ходил? Я думал, но, может быть, не понял... Вы как полагаете, зачем? Там ведь про белых офицеров, это же классово чуждый элемент!

Дымов подыгрывал Белошапкину, изо всех сил старался удержать ниточку разговора, который очевидно захватил подозреваемого.

Геннадий Васильевич увлекся и стал словоохотливее:

— Сталин об этом сам писал. Он говорил, что это демонстрация все-сокрушающей силы большевизма. Ведь если даже такие люди, как Турбины, испугались и сложили оружие, значит, большевики непобедимы. Врага ломать надо, страхом ломать, иначе он в любой момент голову поднимет и исподтишка нападет! И верить ему нельзя. Никому верить нельзя, потому что все предатели: только и ждут, как тебя подставить, только зазевайся — в спину ударят. Сталин это хорошо знал.

— Право, не знаю... — с сомнением в голосе протянул Дымов. — Я там такого не увидел. Мне, например, их всех жалко. Такие красивые, благородные, добрые... Такая семья славная, все друг друга любят — и вдруг тут революция, и вся жизнь коту под хвост. Если победу над врагом показывать, так уж нужно было и врага негодяем сделать, чтобы радоваться его гибели. Вы так не считаете?

Белошапкин ухмыльнулся:

— Прямолинейный вы человек, гражданин следовательно. Будто не знаете, как умело может зло маскироваться! Человек хороший до тех пор, пока ему это выгодно, а как только его прижмешь, тут он свое нутро и показывает. Во всех подлость сидит. Все предатели! «Семья... любят!..» — издевательски передразнил он. — Вы где-нибудь семью без предательства видели?

— У вас с женой трагедия была, я знаю, — посочувствовал Иван Павлович.

— При чем тут моя жена? — вскинулся Белошапкин. — А впрочем, это что, не предательство — взять и из окна прыгнуть? Все бросить, мужу жизнь, может быть, поломать? А!.. — Он махнул рукой. — Любвью ничего удержать нельзя, это всё фантазии. Одно только на человека действует — страх. И не верьте, когда вам про благородство рассказывают, врут, все врут.

— И вы тоже?

— Может, и я тоже. — Подследственный перевел дыхание. — Только вы это еще доказать должны, — закончил он уже спокойным голосом, хотя губы его еще дрожали.

— Да уж, задали вы мне задачку, Геннадий Васильевич... — Дымов нажал кнопку и вызвал конвой. — Я теперь уж и не знаю, что мне про вас думать!

И многозначительно добавил вслед уходящему Белошапкину:

— И про Сталина...

А совсем напоследок тихо, но так, чтобы задержанный все же слышал, буркнул:

— И про жену вашу, ныне покойную...

Готовясь к допросу, Дымов поднял из архива дело о самоубийстве гражданки Белошапкиной, тихой, незаметной женщины, о которой ни соседи, ни сослуживицы по железнодорожной кассе, где она проработала много лет, не могли сказать ничего плохого, как, впрочем, и ничего особенно хорошего. Отмечали ее набожность: ходила в церковь — может, детей вымалывала, потому что Бог ей их не дал, а она от этого вроде бы страдала. Дело казалось ясным, его быстро закрыли, версия убийства или доведения до самоубийства даже не рассматривалась. Белошапкин в момент падения жены из окна находился на работе, о чем свидетельствовала приобщенная к делу справка из Дома быта.

Раньше Дымов и сам не стал бы заново поднимать это дело, но теперь ему многое казалось подозрительным. Странно было, что богомольная Белошапкина взяла на свою христианскую душу страшный грех самоубийства. Следы многочисленных телесных повреждений экспертиза списала на падение из окна, и теперь уже не представлялось возможным установить, не были ли они нанесены еще до смерти. Она словно бы и вовсе не жила, эта несчастная Белошапкина, не оставившая после себя абсолютно ничего, даже воспоминаний и сожалений. Муж покойной жалел не ее, выпрыгнувшую из окна, а себя, поскольку с ее смертью он, по-видимому, лишился привычных удобств. Если только не он сам был причиной...

«Стоп! — остановил себя Иван Павлович. — Все это опять домыслы, не подкрепленные никакими фактами. Я их не только Петровичу, но и самому себе обосновать не смогу. Что за проклятая история — все как сквозь пальцы уходит, не удержишь!»

Дымов прошелся по пустому кабинету, ставя ногу на пятку и шлепая по полу носками туфель. «Стар стал старший, стар стал старший», — отбивали подошвы, и Иван Павлович готов был с ними согласиться. Ну чего он привязался к этому Белошапкину как к единственной версии? Да, неприятный субъект, мутный, но подозревать человека на основании личной

антипатии — грубейшая ошибка, даже для начинающего следователя она непростительна. Или тотальная подозрительность — это действительно уже издержки многолетнего профессионального восприятия? Интересно, врачам тоже все люди больными кажутся?

По ошибке можно засудить и невиновного, от такого ни один следователь не застрахован. Только и для этого нужна какая-никакая доказательная база, а ее в данном случае не было. Конечно, намеренно засуживать Белошапкина в планы Ивана Павловича не входило. Но время поджимало: начальство уже требовало освобождения задержанного. Нужна была улика, хоть какая-нибудь, хоть малюсенькая! Или, наоборот, алиби — пусть и такое же малюсенькое. В том-то и беда, что не было ничего...

«Ни-че-го, ни-че-го», — простучали по полу подошвы туфель. Какие детали еще не проработаны, что еще стоит сделать? Можно еще раз потерпевшую допросить — уточнить, что же за ерунду, как она выразилась, говорил ей Белошапкин. Пусть повторит дословно. Это раз. Дымов сделал пометку в перекидном календаре, который использовался им исключительно в качестве записной книжки и был открыт сейчас на красном листке «8 Марта». Что там с предыдущими местами работы подозреваемого? Надо подробнее ознакомиться с этапами его жизненного пути. Это два. И, наконец, третье — следует тщательнее разобраться с историей самоубийства жены Белошапкина, все ли там чисто. Нужно найти телефон бывшего следователя Полтавченко, который, судя по документам, вел это дело. Сейчас он из прокуратуры ушел в юрисконсульты какой-то частной фирмы, но память у следователей, пусть и бывших, хорошая, если попросить — наверняка вспомнит.

План был составлен, но успокоиться Дымов не мог и вновь стал мерить шагами пустой кабинет.

Вдруг он остановился и резко развернулся на каблуках. Душный автобус... малыш кричит, мать не может его успокоить... а пассажир с голубой книжкой «Нового мира» досадливо морщится и прикрывается раскрытым журналом... Вот где он уже видел эти близко посаженные глаза, бледное лицо в мелких оспинах, брезгливо поджатую нижнюю губу! Пригородный автобус! Теперь бы только вспомнить, куда или откуда... Память не подвела старшего следователя: автобус из Пантелеевки, после осмотра дачи Людмилы Попович, последнего эпизода серии. Что мог Белошапкин делать в Пантелеевке? Приехал к кому-нибудь в гости? Подыскивал съемную дачу на лето? А что, если у него там своя дача? Лучшего убежища не придумаешь...

Следствие, похоже, выходило на новый виток. Намеченный план мероприятий потерпит, теперь нужно дожидаться утра — и вперед, в Пантелеевку!

15.

Нет, совсем не стал стар старший следователь Дымов! Владел Белошапкин дачей в Пантелеевке, в дачном товариществе «Огонек». Мало того, находилась она по соседству с дачей Поповичей. Это был тот самый

скромный деревянный домик за выкрашенным в зеленый цвет забором из штакетника, на который Дымов обратил внимание в прошлый свой визит в Пантелеевку. Участок площадью в стандартные шесть соток был ничем не примечателен, но внутри дома следователей ждал сюрприз.

По-видимому, жилые функции дачи полностью отводились маленькой веранде, где стоял самодельный, грубо сбитый топчан, кухонный стол с электрической плиткой, шкафчик с нехитрым домашним скарбом. Неожиданностью стала большая, она же единственная, комната дачного домика.

— Ничего себе! — присвистнул Виталий. — Иван Павлович, это что — музей?

На стене прямо напротив двери висел большой портрет Сталина. Не парадный, со звездами и орденами, а очень простой, почти одноцветный. Одетый в серый френч отец народов стоял, сжимая в руках свою знаменитую трубку, и пристально смотрел немного в сторону чуть прищуренными глазами.

Виталий поежился:

— Не хотел бы я оказаться под таким взглядом... Прямо как горячий уголь. — И еще раз повторил: — Ничего себе!..

— Хороший портрет, — оценил Дымов. — Стальной цвет и скрытый жар в глазах. Мастерски сделано.

Но это было не единственное изображение вождя. Сталин смотрел отовсюду: с черно-белых фотографий, с цветных репродукций, вырезанных из журналов, с пожелтевших плакатов. Полка с собранием сочинений Сталина в темно-багровом переплете, книги, журналы...

— Что ищем? — спросил Виталий, оглядывая комнату. — Вы говорили, дневник?

— Всё, — коротко ответил Дымов.

Обыск начался. Понятые — молодая пара — с интересом знакомились с атрибутами уже изжитого культа личности.

Время от времени Виталий удивленно сообщал что-нибудь вроде:

— Смотрите, Иван Павлович, тут и коллекция трубок есть!

Дымов молчал, только вскидывал кустистые брови в ответ на особенно громкие возгласы своего молодого коллеги.

За дверью обнаружилось высокое, в полный рост зеркало и аккуратно развешанные возле него на рогатой вешалке френч и галифе, а под вешалкой — мягкие кожаные сапоги.

— Да сюда экскурсии можно водить!.. — ахнул Виталий. — А может, вот это дневник?

Он протянул Дымову большую амбарную книгу, исписанную четким почерком. Иван Павлович раскрыл наугад. Страница была разделена на две части. «Мы имеем врагов внутренних. Мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать, товарищи, ни на одну минуту», — стояло в левой колонке. И в правой, этим же почерком: «Внутренние враги — предатели!» Слово «предатели» было подчеркнуто с таким нажимом, что грубая бумага надорвалась в нескольких местах. Дымов перевернул страницу. «И мы будем уничтожать каждого такого врага, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями — да, и

мыслями — покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать», — было написано слева, а справа стояло три жирных восклицательных знака. И через всю страницу, обведенное красным карандашом: «Что не сделает закон, то должна восполнить пуля!»

— Дневник? — с надеждой спросил Виталий.

— Не совсем, но весьма красноречиво, весьма... — хмыкнул Дымов. — Будем изымать. Лазаренко, оформляй!

По дороге в отдел Виталий не мог уgomониться и продолжал обсуждать увиденное:

— С таким я еще ни разу не встречался! Чем только люди не занимаются, когда в голове полно «тараканов»! Только я не понимаю, что это нам для серии убийств дает? Никаких улик, связанных с нашими эпизодами, нет.

— А ты бы хотел, чтобы тебе орудие убийства на тарелочке поднесли? — съязвил Толя Лазаренко. — Или сувениры с места преступления? Тогда, конечно, мы были бы в шоколаде, тогда его легко колоть можно! Если это вообще он. Иван Павлович, вы не сердитесь, но, как мне кажется, сегодняшний обыск на вашу версию не работает.

Виталий вздохнул:

— И дневников не нашли. Жалко.

Дымов усмехнулся:

— Да нет, как раз нашли. Ты что, не понял, что всё это и есть его дневник? Понимаешь, всё! Это не музей Сталина, это он про себя — он таким хочет быть.

— Ого! Манья величия? В Сталины метит? — удивился Виталий.

— Или в его продолжатели. Обратил внимание на размер одежды? Сталин был маленький, а наш клиент высокий. Он этот френч не для Сталина, а для себя пошил. Не удивлюсь, если он его надевал и перед зеркалом красовался.

Виталий тряхнул головой:

— Его, по-моему, нужно на психиатрическую экспертизу отправить. Он же просто псих!

— Может быть, и нужно, — согласился Дымов. — Только ты не торопись, надо еще и понять многое. Ты же сам говоришь, что хобби у людей разные бывают. Документы о выдающихся личностях собирать, даже о Сталине, — это деяние уголовно не наказуемое. Так что конкретных доказательств у нас опять нет, но зато есть много всего интересного.

Если в разговоре с Виталием Иван Павлович проявлял разумный скептицизм, то в беседе с Сергеем Петровичем он сам был готов бороться со скепсисом начальника.

— Мы должны составить психологический портрет подозреваемого, и проведенный обыск дал нам много данных для этого, — убеждал Дымов угрюмо молчавшего Сергея Петровича. — Я буду подробно объяснять, наберись, пожалуйста, терпения. Во-первых, эта тетрадь. — Иван Павлович указал на амбарную книгу Белошапкина. — Это прелюбопытнейшая вещь! Я внимательно ее изучил, и знаешь, что это? Это конспект из статей и выступлений Сталина разных годов. Наш подозреваемый

просто диссертацию по отцу народов защищать может. Но тут важно, что именно он выписывал. Понимаешь, это не просто разрозненные цитаты, они тщательно подобраны и прокомментированы. Комментарии краткие, но, я бы сказал, злободневные. Вот, например...

Дымов открыл книгу на заложенной закладкой странице и прочел:

— «Масса не может уважать партию, если партия бросает руководство, если она перестает руководить». Еще: «Массы сами хотят, чтобы ими руководили, и массы ищут твердого руководства». И наконец: «Не может быть настоящей партии там, где нет веры в вождей». А теперь комментарий: «Что такое перестройка?!» Обрати внимание, цитаты выписаны аккуратно, почерк спокойный, округлый, а комментарии нервные, с подчеркиваниями, короткие, но страстные. Понимаешь? Он у Сталина ищет ответы на то, что сейчас делается! И не нравится ему нынешнее положение вещей. Он власти ищет, силы, у него почти все цитаты про насилие, про порядок, который нужно установить железной рукой. Ему сейчас железной руки не хватает.

— И что? Ты думаешь, только ему? — Сергей Петрович закатил глаза. — Подумаешь, удивил! Я вот, например, с этими сталинскими словами о партии полностью согласен. У нас сейчас одна половина на-родонаселения в либеральном восторге бьется, а другая — о сильной руке тоскует. Про развал, бардак и беспорядок тебе любая бабка на скамейке расскажет, только спроси ее. Ну сталинист твой Белошапкин, и что дальше? Что из этого следует?

— Но не каждая бабка со скамейки у себя дома музей Сталина собирает, — возразил Дымов.

— Нет, не каждая, — согласился Сергей Петрович. — Но и это ничего не доказывает.

Дымов открыл следующую закладку:

— А вот такое? «Если нам ради победы пролетариата и крестьянства предстоит чуточку выпачкаться в грязи, — мы пойдем и на это крайнее средство ради интересов нашего дела». И комментарий: «Жертва очищает». Он собой жертвовать готов или других в жертву приносить?

Сергей Петрович потер виски:

— У меня уже голова от твоих цитат трещит! Тут, понятное дело, психиатрической экспертизой пахнет, но не более того... Что можно суду предъявить? Человек с неустойчивой психикой, алиби у него нет, но и прямых улик против него тоже нет.

— Ну тогда вот это, с места обыска, на стенке было пришпилено.

Иван Павлович торжествующе выложил на стол фотографию комнаты дачного домика. На листке бумаги, прикрепленном кнопкой к стене, читалось: «На безрыбье даже “Дни Турбиных” — рыба». Рядом стояло несколько отметок-галочек.

— Теперь ты понимаешь? — Дымов сделал многозначительную паузу.

— Честно говоря, не очень. При чем тут рыба? Это уже не Сталин?

— Ты будешь смеяться, но Сталин! Я всё узнал! Очень интересная история. Был такой советский писатель — Билль-Белоцерковский. Он

Сталину письмо написал, обвинял Булгакова в несоветском мировоззрении. Сталин ему ответил и, представь себе, Булгакова защищал. Можешь проверить — том одиннадцатый, страница триста двадцать восемь, я отметил! — Дымов ликовал. — Я уже с нашим подследственным беседа на эту тему имел. Понимаешь, Сталин этот спектакль про Турбиных очень любил, много раз на него ходил, Белошапкин на его мнение в разговоре со мной ссылался. А посчитай-ка галочки! Сколько? Восемь! Столько, сколько у нас эпизодов в серии! Видишь, здесь отметины разного цвета, значит, ставил он их не одновременно. Спектакль шел уже девять раз, вечером последнего представления мы его и взяли, не успел отметить. Или не успел убить... Убить, а потом отметить. И выбор жертв можно объяснить. Вернее, отсутствие выбора. Он «на рыбалку» выходил, брал то, что попадет. Рыбак своего улова заранее знать не может — ловись, рыбка, большая и маленькая...

В кабинете повисла тишина. Сергей Петрович напряженно раздумывал, Дымов терпеливо ждал. Наконец Сергей Петрович нарушил молчание:

— Хорошо, ты меня почти убедил, необходимость продления содержания под стражей я прокурору обосную. Но какой у тебя план дальнейших действий?

Иван Павлович оживился:

— Во-первых, экспертиза у психиатров. А во-вторых, есть же у нас возможность «наседку» ему посадить? Или лучше наоборот, пусть посидит немного с «наседкой» — может, что-то и получим, а потом на экспертизу отправим. И еще из биографии Белошапкина кое-что уточнить нужно.

Сергей Петрович немного подумал и решительно заключил:

— Давай так. «Наседку» найдем, тут Груздев одного гопника-рецидивиста держит, дело почти готово для передачи в суд. Долго он на воле гулял, но в этот раз взяли крепко. Как я понял, готов сотрудничать — надолго заходить не хочет. Подумаем. Детали биографии давно нужно было уточнить, не тяни всё на себя, побольше ребят привлекай, они уточнят.

Дымов сделал протестующий жест рукой:

— Да нет, мне тут самому покопаться надо...

— Как знаешь, но имей в виду, это тормозит следствие. И я вот еще что предлагаю. Надо с театром договориться. Нам еще один спектакль этих «Турбиных» нужен — проверочный, так сказать. Понятно, усиленный наряд, наблюдение и все, что положено. Не выйдет ли кто еще на охоту, вдруг мы и правда не того взяли? Ты слишком привязался к своей версии, а это, прости, Палыч, не дело для профессионала с твоим опытом. Гложут меня сомнения... С одной стороны, все у тебя складно получается, психологичненько, только уж больно, на мой простой взгляд, хитро. Не перемудрить бы... Всё, договорились! — Сергей Петрович хлопнул ладонью по столу. — Действуем по моему плану. Уверен, что и ты согласен.

— Так точно. А что с Поповичем, отпускать будем? Нет на него прямых улик, и мне на него теперь отвлекаться некогда.

— Как — отпускать? — возмутился Сергей Петрович. — Нам, помимо наших висяков, еще только скандала с необоснованным задержани-

ем не хватало! Да мне голову оторвут! Пусть сидит — может, сознается. Может, твой маньяк в тот день в командировке был или на больничном, уточни.

— А кто его вести будет? Ты же сам говоришь, чтобы я ребят на Белошапкина переключил.

— А никто. Пусть сам сидит. Может, пить бросит. Для него СИЗО будет как курс детоксикации организма, ему полезно. Не-не-не, выпустать пока никого не будем! Кстати, а как этот Шариков котов душил? В рукавицах ежовых?

— Гольми руками. Говорит, шеи им скручивал, пока не хряпнет.

Сергей Петрович поморщился:

— Слушай, мы же работники юстиции. А «юстиция» по-латыни — это «справедливость». Вот по справедливости пусть за котов и посидит!

16.

Повторный допрос гражданки Никаноровой Софьи Андреевны новых фактов не выявил, зато добавил еще одну загадку.

Потерпевшая была раздражена, ей надоела затянувшаяся неприятная история, на вопросы следователя она отвечала резко и кратко:

— Подошел неожиданно. Слежки за собой не заметила. Не знаю, откуда и как долго он шел за мной. Что говорил? Вначале спросил, не потеряла ли чего. Я сказала, что всё в порядке, и продолжила искать в сумке ключи. Испугалась, когда он стал приближаться и нести что-то несуразное. Толкнула его в грудь. Тут сразу подоспела милиция. Всё.

— Попробуйте точно вспомнить, что такое, как вы выразились, несуразное он нес? — мягко, но настойчиво попросил Дымов.

— Ну, даже не знаю... — замялась женщина. — Что-то про классовую борьбу, которая все больше обостряется, про врагов внешних и внутренних... Да, точно, он спросил, как я думаю, кто опасней — враг внешний или внутренний. А потом говорит: «Внутренние враги хорошо маскируются, и различать их нужно учиться у деда, он умел это делать». И торжественно так, будто стихотворение читает: «С врагами нужно биться, а не соглашаться!» Потом потянулся ко мне, ну я его и толкнула.

— Вы уверены, что он сказал «у деда»? — переспросил Дымов.

— Да, точно — «у деда». Это что-то вам говорит?

— Может быть. Во всяком случае, спасибо вам большое, вы помогли.

Рассказ потерпевшей подтверждал агрессивные намерения Белошапкина, но загадочный «дед» озадачил Дымова. Может, это кличка какого-нибудь авторитета? Или реальный родственник? Для себя он отметил, что нужно этим заняться, но начальству решил пока не сообщать.

Беседа с бывшим коллегой Игорем Полтавченко была более продолжительной и результативной. Кабинет юриконсультанта фирмы, название которой состояло из набора букв и могло означать что угодно, отличался от помещений прокуратуры в лучшую сторону — светлый, теплый, с добротным полированным столом и мягкими кожаными креслами.

— За встречу? — предложил хозяин и налил из хрустального графина в сверкающие хромированные рюмки темного коньяку.

— Не откажусь, — согласился Иван Павлович и утонул в кожаном кресле с рюмкой в руке.

Поговорили о том о сем, о житье-бытье, и наконец Дымов перешел к цели визита. Оказалось, Полтавченко хорошо помнит обстоятельства дела о самоубийстве Белошапкиной, мало того, хорошо знает и самого Белошапкина, которого по этому делу допрашивал.

— Что касается самоубийства, там все было чисто. Белошапкина, понятно, проверили, у него имелось алиби — он на работе был, принес справку. Да и жена-то у него дура была, так что ничего удивительного, что из окна прыгнула.

— Это он сам сказал, что дура? — осведомился Дымов.

— Да не только он. Мы же опросили всех, кого можно, все говорили, что она была со странностями, богомольная и шуганая какая-то.

— А ты справку проверял?

— Да что ее проверять, это же был нормальный рабочий день. — В голосе Полтавченко не чувствовалось ни тени сомнения. — И потом, знаешь, он не тот человек, чтобы пойти на хладнокровное убийство. Я его раньше знал, нормальный парень. Он в моей роте был, когда я в Чехословакии служил. Я туда в шестьдесят восьмом попал, вместе с танками, а он уже в шестьдесят девятом. Но и тогда там дел хватало — «хоккейную неделю» помнишь?

— Ну как же, чемпионат мира по хоккею! Чехи нас два раза обыграли, но кубок был все-таки наш! — с удовольствием вспомнил Дымов.

— Чешские болельщики тогда полный беспредел устроили, представительство «Аэрофлота» разгромили и сожгли. Они это как хоккейный реванш за наши танки понимали, все стены в Праге расписаны были: «Вы нам — танки, мы вам — бранки».

— Бранки — это что? — удивился Дымов.

— Это по-чешски шайбы. А тут еще в начале марта с китайцами заваруха на острове Даманском приключилась, так чехи по улицам ходили и кричали: «Наш Недоманский — это вам не Даманский!» В смысле, Вацлав Недоманский, их нападающий. Он тогда еще молодой был и, конечно, просто зверь, да и все чехи были злющие. Что говорить, хоккей — дело политическое! Мы в оцеплении стояли возле магазина «Советская книга» — это в самом центре Праги, — там толпа перла так, что не удержать. Тогда как раз с этим Белошапкиным инцидент приключился...

Иван Павлович насторожился:

— А вот отсюда, Игорь, поподробнее, пожалуйста!

— Да как тебе сказать... — Полтавченко помедлил, собираясь с мыслями. — Дело давнее... Короче, дал он одному чеху прикладом по голове, тот и помер. Может, силу не рассчитал. Ты же сам понимаешь, когда на тебя не просто толпа прет, а еще и бутылки, камни летят, тут и опытный боец может самообладание потерять, а солдаты наши совсем мальчишки были. В общем, остервенели мы тогда... Это же настоящая война нервов! Потом разбирались, трибунал, пятое-десятое... Я ему сильно помог,

пожалел парня. Дело замяли, провели как необходимую самооборону. И потом, он что — один такой был? Это по официальной статистике все прошло почти бескровно, но мы-то знаем! Там за этот год много наших полегло, хотя чехов, конечно, больше. Но кто им виноват? Сами обнаглели, совсем страх потеряли! И что нам было делать, пускать все на самотек? Чем бы это закончилось не только для них, но и для всей Европы, подумать страшно. Благодаря нам чехи потом столько лет в мире жили, и, заметь, намного лучше, чем мы! Теперь, конечно, модно по-другому думать — что Советский Союз агрессор и всякое такое, — но я считаю, что мы были правы.

Идя по улице, Дымов прокручивал в голове полученную информацию. Было ясно, что почувствовать вкус крови, причем безнаказанно, у Белошапкина возможность была. А еще, как выяснилось, следователь Полтавченко алиби допрашиваемого соратника по справедливой, как ему казалось, войне никак не проверял.

В виске Ивана Павловича сверлила острая боль, перед глазами стояла залитая кровью белая рубашка того парня на Красной площади в августе шестьдесят восьмого, и откуда-то из глубины поднимался гадкий и страшный вопрос: «А что, если бы и у меня тогда был приклад?»

* * *

— Добрый день! Могу я поговорить с Иваном Павловичем Дымовым? — раздался в трубке строгий женский голос.

— Добрый день, слушаю вас.

— Любовь Ивановна Морозова, директор вечерней общеобразовательной школы номер девятнадцать, — представилась женщина на другом конце провода. — Мне передали, что вы хотели меня видеть. Извините, была на больничном. Завтра выхожу на работу, мы могли бы завтра и встретиться. Хотелось бы узнать, по какому вопросу. Проблемы с кем-то из наших учащихся?

— Не думаю, — поспешил успокоить Дымов. — Во всяком случае, у меня такой информации нет. Я хотел бы поговорить с вами о вашем сотруднике, учителе Геннадии Васильевиче Белошапкине.

— Да? Но он у нас уже два года не работает, — ледяным тоном ответила трубка.

— Я знаю, но мне все-таки хотелось бы задать несколько вопросов. Завтра в десять утра вас устроит? — Дымов был тверд. Он отметил, что директриса не поинтересовалась причиной его интереса к личности ее бывшего коллеги.

— Вы вызываете меня в прокуратуру? — Ивану Павловичу показалось, что телефонная трубка покрылась инеем.

— Я могу подъехать к вам сам, мне это труда не составит, — подчеркнуто любезно ответил Дымов. — Думаю, мой визит не доставит вам неприятных ощущений.

— Надеюсь, что так. Буду вас ждать.

На этом телефонный разговор закончился.

Следующим утром в безлюдном здании школы Дымов встретился с Морозовой, статной пожилой женщиной с собранными в пучок высоко на макушке седыми волосами, с тонкими губами и очками в невидимой оправе на длинном носу. «Типичная классная дама», — подумал Дымов.

— В это время у нас обычно пусто, учебный год еще не начался, — пояснила Морозова и сразу перешла к делу: — Что же вы хотели узнать о Белошапкине? Я ничего не слышала о нем последние два года.

— Мне кажется, что вам неприятно говорить о вашем бывшем сотруднике. Это действительно так? — напрямик спросил Иван Павлович.

— Да, так, — согласилась Морозова, но на доверительный тон Дымова не поддалась. — Полагаю, вам нужны какие-то факты, а не мои эмоции?

— В нашем деле ничего лишним не бывает. Любовь Ивановна, не могли бы вы объяснить причину, по которой Белошапкин уволился из школы? В трудовой книжке стоит отметка «по собственному желанию». Согласитесь, желание странное — оставить работу преподавателя ради места сапожника в Доме быта.

Морозова нахмурилась:

— Не так уж это по нынешним временам и странно. Зарплата у нас сами знаете какая, да еще и получаем мы ее раз в полгода. Мы же на муниципальном балансе. Конечно, это не работа для мужчины, с материальной точки зрения. Сапожники, думаю, могут получать намного больше. И потом, вы говорите так, как будто не видели бывших учителей торгующими в палатках на базаре! У нас одна учительница уволилась и челночным бизнесом занялась, из Польши футболки возит. И газовые баллончики. У нас многие их купили, особенно женщины, и у меня есть — на улицу-то теперь выходить страшно. Вас этот случай не интересует?

— Этот — нет, спасибо. Хотя имейте в виду, что применение такого баллончика небезопасно в том числе и для вас. Вам могут инкриминировать нанесение телесных повреждений, — заметил Дымов.

— Спасибо за совет. Только, может быть, это не я виновата, что приходится с собой баллончик носить? Может, моей безопасностью должен еще кто-нибудь обеспокоиться? — сверкнула очками директор.

— Я понимаю ваше раздражение, — поспешил успокоить Морозову Дымов, — и даже разделяю его. Вот и давайте помогать друг другу в деле охраны общественного порядка. Простите, не хочу быть резким, но я ведь не для развлечения к вам пришел. Вернемся к вашему бывшему сотруднику. Что он за человек, как к нему относились коллеги, ученики? Ваши учащиеся ведь люди взрослые, они уже могут оценить преподавателя и как профессионала, и как личность. Просто расскажите мне о нем, поделитесь своими впечатлениями. Пусть они будут субъективными, это даже лучше.

Иван Павлович изо всех сил старался побороть недоверчивость директрисы. Морозова помолчала и в конце концов спросила:

— А зачем это вам? Белошапкин что-то натворил? Это, вообще-то, на него непохоже. Никогда бы не подумала, что он может быть преступником, а вот отвратительным человеком он был всегда... И все-таки я не хотела бы, чтобы у него возникли неприятности из-за моих слов.

— Если у него и будут неприятности, то уж точно не из-за нашего с вами разговора, — заверил Дымов. — Может быть, наоборот, своими показаниями вы поможете ему выпутаться из очень щекотливой истории. Извините, в подробности я вас посвятить не могу.

— Конечно-конечно, — согласилась Морозова. — Честно говоря, я бы не хотела иметь никакого отношения к жизненным обстоятельствам Белошапкина. Человек он... мерзкий. Знаете, как бывает: вроде бы и придраться не к чему, а противно. Аккуратный, дисциплинированный, хороший специалист, начитанный и эрудированный сверх школьной программы. Он историю преподавал, согласно образованию. Очень требовательный. Вот я вам перечислила его качества, и все вроде бы хвалебно звучат, но на самом деле его за это не любили, причем и коллеги, и ученики. Аккуратный — это значило, что он мог скандал устроить из-за того, что учитель, который до него в классе работал, не до блеска вытер доску после своего урока. Причем умел делать это как-то очень обидно. Дисциплинированный — замечательно, сам никогда на уроки не опаздывал, но при этом внимательно следил за другими, и, если кого заметит, обязательно выскажет на педсовете, да еще и докладную мне напишет. Я не поощряла, но и запретить, как вы понимаете, не могла. Требовательность преподавателю в вину вменить нельзя, но учащиеся жаловались — он устраивал бесконечные зачеты, заставлял по многу раз пересдавать одно и то же. А у нас же все люди работающие, многие семейные! То есть, понимаете, формально он был прав — добивался высокого качества знаний, но по-человечески... И так во всем. Поэтому, когда случился тот скандал, я отчасти даже была рада, что у меня появилась официальная причина угрожать ему взысканиями, хотя бы за несоответствие содержания уроков министерской учебной программе. Это все не секрет, но мне не хотелось бы, чтобы эта история как-нибудь специально раздувалась. Я не стала выносить тогда сор из избы, деталей в отделе образования не знают. Ну уволился и уволился...

Морозова замолчала, видимо, подыскивая слова.

— Любовь Ивановна, дорогая, я же поэтому и пошел не в отдел образования, а к вам. Мне не нужно никаких официальных разбирательств, мне нужно понять, что за человек Белошапкин, а кто же мне в этом еще поможет, как не вы! — с максимальной искренностью взмолился Иван Павлович.

— Хорошо. — Морозова глубоко вздохнула и продолжила: — Ученики написали на мое имя коллективное письмо. Обвиняли преподавателя истории в насаждении сталинизма и в том, что он ставит двойки всем несогласным или вообще их не аттестует. Мы все прекрасно знали, что у него хобби такое было — он разную информацию о Сталине, о сталинском периоде собирал, любил цитатами сыпать. Но здесь, с учениками, нашла коса на камень, они же люди взрослые, сами во многом разбираются — во всяком случае, интересуются — и в жизни что-то понимают. Я вынесла обсуждение жалобы на педсовет. Тут Белошапкин как с цепи сорвался, стал скандалить, обвинять нас всех в предательстве. Кричал, что вокруг враги и чем мягче мы к ним относимся, тем больше сопротивления они оказывают, требовал беспощадного подавления, и еще, и

еще, и еще... Это молодые не понимали, а я-то знаю, что это всё цитаты, я-то помню, я это в молодости наизусть учила! Потом обвинил меня в по-такательстве, пообещал сообщить, куда надо, о разложении коллектива. Кричал: «У меня на всех вас документы есть, я вас всех достану! Сейчас храбрые стали, языки распустили, а только я всё вижу и слышу, я соответствующим органам смогу информацию о вашей политической линии донести, про каждого рассказать и фактами подтвердить!» Тут ему все всё и припомнили. Гадкий скандал был. Тогда и я его припугнула, что тоже могу на него компромат в любые органы представить, предложила написать заявление по собственному желанию. А он нагло ухмыльнулся и с издевкой говорит: «Давайте ручку, напишу!» Ему все стали свои ручки бросать: «На тебе, пиши!.. Моей ручкой напиши, я рад буду от тебя избавиться!..» Со всякими эпитетами, понятно... И поверьте, когда он ушел, всем стало легче, будто нарыв вскрылся. Так что зла я Белошапкину, конечно, не желаю, но и не жалею ни о чем ни минуты. Вот я вам все и рассказала. А ручки, что ему набросали, он собрал и с собой унес.

Так по черточкам складывался портрет Геннадия Васильевича Белошапкина, и, на взгляд Дымова, получался он не очень симпатичным.

17.

Гопник-«наседка» сидел в кабинете следователей. Маленький, щуплый, узкоглазый, за что, видимо, и получил кличку Кореец, он почти сразу согласился на неблагоприятную роль стукача. Его моральным принципам — вернее, их отсутствию — это никак не противоречило, а скотить срок, который очевидно светил, ему очень хотелось.

Развалившись на стуле перед Дымовым, Кореец явно наслаждался тем, что выступал теперь не в роли допрашиваемого, а в известном смысле в роли соучастника следствия и что судьба другого заключенного находилась теперь в его руках.

— Очень курить хочется. Может, угостите? — Кореец шепелявил, один передний зуб у него был сломан, и Дымов представил, как, наверное, залихватски, с блатным шиком, он сплевывает через эту щербину.

Иван Павлович подвинул пачку сигарет, щелкнул зажигалкой:

— Вообще-то, курение здесь не приветствуется, но так и быть, одну можно.

— Для хорошего разговора — оно завсегда надо! — заулыбался Кореец.

Дымов строго пресек его веселье:

— Теперь о деле. Я внимательно слушаю.

Кореец рассказывал с удовольствием. Надо отдать ему должное, он оказался смысленным и смог разговорить молчаливого и настороженного вначале Белошапкина. Прямых вопросов своему сокамернику Кореец не задавал, поначалу больше откровенничал о себе, о своей нелегкой доле, о ментовском беспределе, о том, что шьют ему дело не по понятиям — ну да, было, месил он и баклашил, но мокроты за ним отродясь не было. Белошапкин заинтересовался. Оказалось, история у них похожая — в том

смысле, что и за ним никакой вины нет, тоже ментовский беспредел и так далее. Но как ни пытался Кореец выведать у своего соседа что-нибудь конкретное, ничего не получалось, тот упрямо стоял на своем: взяли, мол, его по ошибке и пытаются навесить мокруху, о которой он ни сном ни духом.

— Он так и сказал — «мокруху». Я ему объяснил, что мокруха — это запахло, это мокрые шмотки с веревок во дворе тырить, правильные люди говорят «мокрота». Всему учить фраеров надо! А вообще, колоть его сложно, как только про его дело закинешь, он сразу юзить начинает. Короче, если б вы меня, начальник, спросили, я бы вам сказал, что он урыть не может. На мокроту характер нужен, а он простой фраер, он жидкий на это, — подвел итог Кореец.

— Это уж мы решать будем, — отрезал Дымов.

— Да я просто к чему говорю, — пояснил гопник. — Я к тому, что вот, к примеру, его сосед по даче котов перебил, так он про это рассказывал и аж трясся. Гадость, говорит, как же они — коты, стало быть, — орали...

— Котов ему жалко было? — поднял брови Дымов.

— Да не жалко, просто не одобряет он этого. Он чистенький такой, грязи боится.

— «Если нам предстоит чуточку выпачкаться в грязи, — мы пойдем и на это...» — пробормотал Дымов.

— Не понял? — удивился Кореец.

— Это я так, свое... О чем еще разговор был?

— Да много базарили. Он за жизнь свою рассказывать любит. Как начнет, так прям не остановишь, будто бухой становится, прямо штырит его.

— Давай подробнее. Что он про себя рассказывал? — напрягся Дымов.

— Да разное... Про детство свое несчастное. Безотцовщина и всякое такое. У него только мамка была, отца он и не знал. От сожителей мамкиных ему крепко доставалось, так что как только смог, так из дому и сканал — в вольную жизнь, стало быть. А там и мамка померла... Только тут вот какая закавыка есть. Он себя знаете чьим внуком считает? — Кореец сделал многозначительную паузу.

— Чьим? — поторопил Дымов.

— Сталина! — торжественно провозгласил Кореец и рассмеялся во весь свой щербатый рот. — Верняк говорю, Иосифа Виссарионыча! Он мне как первый раз сказал, так я чуть с нар не полетел. «Ты, — говорю, — при таких заявах за базар-то отвечай!» Так он весь покраснел и давай доказывать. Вроде бабка его в обслуге Сталина посудомойкой была, а Хозяин после смерти Аллилуевой тосковал очень, ну вот так его мамка и получилась. Бабку, понятно, заранее в Сибирь отправили, но не на зону, на воле оставили. Хозяин справедливый был, я его уважаю. Я еще маленьким был, когда Ус хвост откинул, но помню, как все плакали... Бабка, он говорит, всю жизнь молчала, только перед смертью сказала матери. Я, понятно, прикидываюсь, что верю, но думаю: нет, фуфло толкает. А потом и точно понял, что фуфло, потому что в другой раз он мне по-другому рассказал. Типа, мамка его с Василием Сталиным по малолетке спуталась. Потому и отчество у него — Васильевич. Ну, понятно, Васька

был мастак ранеток шкворить, только мне запаadlo слушать, как этот фразер меня разводит. «Не по сезону шелестишь, — говорю, — ты мне ксиву про свое царское происхождение покажи! У нас Васильевичей — каждый третий, тоже мне, удивил». А он мне давай тогда на себя показывать: вот, говорит, смотри, я даже лицом на деда похож, вот и оспины у меня... Ну я и говорю: «Ты прям под Пугачева, что ли, косишь? Ты мне еще царские знаки на груди покажи!» А он обиделся и замолчал.

Дымов удивленно поднял брови:

— А откуда ты про Пугачева знаешь?

— Обижает, начальник! — расстроился Кореец. — Я тоже кое-что читал. Я в последнюю ходку на больничке был, а там библиотека. Мне фельдшерица книжку дала про капитанскую дочку, мне понравилась. Хорошая книжка, жизненная. Во люди были! Не то что сейчас...

Он поколебался и предположил:

— А может, он псих? Тогда я с ним сидеть не согласен! Он, может, меня подушкой ночью придушит. Или он правда сталинский внук?

Ответить на этот вопрос Дымов не мог не только Кореицу, но и самому себе.

После разговора с «наседкой» Иван Павлович долго сидел в кабинете и в задумчивости рисовал на листке шахматную доску, методично заштриховывая квадратики. Черные квадратики — доказательства вины Белошапкина — перемежались с белыми — доказательствами его невинности. Могла маниакальная одержимость Сталиным, в которой убеждали и музей на даче, и показания потерпевшей, и рассказ директора школы, а теперь и Кореица, привести к стремлению реализовать ее в серийных убийствах? Могла. Более того, упоминание Кореица об истребленных котах проливало свет на последнее убийство из серии. Если Белошапкин был знаком с соседями по даче, а это теперь очевидно, то понятно, почему Попович так близко подпустила к себе убийцу. Нет ничего удивительного в том, что, случайно встретившись на вокзале, дачные соседи присели на скамейку поговорить. С другой стороны, вырисовывалась и другая картина: музей Сталина на даче — это уже и есть реализация маниакальной идеи родства с Хозяином, как с оттенком почтительности называл Сталина Кореец, а несчастный и психически неустойчивый Белошапкин случайно оказался в ненужном месте в ненужное время и был задержан безвинно. Иван Павлович хорошо знал, как это бывает, и даже помнил собственные ощущения.

В глазах рябило от черно-белых квадратиков. Иван Павлович отодвинул лист. Его неудержимо тянуло на улицу, где уже вечерело и начали зажигаться фонари и окна домов. Нужно было идти. Знакомое легкое покалывание в кончиках пальцев, обострившаяся чувствительность кожи и сосущая пустота в желудке говорили о том, что сегодня вечером он не скоро вернется домой.

* * *

Началось это давно, еще в детстве, в маленьком приморском городке, когда они с мальчишками придумали себе щекочущее нервы развлечение — подкарауливать припозднившихся на пляже любителей вечернего

купания и пугать их, неожиданно с громкими воплями выскакивая из прибрежных кустов. Пляжники вскрикивали, хватались за вещи, некоторые бросались бежать, а хохочущие мальчишки исчезали так же мгновенно, как и появлялись.

Самым возбуждающим было застать где-нибудь в укромном уголке обнимающуюся парочку и, прежде чем спугнуть ее, долго наблюдать из укрытия. Здесь даже не нужно было громко кричать — застигнутые врасплох пугались любого шума, отшатывались друг от друга. Женщины, ойкая, одергивали юбки или запаховали на груди блузки, мужчины смущенно опускали глаза и торопились скрыться со своими подругами в тени. Заводила мальчишечьей ватаги Колька принес от своей древней богобоязненной прабабки слово «прелюбодеяние», и оно, составленное из преступления и любви, как нельзя лучше описывало то смешанное чувство стыдного, сладкого и преступного, которое испытывал в таких случаях Ваня Дымов.

Забавно было, что менялось и само понятие преступления. Нападая на пляжников, ты был веселым, но бандитом. Разгон «прелюбодеяния» превращал тебя в блюстителя закона — уже хотя бы потому, что взрослые мужчины и женщины, которые в другое время могли дать тебе подзатыльник, вели себя как преступники и пусть на короткое время, но оказывались в твоей власти.

Потом семья Дымовых переехала в другой город, и здесь подросток Иван нашел новое занятие, которое на долгое время превратилось в его тайную страсть. Он выбирал себе на улице человека, устанавливал за ним слежку и вел незнакомца по городу. Обычно маршруты были короткими — от заводской проходной до подворотни старого дома в предместье, но иногда путешествие оказывалось долгим и загадочным. Чаще это бывало с мужчинами, потому что, как с сожалением убедился Иван, женщины чаще всего выбирали пути короткие и неинтересные — магазин, парикмахерская, дом. Однажды ему пришлось исколесить почти весь город: человек средних лет, совершенно непримечательной наружности, бродил по улицам, заходил в разные дома и тут же выходил из них с какими-то свертками, от которых избавлялся в других домах, а в конечном итоге поймал такси и уехал. Тут преследование и закончилось, поскольку Иван уже потратил все свои карманные деньги на трамваи, стараясь не отстать от незнакомца; впрочем, денег на такси у него в любом случае не было. Но потом он еще долго воображал себе, как лихо было бы организовать настоящую погоню, как, властно махнув рукой, он остановил бы другое такси и приказал бы шоферу: «Едем за этой машиной! Соблюдайте осторожность, нас не должны заметить!»

В этих блужданиях по городу он открыл для себя манящее притяжение освещенных окон. За окнами скрывались тайны и соблазны. Здесь он впервые увидел обнаженную женскую грудь — девушка одной рукой взлохмачивала мокрые волосы, а другой потянулась к высокой форточке, и ее халат распахнулся. За стеклом она увидела застывшего мальчишку, улыбнулась ему и задернула штору. Иван, мучительно вспыхнув, отступил в темноту и побежал по улице с колотящимся сердцем.

Окна показывали ему, как страстно припадают друг к другу мужчины и женщины и как безжалостно они отталкивают друг друга, как люди молча улыбаются и как заходятся в не слышном через стекло крике. Освещенные окна околдовывали. Они творили чудеса, придавая смысл самым простым и обыденным человеческим действиям: там, за стеклом, беззвучные разговоры людей, их жесты, расстеленная постель, помытая посуда, которую хозяйка горкой складывала на столе, — все приобретало какое-то таинственное значение, становилось особенным и важным.

Страстное желание раскрыть эти тайны снадало Ивана, а в один из вечеров он вдруг остро почувствовал свою власть над этим трепетом чужой жизни, хрупкой и незащищенной, как бабочка, над призрачным счастьем за окном, которое так легко сломать. Эти люди, укрывшись за шторами, считали себя в безопасности, они не знали о его существовании, но он о них знал! Он держал в своих руках их мир, как стеклянный аквариум. В его власти было бросить его на землю так, чтобы разлетелись сверкающие осколки, хлынула вода и задыхающиеся золотые рыбки забились в предсмертных конвульсиях, захлебываясь остатками воды и сором на грязном полу. Это новое чувство было так сильно, что однажды Иван не выдержал и запустил камнем в окно — и убежал потом проходными дворами, с восторгом унося с собою звон стекла, испуганные и негодующие крики.

Через много лет в Москве, в мрачном зале спецбиблиотеки школы КГБ, где он работал с архивными документами, он вспомнил то разбитое окно. Он представил, как под освещенными окнами останавливается черная машина и молодой кагэбист заглядывает в комнату, где живут люди, привычная жизнь которых через мгновение закончится. Потом, сломленные страхом, они будут вспоминать обыденность своих домашних будней как необыкновенное счастье, но пока не знают этого. Но молодой кагэбист знает. Власть держится не на прямом насилии, а на разлитом в воздухе страхе, потому что всегда есть тот, кто стоит за твоим окном, и горе тем, кто об этом забыл...

Впрочем, со службой в КГБ у Ивана Павловича не сложилось из-за Маши. Бурный роман с красавицей студенткой медицинского института приближался к женитьбе, когда Дымова вызвали к начальству. Ему доходчиво разъяснили, что брак с девушкой с «неблагополучной» еврейской пятой графой в паспорте, да еще и с не менее «неблагополучными» дальними родственниками за рубежом, никак не способствует успешной карьере в органах. Дымов пробовал возразить, что дело это имеет сугубо личный характер и к службе не относится, но моложавый полковник презрительно оборвал его:

— Напоминаю, что вы служите в органах государственной безопасности, а потому все сферы вашей жизни подчинены государственным интересам, а не желаниям ваших, простите за каламбур, интимных органов. Нужно головой думать, а не ими, если уж решили обзавестись семьей. Кстати, жениться надо, это приветствуется, верная подруга нужна. Но кандидатуру настоятельно совету ю пересмотреть.

Свадьба состоялась в тихом загсе на Плющихе, но из КГБ пришлось уйти. Управление кадров союзной прокуратуры было не столь щепетиль-

но, так Дымов и очутился в прокуратуре областного, или, как он любил говорить, губернского города. Молодая жена оказалась верной подругой. С блеском окончив институт и получив красный диплом врача, она без сожалений забыла о своем коренном московском происхождении и последовала за мужем в провинцию.

Но и здесь были дома, в которых — особенно в старой, центральной части города — окна располагались низко. На какое-то время ночные путешествия Дымова прекратились: новая работа предоставляла большое поле для исследований человеческой природы в самых страшных и неожиданных ее проявлениях. Вскоре пошла слава об особом, «зверинном» чутье Дымова, это способствовало служебному росту и тешило самолюбие.

— Ну как это у вас получается? Вы бы опытом поделились. Этому можно научиться? — спрашивали коллеги.

Но Дымов только загадочно улыбался:

— У каждого свой талант... Цените, пока я жив.

Он не мог рассказать о своей тайне и уж тем более — поделиться опытом. Провести учебные занятия по подсматриванию в чужие окна? Опыт Дымова был там, за этими окнами, в его особом умении находиться одновременно снаружи и внутри, понимать, переживать, кожей чувствовать чужую жизнь, которая раскрывает всю значимость своих мелочей только стороннему наблюдателю. Каждый подозреваемый, каждый преступник был для него окном, полуприкрытым шторами, и нужно было только стать частью жизни за стеклом: не только мыслить, как другой человек, но и слышать, видеть, осязать, как он, почувствовать запах другой жизни, запах преступления. У каждого преступника был запах, которого Дымов не смог бы описать, но этот запах его возбуждал.

Когда оперативники принесли первый изъятый видеоманитофон с целой коллекцией порнофильмов и весь отдел припал к экрану, Дымов наблюдал за разгоряченными лицами ребят, пытавшихся скрыть свое возбуждение за скабрзными шуточками и нарочитым хохотом. Тогда он вновь убедился, что явленное прямо, лишенное оттенка преступности, оставляет его холодным. Страстные вздохи и обнаженные тела, демонстрируемые на экране, не волновали его так, как волновало подсмотренное за ночными окнами, пусть менее искусное и далеко не такое откровенное.

Однажды Дымов чуть не поплатился за это, наблюдая за неумелыми сексуальными попытками совсем еще молодой парочки. Он слишком долго топтался под их окном. Бдительные соседи заметили это и вызвали наряд милиции. Патрульные сработали на удивление быстро, Дымов не успел скрыться, его задержали на месте, но спасло служебное удостоверение. Пришлось выдумать историю о наружном наблюдении. Она вполне удовлетворила милиционеров, и он был отпущен, даже с извинениями. Этот случай обогатил Дымова новым переживанием — торжеством преступника, ушедшего от задержания, и оно оказалось удивительно приятным.

Жена поначалу терпеливо ждала его с его ночных прогулок, истинной цели которых, конечно же, не знала, но постепенно привыкла, перестала дожидаться и мирно ложилась спать. Мудрая Маша приняла чудачество мужа, но не разглядела за этими поздними отлучками начавшиеся измены. Объяснить, зачем ему нужны эти мимолетные романы, часто не стоившие

усилий, которые на них были потрачены, Дымов, пожалуй, и сам себе не мог. Просто каждая женщина была новым освещенным окном, за которым он воображал тайну, даже если никакой тайны там и не было. Возбуждал Дымова не результат, а процесс охоты, преследования, постепенного обретения власти над женщиной, трепет незаконности и опасности.

Он так никогда и не узнал, догадывалась ли Маша о его неверности. Если и да, она никак этого не показывала. Финальный прокол Дымова был пошлым: свое предутреннее возвращение он оправдал ночным дежурством, сославшись зачем-то на коллегу по отделу Мишу Прохорова, а Машина подруга именно в тот вечер оказалась на дне рождения, где этот самый Прохоров присутствовал до самой глубокой ночи. Маша только спросила:

- Так ты и вправду с Мишей дежурил?
- Ну да, — бодро подтвердил ни о чем не подозревающий Дымов.
- Что за странный вопрос? Зачем тебе это?
- А действительно, зачем мне все это? — только и сказала Маша.

Она уехала быстро, решительно, без долгого выяснения отношений, разумно и деловито, как могла делать только она. Удивительным образом, едва Дымов расстался с женой, из его жизни исчезли и другие женщины, они вдруг оказались ему совершенно не нужны и не интересны. Пропала интрига, оттенок преступления, который раньше сопровождал его связи; теперь, в холостом состоянии, они казались ему пресными и скучными. Маша ему не писала, но от дочери он знал, что у нее все устроилось, она даже снова вышла замуж. «Он, конечно, не красавец, но хороший мужик. И знаешь ли, папочка, в отличие от тебя основательный», — охарактеризовала нового родственника Ленка. В разводе родителей она заняла нейтральную позицию, подтвердив тем самым, что унаследовала мудрость своей матери, а не только «неосновательность» чудаковатого отца, которая в свое время толкнула ее на театральную стезю.

В последнее время жажда ночных приключений не так томила Ивана Павловича, хотя изредка накатывала. Чаще всего «приступы», как он сам для себя называл это состояние, случались, когда он сталкивался с каким-нибудь сложным и неоднозначным делом. Его охватывало беспричинное беспокойство, по телу пробегала мелкая дрожь, нервы напрягались, и он понимал, что нужно идти.

Так было и этим вечером.

18.

Уже в дверях Дымова остановил Сергей Петрович:

— Значит так, Палыч, завтра у тебя ответственное задание — придется говорить с телевидением. Мне сверху позвонили, я уже дал согласие. Не крути головой, вариантов нет. Гласность, мать ее... Сейчас журналисты больше нашего знают, не отвертись. Давай так: дашь им самые общие сведения, особо не откровенничай. Мол, тайна следствия и прочее. Ты знаешь. Но создай впечатление, что всё под контролем, а то они настоящую панику раздуют, и так уже народ мутят, маньяком пугают. Надо как-то успокоить общественность.

— Да почему опять я? Пусть Лазаренко с ними разговаривает, он кого хочешь заговорит, — попытался отвертеться Дымов. — Или вон хоть Сергушин. Он молодой, красивый, а я что — старый гриб... Куда мне на экран!

— То-то и оно, что Сергушин молодой и неопытный, а Лазаренко болтлив не в меру. Кроме того, прессе авторитет нужен, то есть именно ты. Так что, как у них в телевизоре говорят, при всем богатстве выбора... Завтра телевизионная группа придет к десяти, ты уж оденься поприличней. Ну давай, до завтра, телезвезда! — Сергей Петрович хохотнул и протянул руку.

Настроение было окончательно испорчено. Иван Павлович рванул вверх застежку-молнию на куртке и, угрюмо кивнув на прощание охраннику, хлопнул дверью. На улице было прохладно, как бывает летом после дождливого дня, пахло свежей листвой, мокрым асфальтом, под порывами ветра с деревьев падали крупные капли. Дымов набрал полную грудь воздуха, глубоко выдохнул и медленно пошел к бульвару, где, пробивая светом густую листву, уже горели фонари.

— Иван Павлович Дымов? — услышал он за спиной и обернулся.

Молодой человек в щегольских джинсах и красной рубашке с распахнутым воротом шагнул ему навстречу:

— Извините, Иван Павлович, можно вас на минутку? Алексей Крашевский, Первый городской... — Он подал визитку.

Дымов повертел в руках кусочек картона и протянул его назад:

— И чего же вы от меня хотите, Алексей Крашевский?

— У нас с вами завтра интервью, — улыбнулся молодой человек, — а тут такая неожиданная встреча... Это вам визитка, возьмите!

— Так уж и неожиданная? — саркастично усмехнулся Дымов.

— Ну почти... — не стал отпираться Крашевский. — Я подумал, может, нам предварительно поговорить, обсудить интервью, а то, знаете, экспромты под запись не всегда удаются.

— А вам в голову не пришло, юноша, что я сейчас не на работе? Приходите завтра, в служебной обстановке всё и обсудим.

Журналиста резкий тон Дымова не смутил.

— Извините, Иван Павлович. Я понимаю, что вы наверняка устали, но ведь у нас с вами ненормированный рабочий день, разве не так? — быстро заговорил он, стараясь удержать собеседника. — Мы ведь одно дело делаем — покой наших граждан охраняем днем и ночью, мы почти коллеги! Кто, как не мы, может отстоять правду и справедливость?

— Это вы покой граждан охраняете? Это вы правду защищаете? — возмутился Иван Павлович, но остановился.

— Конечно! — обрадовался Крашевский. — Правда — она свободна, а именно мы с вами, я имею в виду следователь и журналист, — фигуры, так сказать, процессуально независимые. А что касается покоя, то ведь очевидно же, что неизвестность порождает страх. Мы должны людей информировать. Как говорят: praemonitus, praemunitus.

Дымов удивленно поднял брови:

— Кто предупрежден, тот вооружен?

Журналист расплылся в улыбке:

— Ну да! Вы не удивляйтесь, у меня не только журналистское образование, я заочно на юридическом учусь. Это очень нужно, если собираешься серьезно заниматься журналистикой. Иван Павлович, тут за углом приличная кафешка — «Избушка», давайте поговорим! Это не под запись, согласуем вопросы на завтра, и вообще...

И Дымов согласился. Вечер явно развивался по своему собственному сценарию, но такая непредсказуемость спасала от блуждания по улицам и возвращения в глухую в своей пустоте квартиру. Кроме того, Ивану Павловичу, который категорически не жаловал средства массовой информации и их представителей, этот парень неожиданно показался любопытным.

Маленькое полуподвальное помещение было оформлено в псевдо-деревенском стиле: обшитые деревом стены, рубленые столы и стулья-чурбаны. Было душно, тесно, дым стоял коромыслом.

— Петя! — крикнул Алексей бармену, и тот показал рукой в угол, где пустовал маленький столик, использовавшийся, по-видимому, для служебных нужд.

Подвигая к столу два чурбана, Алексей констатировал:

— В тесноте, да не в обиде! Хорошо иметь знакомых, очень в жизни и в работе помогает. Вы что будете?

— Вы же кофе обещали. Этого достаточно.

— Сейчас, я мигом!

Алексей пошел к барной стойке, а Дымов огляделся.

Публикой в «Избушке» была молодежь. Девицы в лосинах невесточных, кричащих цветов, в коротеньких юбочках, со взбитыми волосами и густо накрашенными лицами. Юноши в бесформенных штанах и футболках не менее странных расцветок, в кожаных куртках. Девушки усаживались к своим приятелям на колени, все курили, потягивая через соломинки странные зеленые и синие напитки. Было шумно, в динамиках хриплый, будто простуженный, голос пел что-то невнятное по-английски. Дымов был здесь явно чужим, но все были настолько заняты собой, что на него никто не обратил внимания.

— Сейчас все будет! — сообщил подошедший Алексей, который в отличие от следователя чувствовал себя вполне комфортно. Через минуту на столике появились чашки с кофе, коньяк, блюдечко с нарезанным лимоном и вазочка с мелким печеньем. — Мы же с вами уже не на работе? Не отказывайтесь! — Алексей взялся за бутылку, и Иван Павлович не отказался.

Коньяк был так себе, но напряжение уходящего дня отпустило. Да и разговор получился, как показалось Дымову, небезынтересным.

— Иван Павлович, как вы понимаете, меня интересуют участившиеся в городе убийства, которые, как я знаю, пока не раскрыты, — начал Алексей.

— Вы именно об этом собираетесь со мной говорить? — спросил Дымов. — Если надеетесь выведать какие-нибудь жареные факты, то должен вас разочаровать. Идет следствие, и есть такое понятие, как следственная тайна.

— Но люди хотят хоть что-то знать. Есть такое понятие, как гласность, — парировал журналист.

— Есть. Но закона пока еще даже гласность не отменила. И потом, скажу вам честно, я не считаю правильным стремление вашей братии будоражить публику.

— Вы меня не так поняли. Я вовсе не хочу будоражить, как раз наоборот, я хотел бы, чтобы вы успокоили общественное мнение. Люди боятся, — возразил Алексей.

Иван Павлович развел руками:

— Как я могу их успокоить? Я не Господь Бог. Мне очень жаль, что эта тема уже раздута. Я бы лично запретил информировать население до окончания следствия, толку от этого все равно нет. Не было бы утечки информации — не было бы никакого страха, не нужно было бы никого успокаивать. Так?

— Нет, не так! — возмутился Алексей. — Люди имеют право знать, что происходит в их городе. И я считаю, что открытость информации, свобода слова — это важнейшее достижение перестройки. Мы слишком долго жили в условиях тотальной цензуры, за железным занавесом и в незнании своего прошлого.

Иван Павлович поморщился:

— Знаете что, голубчик, не валите все в кучу! Таких гладких и хороших слов вокруг и без вас полно, выше крыши. Вы хотели меня слушать? Извольте!

Дымов попробовал по привычке откинуться на спинку стула, но вместо стула был чурбан, у которого спинки не было. Тогда он налег грудью на столешницу и, раздражаясь все больше и больше, заговорил:

— Во-первых, юноша, не вам судить, насколько долго мы жили и в каких условиях! Вы еще вообще прожили мало, дай вам бог, конечно, здоровья и долгих лет. Во-вторых, ваша хваленая свобода слова имеет смысл только тогда, когда пользующийся ею несет ответственность за свои слова, а этого я часто у вашей братии не вижу. Безответственные слова порождают неверие в них, и, как следствие, свобода слова оказывается сопряжена с такой же свободой никак на эти слова не реагировать. Оттого что вы много шумите, ничего не меняется! Еще десять лет тому назад разгромная статья в газете влекла за собой нешуточные последствия, могла стать приговором, а сейчас — кто обращает внимание на раздутые вами скандалы? В-третьих — о железном занавесе и неизвестном прошлом... Мне тут бабуля-соседка недавно сказала: «Жили мы, ничего не зная, и хорошо жили. Зачем нам все знать? И какой толк от того, что мне теперь про границу рассказывают, как там у них хорошо и как мы от нее отстали? Я в этой границе сроду не была и не буду, а когда свое хают — это обидно». И с историей то же... Раньше обгаживали одних, теперь — других, вот и вся разница. Раньше во всем виноваты были враги народа и диссиденты, теперь во всем виновата преступная власть.

— Нет-нет, подождите! — запротестовал Крашевский. — Это было не просто, как вы говорите, обгаживание, а физическое уничтожение людей! Вы оправдываете сталинизм и массовые репрессии?

— Я не оправдываю массовых репрессий! Индивидуальный террор я тоже не оправдываю. Только вам, как будущему юристу, следует знать, что публично обвинять кого-либо в преступлении можно только тогда,

когда человек официально осужден. Кто-то возбудил уголовное дело в отношении Иосифа Сталина? Доказан состав преступления и вынесена правовая оценка массовых расстрелов и ссылок? Я что-то таких документов не видел. Если вы хотите общественное мнение изменить, то именно с этого и надо начинать, а не с ужастиков про ГУЛАГ и прочее, это все эмоции без правовой базы! Такое копание в ужасах прошлого некрофилией пахивает и, уж безусловно, мазохизмом.

Динамик, укрепленный почти над столиком, где сидели Дымов и Крашевский, неожиданно рывкнул натужным голосом: «Перемен! — требуют наши сердца. Перемен! — требуют наши глаза...»

— Вы хотите всё переменить, перестроить, переделать, переосмыслить и чего там еще пере-пере... — Голос Дымова сорвался в негодующем сарказме. — Так я уже согласен! Но для этого нужно что-то *делать*. Делать, юноша, а не просто говорить! Из всех реформ, о которых вы кричите, только шашлыки у кооператоров да еще вот эта разлюли-малина! — Он обвел рукой интерьер «Избушки», почти невидимый в клубах дыма. — Все остальное — болтовня!

— Иван Павлович, чтобы не было пустой болтовни, я и прошу у вас фактов, конкретных фактов по состоянию дела с расследованием! Тогда мне не придется выдумывать, — взмолился Алексей. — Я же как раз и предлагаю, чтобы СМИ и правоохранительные органы сотрудничали, чтобы мы вместе работали, дело делали, как вы говорите! Чтобы люди не боялись по улицам ходить...

— Дело будет, когда преступник будет задержан, его вина доказана и он будет осужден по закону. Это должен сделать я, вы мне в данном случае, простите, не помощник! Вот тогда люди и не будут темных улиц бояться. Хотя...

Дымову приходилось напрягать голос, чтобы перекричать неистовствующего в динамиках Виктора Цоя, который вдруг снова вмешался в разговор. «Сигарета в руках, чай на столе — так замыкается круг, и вдруг нам становится страшно что-то менять...» — пропел динамик, и Дымов торжествующе хлопнул в ладоши:

— А вот за это — хвалю!

Иван Павлович выждал, пока Цой еще несколько раз настойчиво потребует перемен и закончит петь. Когда над головой вновь негромко забухло что-то английское, он продолжил:

— Мне думается, с бесстрашием палку перегибать тоже не следует. Темные улицы всегда небезопасны, в темноте элементарно споткнуться можно. Чувство страха человеку необходимо для того, чтобы избежать опасных ситуаций, а значит, просто выжить: не упасть с высоты, спрятаться от грозы, не обжечься в огне... Встречается у некоторых редкая болезнь — отсутствие страха, когда что-то там в мозгу изменено, так это, скажу вам, несчастные люди! Конечно, сильный страх парализует, но в терапевтических дозах он показан всем. Не только каждому отдельному человеку, но и обществу в целом. В том числе и страх перед законом.

— А как же определить эти терапевтические дозы? И кто будет их назначать? Вы на себя ответственность за передозировку возьмете? — Крашевский пристально смотрел на следователя.

— Иногда приходится брать... — устало ответил Дымов и достал из кармана кошелек. — Что я должен «Избушке»?

— Ничего. — Крашевский сделал протестующий жест рукой. — Вы мой гость. Спасибо вам за разговор. Так я буду завтра в десять, с оператором.

— Договор есть договор, но никаких откровений не ожидайте. Это я сейчас что-то расфилософствовался.

— Конечно, — кивнул головой Крашевский. — И я вам благодарен за это.

На бульваре ветер шумел тяжелой летней листвой и гнал почти невидимые в темном небе облака. Где-то вдалеке ворчала приближающаяся гроза. Дымов вдохнул влажный воздух, который показался удивительно вкусным после духоты «Избушки», и понял, как сильно он устал за сегодняшний день и как ему хочется домой, только домой.

19.

Небольшой двор областной психиатрической больницы был отделен от больничного парка высоким забором. На облупившейся зеленой скамейке с выгнутой спинкой сидели два человека в больничных пижамах. Они замерли на противоположных концах скамейки, отвернувшись друг от друга, и явно не были настроены общаться.

В длинном больничном коридоре по сравнению с улицей было промозгло и холодно. Такая же облупившаяся масляная краска покрывала стены и вытертый, местами надорванный старый линолеум на полу. Пахло лекарствами, капустным супом, манной кашей, продезинфицированными простынями — тем характерным больничным духом, который всегда казался Ивану Павловичу запахом боли и безысходности. Когда-то, в свою бытность в Москве, Иван Павлович оказался в музее-квартире Достоевского во флигеле Мариинской больницы для бедных. Здесь жила семья доктора Михаила Достоевского, здесь родился его сын Федор. Отец будущего писателя выходил прямо из своей гостиной в больничный коридор с единственным окном в конце и отправлялся на обход в палаты, а по вечерам сидел за столом и писал длинные «скорбные листы», как назывались тогда истории болезни. Иван Павлович относился к Достоевскому сложно: с одной стороны, его всегда к нему тянуло, а с другой — он боялся его, боялся той магнетической силы, которая не давала оторваться от страниц, наполненных обнаженным страданием и жесточайшим, на излом, испытанием человеческой психики. В той убогой казенной квартире Иван Павлович понял, что все, написанное Достоевским, было продолжением «скорбных листов» его отца.

Это словосочетание всплыло и навязчиво крутилось в уме, пока Иван Павлович шел по коридору к кабинету главного врача.

Мягкий, пухлый и уютный доктор с шишковатым, гладко обритым черепом радушно указал Ивану Павловичу на стул:

— Вы, конечно же, хотите обговорить результаты обследования пациента Белошапкина?

— Да, доктор.

— Нет-нет! — замахал руками главврач. — Анатолий Борисович. Для вас — Анатолий Борисович. «Доктора» давайте оставим пациентам. Вы же не больной? Как раз наоборот, мы с вами в известном смысле коллеги. Инженеры человеческих душ, как сказал бы наш общий знакомец Белошапкин, который на каждом шагу цитатами из вождя народов сыплет. Хе-хе-хе...

Смешок у Анатолия Борисовича был неприятный, но Дымов вежливо улыбнулся и вспомнил журналиста Крашевского: что-то много коллег у следствия в последнее время развелось...

— Инженеров человеческих душ первым придумал Олеша, тот, что «Три толстяка» написал, — поправил врача Дымов.

— Может быть, вам виднее, — согласился психиатр. — В принципе, обследование можно считать законченным. Судебно-психиатрическая экспертиза проведена, я готов дать вам свое заключение. Вы какое заключение получить хотите?

— Что значит — какое? — удивился Иван Павлович. — Профессиональное и объективное.

— Хе-хе-хе, — вновь хихикнул врач. — Правду, только правду и ничего, кроме правды? Или правду, только правду, но не всю? Если уж вы к нам за помощью обратились, значит, сами до правды докопаться не можете. А у нас это еще сложнее, человеческая психика — дело тонкое и непостижимое.

— Но вы же ставите диагнозы и даже вроде бы лечите? — начал раздражаться Дымов.

— Ставим, ставим, обязательно ставим. Есть много разных методик, хотя для вас это, вероятно, не важно. Что касается интересующего вас конкретного случая... Что я могу написать? Слабоумие? Нет. Временное психическое расстройство на данный момент тоже не фиксируется. Хроническое психическое расстройство? Тут проблемы. Пациент не имеет истории болезни по психиатрическим заболеваниям, не состоял на психиатрическом учете — значит, полного анамнеза у нас нет. Родственников не имеет, сведения о родителях туманны, вы же знаете. Причины психического расстройства — это, как правило, наследственность плюс стрессы. В данном случае и то и другое могло иметь место, но, заметьте, могло и не иметь!

— Но ведь есть же клиническая картина? — все больше терял терпение Дымов.

— Есть! — обрадовался Анатолий Борисович. — Мы провели тщательное обследование. Если говорить о клинике, то можно выделить симптоматику как параноидальную, так и шизофреническую. Я бы склонялся к смешанному варианту. Ярко выраженных нарушений восприятия мы не зафиксировали. Ни иллюзиями, ни галлюцинациями пациент не страдает, голосов не слышит, что симптоматично при шизофрении. Есть логически построенная параноидальная монотематическая сверхценная идея — культ Сталина и вера в истинность его учения, особенно в части, касающейся установления диктата и жесточайшего контроля над всеми сферами жизни. Агрессивность в общем фоне у пациента при этом не превалирует, хотя уровень эмпатии довольно низкий, то есть чужие страдания его не волнуют. Я не могу утверждать, что он будет специально мучить котят, но

уж и подбирать их на улице не станет. Уровень интеллекта высокий, но реализовать свои возможности в имеющемся окружении пациент не может. На этой почве возникают представления о собственной избранности, что вполне может приводить к бредовым идеям о своей великой миссии, а вот это уже характерно для шизофрении. Достаточно легко идет на контакт, рассказывает о себе...

Увлечшегося доктора прервал шуршащий звук — один из ящичков письменного стола вдруг самопроизвольно выдвинулся, в его недрах Дымов успел заметить стопку бумажных салфеток и пластиковый стаканчик.

— Ах, чтоб тебя!.. — Анатолий Борисович с громким хлопком вернул строптивый ящик в исходное положение. — Вот, стол мне новый сделали и ящики такие специальные, с доводкой, чтобы сами закрывались. А они не только сами закрываются, но и открываются по собственному желанию. Полтергейст какой-то!

В приоткрытую дверь скользнул толстый черно-белый кот, покосился злым желтым глазом на Дымова, поднял хвост трубой и направился к доктору.

— Это Зигмунд, наш старожил, — пояснил Анатолий Борисович и почесал кота за ухом.

— Весело тут у вас, — выдавил Иван Павлович и принужденно улыбнулся. — Давайте вернемся к вашему пациенту Белошапкину, пожалуйста. Скажите, а он может сознательно симулировать психическое расстройство?

— Симулировать, конечно, может, но на то мы сюда и поставлены, чтобы это обнаруживать. Однако он симулировать не пытается — наоборот, настаивает на своем абсолютном здоровье. Хотя и это может быть частью диагноза. Шизофреник не может адекватно оценить свое психическое состояние и, как правило, считает себя абсолютно здоровым. Ну все, Зигмунд, хватит, не наглей!

Доктор легонько оттолкнул кота, который попытался вспрыгнуть ему на колени. Кот напоследок мяукнул и так же бесшумно, как появился, исчез за дверью.

— Вы меня совсем запутали, Анатолий Борисович. Давайте я вам буду вопросы задавать, если не возражаете? — предложил Иван Павлович. — Вот, например, разные версии семейной истории и то, что он себя внуком Сталина считает, — разве это не психическое расстройство?

— Конечно, это можно считать синдромом раздвоения личности, связанной с бредовой идеей культа Сталина. Но вы же знаете, что, если, например, физик пишет стихи, его очень легко диагностировать как шизофреника, поскольку так тоже может проявляться раздвоение личности. И, могу вас уверить, иногда и проявляется! Только вот если бы физики стихов не писали, то не было бы у нас бардовских песен. Вы же их любите? «Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались...» — пропел Анатолий Борисович. Он, очевидно, получал удовольствие, играя со следователем. — Шизофрению при необходимости можно диагностировать практически у любого человека. Я открою вам страшную тайну — в медицине до сих пор нет единого общепринятого определения шизофрении! Происхождение у нашего пациента темное, ни отца, ни деда он не

знал, почему бы не пофантазировать? Согласитесь, существует конфликт между конечностью жизни и вечностью окружающего мира, и этот подсознательный конфликт приводит подчас к тому, что у человека появляется непреодолимое желание присоединиться к вечному. В данном случае — объявить себя потомком личности, оставившей в истории такой неизгладимый след. Кроме всего прочего, фантазии о знаменитых предках совершенно нормальны для несчастливых детей из неполных семей. К тому же отсутствие способности к фантазированию — такой же признак психического расстройства, как и ее гипертрофированность. Неужели вы сами никогда не примеряли на себя другую историю жизни, не заглядывали вечером в освещенные окна чужих домов, не представляли, что было бы, если бы ваша судьба сложилась иначе?

Доктор лукаво подмигнул. Дымов отвел глаза и нахмурил брови, пытаясь скрыть замешательство, что не ускользнуло от опытного взгляда психиатра.

— Хе-хе-хе... — захихикал Анатолий Борисович и подмигнул еще раз, теперь уже с видом заговорщика.

— Давайте все-таки о Белошапкине. — Голос Дымова звучал твердо. — Вы говорили об агрессии и отсутствии эмпатии. Можно об этом подробнее? Способен он на проявления спонтанной жестокости?

— Способен, почему нет? — Анатолий Борисович стал серьезен. — Он человек несчастный, с выраженным комплексом обиды, жестокость для него — это месть за недооценку его личностных качеств. Его много били. И физически в том числе. Вы знаете, что мать его в детстве нещадно порола и он ее боялся? Поэтому, с одной стороны, он обижен, а с другой — проецирует жестокое обращение с собой на других. Для него страх и жестокость могут быть основой выстраивания межличностных отношений: или меня бьют, или я бью. Наш Белошапкин — человек недобрый, и такими же злыми он считает всех людей. Может это привести к асоциальному поведению? Может. Но... — Анатолий Борисович развел руками. — У нас тут один пациент лечится, который, наоборот, утверждает, что все люди добры, поэтому он всех любит и каждому на шею с поцелуями бросается. Так кто из них прав? У кого поведение социально опасное? Верю, говорит, что добро всегда победит зло, представляете? Ярко выраженная психическая аномалия.

— И все же, каково ваше заключение по Белошапкину? — настаивал Дымов.

— А вы знаете, дорогой товарищ следовательно, как профессор Бехтерев Иосифа Виссарионовича Сталина обследовал? Доктор поставил диагноз «паранойя», а потом скоростижно умер, прямо на следующий день. Вышло, что Сталину подписал диагноз, а себе — приговор. Вот такая поучительная история. Не только у вас, но и у нас, психиатров, работа опасная, с риском для жизни сопряжена, улавливаете? Хе-хе... — Анатолий Борисович лукаво улыбнулся и добавил: — Сейчас, конечно, времена не те, да и этот наш пациент только внучок, а не дед... В общем, вот мой вывод: обследуемый Белошапкин вполне вменяем. Как вы и я. А стало быть — подсуден. Дальше — ваше дело, это меня уже не касается.

Доктор наклонил голову и заглянул Ивану Павловичу в глаза:

— А скажите, товарищ следователь, у вас эмоциональный фон ровный? Работа-то ваша — стрессовая. Вы не замечали, у вас почерк не изменяется? Может, вы слова как-нибудь необычно писать стали — буквы, например, переставляете? За своим здоровьем нужно следить, симптоматика неспециалисту неочевидна. Заходите, если что...

— Уж лучше вы к нам! — язвительно улыбнулся Дымов.

— Бог с вами, тьфу-тьфу-тьфу! — замахал руками психиатр.

Когда Иван Павлович вышел из больничного корпуса и направился к воротам, толстощекий и вполне здоровый с виду парнишка лет шестнадцати в больничной пижаме, который раскачивался на пронзительно скрипевших детских качелях, неизвестно зачем установленных в недетском учреждении, счастливо и безмятежно улыбнулся ему.

20.

В июне сыграть «проверочный», как выразился Сергей Петрович, спектакль «Дни Турбиных» не получилось — заболел актер. Пришлось ждать выздоровления и продлевать сезон до конца июля.

Идея эта у Виктора Леонидовича Сиверцева, руководителя театра, восторга не вызвала.

— Театр вообще-то — зимний вид спорта, — ворчал он. — И подумайте, какая нелепость закрывать сезон «Турбинами»! С одной стороны, конечно, это наш, как сейчас говорят, самый востребованный спектакль, а с другой — там на сцене зима, елка, а у нас лето на дворе. Это же важно для зрителя, нам его психологию учитывать нужно!

Но противиться прокурору он не мог и крепя сердце согласился на внеплановый спектакль. В связи с этим оказались нарушенными и летние планы Елены, о чем она с возмущением поведала отцу. Иван Павлович в срочном порядке помог устроить Машку в летний лагерь. Внучка была пока октябренок, но страшно завидовала красным галстукам пионеров и гордилась, что ее отправили в самый настоящий пионерский лагерь, как ей казалось, очень взрослый. Лена была удовлетворена, спокойствие в семье — восстановлено.

И опять, как в день задержания Белошапкина, Дымов сидел в оперативном отделе, вздрагивал от каждого телефонного звонка, и, когда поступил вызов на труп, он первый вскочил в дежурную машину.

Тело женщины средних лет плавало в крови, голова была превращена в сплошное месиво. Судмедэксперт констатировал не менее десятка ударов тупым предметом, окровавленный молоток валялся рядом с разтерзанной дамской сумкой, покрытой красно-бурыми отпечатками пальцев. Мало того, по асфальту тянулась цепочка следов — убегая, преступник наступил в кровавую лужу.

— Нет, это не спланированное убийство. Жертва кричала, ее крики слышали случайные прохожие, они и вызвали наряд. А уж следов-то, следов!.. Просто праздник какой-то! — удовлетворенно комментировал оперативник. — Да вы не переживайте, Иван Павлович, наши его горяченьким возьмут! Это точно или пьяный, или наркоман, ему деньги были

нужны. Вон, смотрите, сережки из ушей вырвал... Далеко не уйдет, ребята уже работают. У нас теперь и собака есть! — похвалился он.

Дымов искал ручку — главную метку, которую маньяк должен был оставить на месте преступления, но уже знал, что не найдет ее. То, что произошло, было актом тупого зверства и с серийными случаями не имело ничего общего.

Так и оказалось. Собака помогла, преступник был задержан в этот же вечер — ранее судимый за незаконное приобретение и хранение наркотических средств. Он глупо упирался, отказываясь признать вину, но собранных доказательств было так много, что Толя Лазаренко, которому в послужном списке совсем не помешало бы еще одно раскрытое преступление, оформил дело для передачи в суд легко и непринужденно, «в одно касание», как он выразился.

Так что опять все сходилось на подозреваемом Белошапкине, и опять и опять спорили Сергей Петрович и Иван Павлович, изыскивая обоснования для продления срока задержания, и опять дело с места не трогалось.

— Его допросами нужно дожимать. Я знаешь на что обратил внимание? — горячился Иван Павлович. — Он в последнее время, особенно после психушки, все больше волнуется, но как-то азартно.

— Это что теперь, часть доказательной базы? Именно в такой формулировке — «азартное волнение»? Ты, Палыч, уже совсем, знаешь... — развел руками Сергей Петрович. — Я тебе другое скажу. Прокурор области бесится. Мне указание дали — подготовить проект приказа о наказании тебя за волокиту при расследовании убийств. Ты понимаешь, чем это пахнет? Скажи спасибо, что я тебя прикрываю как могу. Еще пару лет назад я бы тебя перед обкомом партии не отстоял, а теперь... Теперь что же, теперь у нас согласно указу президента деятельность парторганизации в госорганах отменена. Вот только не знаю, стоит ли этому радоваться...

Ситуацию усугубляли жалобы на незаконное содержание под стражей, которые стал подавать Белошапкин, и Сергей Петрович выдвинул Дымову ультиматум: или по окончании последнего срока продления, то есть через неделю, Белошапкин должен быть освобожден, или ему должно быть предъявлено обоснованное обвинение с последующей передачей дела в суд. Значит, и Дымову оставалось два выхода: или опустить руки, или идти в атаку. Но вначале нужно было продумать стратегию этой, как стало ясно после разговора с Сергеем Петровичем, окончательной атаки.

«Итак, — раздумывал Иван Павлович, — надеяться на нахождение новых улик не приходится. Значит, нужно делать ставку на допросы». Белошапкин должен был заговорить, тем более что, после того как Дымов настоял на его содержании в одиночной камере, он действительно стал разговорчивее. Сказывалась усталость от неволи, недостаток общения и растущая нервозность, которую подозреваемый, встречаясь со следователем, пытался скрыть под язвительным сарказмом. Иван Павлович вынужден был признаться себе, что и сам он стал чаще и больше нервничать. Не только оттого, что начальство давило, а время поджимало, и даже не оттого, что четкого плана не складывалось. В допросах он все больше полагался на экспромт и на свое хваленое чутье, а точнее на свое тайное умение «вживаться» в преступника.

Именно эта тесная связь с подозреваемым и начинала его беспокоить. Слишком хорошо представлял себе Иван Павлович тот трепет, с которым Белошапкин мог следить за случайным прохожим, красться за ним в темноте, подходить к жертве все ближе и ближе и стремительно наносить удар. До головокружения, до противного вкуса во рту он чувствовал запах темных улиц, запах страха и насилия, мерзкий и сладковатый, который преследовал его самого во время ночных блужданий по городу, — запах преступления. И если его волнение удовлетворяла подсмотренная сцена в постели, то преступнику, вероятно, нужно было более сильное возбуждение, может быть — предсмертный крик. В этом почти полном слиянии с преступником Ивану Павловичу виделась опасность, в которой он мог признаться только себе. Возможно, он проецировал на Белошапкина свои собственные вожделения и страхи. Могло быть такое? По ночам, сидя над большой тюльпанообразной рюмкой, которая одна осталась от коньячного набора, купленного когда-то Машей, Дымов медленно цедил коньяк и отвечал сам себе: да, могло.

Тактика допросов приобретала решающее значение для исхода дела: несколько допросов подряд, интенсивные допросы. Белошапкина нужно было брать штурмом, при этом не пережать, помнить о собственном предубеждении — да еще много о чем нужно было помнить. Однажды Дымову рассказывал знакомый летчик, что при больших перегрузках у человека может возникать эффект туннельного зрения — вся периферическая область обзора исчезает, превращается в широкую темную раму, в центре которой оказывается и становится невыносимо ярким и отчетливым изображение, находящееся непосредственно перед глазами. «Как освещенное окно в темноте», — подумал тогда Дымов. И вот теперь, в деле Белошапкина, было важно не поддаваться этому туннельному восприятию, слышать не только то, что говорит обвиняемый, но и как говорит, понимать, почему он это говорит и что остается не сказанным.

Допросы проводились ежедневно. Белошапкин за последнее время серьезно сдал: лицо стало еще бледнее, под глазами обозначились мешки, вялость то и дело сменялась суетливой жестикულიей. Да и Дымову подчас было трудно не потерять логической нити во время этих допросов, которые все больше превращались в психологические дуэли, где неожиданные признания обвиняемого перемежались откровениями самого следователя.

Даже в воскресенье, восемнадцатого августа, Иван Павлович решил не делать перерыва.

— Вы же постоянно врете о своем происхождении! Зачем? — допытывался Дымов.

— Я выдвигаю версии, одна из них может оказаться правдой. И потом, насколько я понимаю, я здесь не в качестве свидетеля, а в качестве подозреваемого, а подозреваемый не несет ответственности за ложные показания, разве не так? — парировал Белошапкин. — Да, я внук Сталина. Мать, умирая, в бреду только об этом и говорила.

— И вы верите предсмертному бреду?

— Ее бреду — верю. У вас мать жива?

— Нет, к сожалению, она уже давно умерла.

— Вот видите, вы говорите — к сожалению. А я о своей ни секунды не сожалею! — воскликнул Белошапкин. — Вас в детстве били?

— Ну-у-у... — Дымов пожал плечами.

— А меня били. Она меня по любому поводу и без повода драла как сидорову козу. После ее смерти меня забрала к себе тетка. Добрая была, оправдывала мать: мол, жизнь у нее была тяжелая. А у меня легкая, да?! Я точно знаю, она не случайно про деда сказала — это был ее последний удар, чтобы я всю жизнь мучился, доказательства искал. Это она мне так отомстила, только не понимаю за что. Но теперь я точно знаю про деда, то есть знаю, что это правда, у меня много доказательств есть.

— Каких же?

— А это не ваше дело, — огрызнулся Белошапкин. — К моему задержанию вопрос о том, кто мой дед, отношения не имеет. Вы-то, наверное, своего деда любили и гордились им, так что — мне нельзя?

— Я его не знал. У меня дед репрессирован был и реабилитирован... посмертно.

Белошапкин удовлетворенно потер свои длинные пальцы, глаза его лихорадочно блестели:

— Интересная у нас диспозиция получается — внук врага народа допрашивает внука Сталина! Вы, товарищ следователь, мне отомстить за своего деда хотите, потому что власть сейчас у вас. Прав тот, у кого больше прав. Только вы не бойтесь, что не навсегда эта ваша перестройка? А если все назад вернется? А я знаю, что вернется, по-другому быть не может! На добрых пожеланиях страну строить нельзя. Нужна сила, а у ваших перестройщиков ее нет! Сейчас все в восторге кричат о демократии, а то как же — Горбачев к людям выходит, они его за руки хватают, обнимаются... Но эти же люди его сдадут и забудут, как только случай представится и появится сила. Люди боятся силы и хотят ее, потому что без страха ничего сделать нельзя. Страх заставляет людей жить вместе и не перегрызть друг другу горло, страх лежит в основе всех законов. Вы же эти законы охраняете, что я вам объясняю...

— Я всегда считал, что в основе законов, которые мы охраняем, лежит не страх, а справедливость, — попытался возразить Дымов, но Белошапкин прервал его:

— Справедливость? А где вы ее видели? Вы меня тут о моей биографии выпытывали... Да вы знаете, что я мечтал юристом быть, в Москву поехал на юридический факультет поступать! Были бы мы с вами коллеги.

«И этот туда же!» — возмутился про себя Иван Павлович, но останавливать Белошапкина не стал. Тот торопился выговориться:

— Конечно, никуда я не поступил, там таких не больно-то привечали, там больше «позвоночные» проходили, в смысле такие, кого брали по звонку из о-о-очень высоких инстанций. На рабфак пошел — это так подготовительные курсы для рабочих с льготами при поступлении назывались. Я на заводе Лихачева работал. Вы не в Москве учились?

— Нет, университет я не там оканчивал, хотя позже пришлось и в Москве поучиться. Так помог вам рабфак, поступили в конечном итоге?

— Какое там! Вы пробовали после смены на конвейере на лекции ходить, а потом с чугунной башкой сидеть над книгами в пьяной общаге? Я целый год пытался! А вы знаете, как москвичи глядят на лимитчиков? Как на скользких тварей в террариуме — с любопытством и гадливостью. Нас даже не лимитчиками, а лимитой называли, слово такое мерзкое выдумали. Да вы знаете, что приличная девушка от тебя шарается, когда узнает, что ты — лимита? Я пробовал было в библиотеке знакомиться, да... — Белошапкин махнул рукой. — Вам не понять... Вы офицером были, в милицейской академии, по-видимому, учились, таких девушки любят. Так где же справедливость? Вы, из семьи врагов, учитесь в академии, а я, внук Сталина, должен на заводе горбатиться, и все меня презирают! Это как?! Что, мой дед меньше для этой страны сделал, чем ваш? Мой дед войну выиграл, а ваш в это время в лагере отсиживался!

— Ну, предположим, во время войны он уже нигде не отсиживался, он был уже мертв, спасибо вашему, — резко оборвал Белошапкина Дымов.

— Ну конечно! Во всем Сталин виноват! — взметнулся Белошапкин. — Только при Сталине порядок был и настоящая справедливость для простых людей!

— Что-то я не пойму, Геннадий Васильевич, неувязочка у вас получается. Вы гордитесь тем, что вы простой человек, или тем, что происхождение ваше хоть и темное, но знаменитое? — поддел его Дымов.

— А Сталин и был простым человеком, который благодаря своей силе и мудрости стал великим. Но о простом человеке он никогда не забывал. «Нельзя проводить две дисциплины: одну для рабочих, а другую — для вельмож. Дисциплина должна быть одна». Вот как он говорил! Вы не согласны? Я много его работ читал, много знаю... Он выметал мусор предательства из страны, невзирая на лица, в том числе и на офицерские погоны. Его эта благородная мразь боялась!

— Ну да, ну да... — закивал головою Дымов. — «Дни Турбиных»...

— Турбиных? — осекся Белошапкин. — В смысле? А, ну конечно, и Турбины! Я забыл, что вы театрал и Булгакова любите...

— Не сказал бы, что очень люблю, но вот про офицерские погоны в этой связи я думал. Вам не кажется удивительным, что в разгар страшной войны, в сорок третьем году, в Советской армии были введены погоны и вновь появились офицеры, как при ненавистном царизме? Для чего Сталин это сделал? Мне один приятель рассказывал, как в сорок четвертом, когда фашисты из их города уходили, а советские войска в него вступали, мальчишки, где-то спрятавшись, на это смотрели. И когда, говорит, мы увидели, что идут люди в погонах — испугались, подумали, что это власовцы, что сейчас зачистка будет.

Белошапкин снисходительно усмехнулся:

— Могу сказать вам как историк, я этот вопрос изучал. Газета «Правда» дала в январе сорок третьего года исчерпывающее объяснение: введение погон служит поднятию авторитета командных кадров, потому что погоны — это символ офицерского достоинства, символ воинской чести.

— Это официальная версия. А я думаю, что личная причина Сталина была глубже. — Дымов в упор посмотрел на обвиняемого. — Глубже и проще. Зависть. Введение погон и любовь к «Турбиным» — это явления одного порядка. Кто он сам? Сухорукий, маленького роста, некрасивое лицо, плебейское происхождение! А там — офицеры! Достоинство, сила, честь, порода! Да он сам всю жизнь хотел быть таким офицером, но знал, что физиономией, извините, не вышел, вот и сделал сам себя генералиссимусом, золотопогонником. Не удивлюсь, если он в своей раззолоченной форме тайно перед зеркалом красовался, сходство искал! А вы не пробовали себя в зеркале с дедом сравнивать?

Белошапкин вцепился побелевшими пальцами в край стола и злобно зашипел:

— Да как вы смеете!.. Дед!.. Он страну построил, войну выиграл! Да если бы не он, где бы вы сейчас были!

— Не знаю. Но, возможно, я помнил бы своего деда живым. Да и многие другие были бы живы... Прекратим дебаты, давайте о другом, — резко переломил тему разговора Дымов. — Вы тут про мусор обмолвились...

Он выдвинул ящик письменного стола.

— Знаете, мусор на месте преступления может быть серьезной уликой. Вот, например...

Застывший Белошапкин заворуженно следил за тем, как следователь медленно, одну за другой, выкладывал из большого бумажного конверта шариковые ручки.

— Что это? — неуверенно спросил он, но Дымов не торопился с ответом.

Наконец, разложив ручки на несколько кучек, он нарушил тишину:

— Это улики, приобщенные к делу об убийствах. — И многозначительно пояснил: — Серийных убийствах. Вот эти, — он отодвинул в сторону одну часть ручек, — найдены на месте преступления, их семь штук — шесть целых и одна поломанная. Преступник их специально оставлял, на последнюю случайно наступили при осмотре места происшествия, но, как видите, обломки тоже приобщены к делу. Мне кажется, это символ такой. Что вы, Геннадий Васильевич, по этому поводу думаете? Вот эта пластмассовая дрянь — как человеческая жизнь: ничего не стоит, сломать легко. Мы-то с вами знаем, как легко сломать человеческую жизнь одним росчерком такой обыкновенной ручки! А потом пластмассовый мусор валяется в земле, пока не сгниет. Долго гниет, как кости, землю засоряет. Сколько сору в земле, сколько костей!

Белошапкин поднял голову, и в удивленном выражении его глаз Дымов попытался найти затаенный страх. И показалось, там действительно мелькнула испуганная растерянность. Не давая обвиняемому опомниться, он продолжил:

— Вот эта ручка, — он поднес пластиковую трубочку ближе к лицу обвиняемого, — изъята у вас при задержании, убить вы тогда не успели. А вот эти, — Дымов пододвинул еще одну группу ручек, — найдены во время обыска на вашей даче. Знаете, сколько их? Тоже семь. Вы, как ваш дед, надеялись булгаковский спектакль пятнадцать раз посмотреть? Это

тоже символ, жертвоприношение памяти деда? А может — месть вашим коллегам, которые вас ручками на собрании забросали?

Белошапкин отшатнулся от стола, губы его скривились, и он обиженно выкрикнул:

— Что вообще происходит? Я буду жаловаться! Вы, гражданин следователь, в своем уме? Может, не меня, а вас нужно было на мед-экспертизу направлять? Несете какую-то чушь про символы, про ручки... Ерунда какая-то! При чем здесь я? У вас такими ручками весь кабинет завален, да и эти, что вы мне тычете, может, и не мои! Вы доказательств предъявляйте, а не пустые фантазии! Всё, я больше ничего не скажу! Отведите меня в камеру!

— Конечно, — согласился Дымов. — Идите и хорошо подумайте обо всем до завтрашнего допроса.

21.

Утром следующего дня Дымов проснулся рано, ткнул по привычке кнопку телевизора и, пробурчав: «Что же у нас сегодня плохого?» — направился в кухню заваривать кофе. Хорошими новостями телевизор уже давно не баловал: стреляли везде — в Ираке, в Югославии, даже в Советском Союзе, на его западных форпостах, в Прибалтике; Вильнюс и Рига удручающе напоминали Ивану Павловичу Прагу шестьдесят восьмого.

Вода в недрах крана заклокотала, он выпустил несколько капель и замолк. В последнее время перебои с водой и светом стали привычными, все больше напоминая любимый Дымовым фильм «Собачье сердце». «Разруха», — прокомментировал он поведение крана и налил в турку для кофе оставшуюся в чайнике воду. Удивительным, однако, было поведение телевизора: из комнаты неслись звуки адажио из «Лебединого озера», несколько необычные для столь раннего часа. «Может, это рекламу новую придумали?» — подумал Иван Павлович и пошел взглянуть.

Но нет, на экране действительно кружилась балерина в пачке, шла трансляция балета. Иван Павлович недоуменно пожал плечами. В этот момент музыка внезапно оборвалась, на экране появился диктор с суровым выражением лица и тусклым голосом зачитал экстренное заявление Председателя Верховного Совета СССР и указ вице-президента СССР. Сердце Дымова екнуло, он опустился на диван. Пока он слушал об отстранении Горбачева от исполнения обязанностей президента страны, о создании Государственного комитета по чрезвычайному положению и введению этого самого чрезвычайного положения, вода в турке выкипела, и из кухни просочился противный запах обгорающей жести. Иван Павлович выключил плиту, спешно оделся и, так и не позавтракав, выбежал из дому.

В отделе царил неразбериха.

— Я ничего не понимаю! — горячился Виталий. — Это же государственный переворот!

— Ну подожди, может, Горбачев действительно тяжело болен? Янаев — вице-президент и должен принять полномочия. По-моему, всё по закону, — не соглашался Саша Груздев.

— Прекратить разговоры! — рявкнул Сергей Петрович, появляясь в дверях с папкой в руках. — У меня четкие директивы от руководства. Все ко мне!

Притихшие сотрудники расселись вокруг стола, и Сергей Петрович провозгласил:

— Разъясню наши действия в сложившейся ситуации. В постановлении сказано: «Прокуратуре, МВД, КГБ и Министерству обороны СССР организовать эффективное взаимодействие правоохранительных органов и Вооруженных Сил по обеспечению охраны общественного порядка и безопасности государства, общества и граждан». Значит, работаем сегодня в чрезвычайном режиме, вас могут задействовать в соответствующих мероприятиях. Напоминаю, что согласно Закону СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения» и постановлениям ГКЧП СССР «проведение митингов, уличных шествий, демонстраций, а также забастовок не допускается». А все может быть! И еще: «Решительно пресекать распространение подстрекательских слухов, действия, провоцирующие нарушения правопорядка и разжигание межнациональной розни, неповиновение должностным лицам, обеспечивающим соблюдение режима чрезвычайного положения». То есть железная дисциплина в отделе, всякие разговорчики прекратить. Подчеркиваю — прекратить!

— А я думал, общее собрание будет, чтобы ситуацию прояснить и общую позицию выработать... А теперь, значит, больше трех не собираться? — переспросил Виталий.

— И от комментариев воздержаться! — Сергей Петрович стукнул кулаком по столу. — Всё, выполняйте! Иван Павлович, а ты задержись...

Когда за сотрудниками закрылась дверь, Сергей Петрович попрощался:

— Палыч, прошу тебя, проследи за ними! Они молодые, у них страха мало, могут дров наломать — полезут, куда не следует. Тебя, надеюсь, мне учить не надо?

— Осторожничаешь? — спросил Дымов.

— Честно? Боюсь. Черт его знает, куда все повернет... Боевые подразделения к городу подтягивают. Это Сергушин хорохориться может — он мальчишка, войны не видел. Но мы-то хорошо помним, что это такое, нет? Подождать надо, чем все закончится, никто сейчас этого не знает. Дай бог, пронесет. Согласен? Так что, Иван Павлович, пребываем в полной боевой готовности, все несрочные дела на сегодня отложить.

— У меня допрос Белошапкина. Послезавтра срок ареста заканчивается, ты же сам торопил, — напомнил Дымов.

— К черту твоего Белошапкина! Тут нужно до вечера дожить! — вскипел Сергей Петрович.

Его руки дрожали.

Дымов до самого полудня не мог дозвониться дочери. Она с Машкой должна была ранним утренним автобусом вернуться с дачи, но ее домашний телефон не отвечал, и Иван Павлович уже начал не на шутку беспокоиться. Наконец Лена взяла трубку.

— Папа, мы только-только с Машкой добрались! Папа, что происходит? — испуганно зачастила она. — Мы не могли проехать, автобус пропускал колонны бронетранспортеров и машин с солдатами... Мы еще и танки видели, представляешь? Люди напуганы, говорят, какой-то переворот, война может начаться. Это правда, папа?

— Успокойся, дочка, — как можно мягче сказал Дымов. — Не нужно лишней суеты. Я все тебе потом объясню. Не будет никакой войны, нужно сохранять спокойствие, поняла? У тебя выходной? Вот и сиди дома. И Машку попридержи, нечего ей сегодня по улицам бегать, займи ее чем-нибудь. Она уже мой подарок освоила?

Ивану Павловичу удалось достать на день рождения внучки страшный дефицит — электронную игру «Ну, погоди!», где волк должен был собирать яйца в корзину. Машка была счастлива, что теперь может утереть нос дворовому задаваке Сашке, единственному до этого момента обладателю такой игры.

— Да она ее из рук не выпускает! — подтвердила Лена.

— Вот пусть яйца и собирает. Я, как смогу, обязательно забегу к вам. В любом случае будем созваниваться. Не переживай, скоро все закончится.

«Знать бы только, как закончится», — подумал Иван Павлович и положил трубку.

Но уже к вечеру он знал как. В этом его убедила минорная, совсем не победная музыка, перемежавшая выпуски новостей, и, главное, телекартинка пресс-конференции нового Государственного комитета: тяжелая серая драпировка заднего плана, серые костюмы сидящих за столом людей, их серые безрадостные лица, бегающие глаза и трясущиеся руки — так не могли выглядеть победители. Еще утром, впервые услышав это сокращение — ГКЧП, чувствительный к словам Дымов поморщился: «Какая-то паучья аббревиатура!» И видеоряд подкрепил эти ассоциации: было что-то мерзкое, безжизненное в этих фигурах за длинным столом, и слова, произносимые ими, которые должны были определять судьбу огромной страны, словно вязли в липкой паутине. И самое главное — Дымов почти физически ощутил это, — им было страшно! А когда вечером в главной информационной программе «Время» показали толпу людей, собравшихся у Белого дома в Москве, и президента РСФСР Ельцина на танке, Дымову стало окончательно ясно: переворот провалился.

И что бы ни говорил Сергей Петрович, он допросит Белошапкина — этот поединок должен закончиться, сейчас или никогда. Послезавтра старший следователь Дымов идет ва-банк, план у него есть, и в победе он уверен. Должен быть уверен, иначе победить невозможно.

22.

Утро двадцать первого августа, когда вся страна пребывала в напряжении и одновременно в растерянности, было заполнено для Дымова лихорадочной деятельностью — он готовился к решительной встрече с Белошапкиным. Он не сомневался, что слухи о происшедшем дошли до следственного изолятора: такие новости долго в тайне не держатся, — и

это нужно было использовать, чего бы ни сулил завтрашний день. Дымов заручился согласием Сергея Петровича, который вяло кивнул, выслушав предложенный план: мысли его были заняты другим.

— Смотри, Павлович, ты не переоцениваешь себя? Может, нужно, чтобы конвой присутствовал? Этот Белошапкин вроде бы не из слабаков. Поди знай — состояние аффекта, то да се... — на всякий случай предостерег он Дымова.

— Не мне бояться, я тоже вроде бы еще в форме, — успокоил Иван Павлович. — Ребята рядом будут, за дверью, всё услышат, на это и расчет. У нас фраза условная заготовлена, охрана поймет, когда входить.

Дымов решил проводить допрос в камере и таким образом сразу сбить Белошапкина с толку. Но для этого нужно было хорошо подготовиться: устроить прослушку, чтобы записать каждое слово последственного; обеспечить понятых, которые могли бы подтвердить идентичность записи; продумать каждый шаг, каждый поворот разговора. Белошапкина вывели на прогулку, и ребята-техники быстро установили аппаратуру. Было видно, что они рады заняться чем-то определенным в тягостной атмосфере безвременья, которая в этот день обволакивала всех. Дымов планировал привлечь в качестве понятых двух вольнонаемных — врача и сестру из тюремной больницы. Но Сергей Петрович был категорически против. Ему удалось договориться с главврачом «Скорой помощи», что тот пришлет отработавшую свою смену бригаду.

В три часа дня Иван Павлович докладывал начальнику о проведенных мероприятиях. Телевизор в кабинете не выключался ни на минуту, работал единственный оставшийся телеканал Центрального телевидения, и, когда по экрану побежала заставка очередного выпуска новостей, Сергей Петрович остановил Дымова:

— Стой-стой, давай посмотрим, что там!

На экране появился диктор, начал читать сообщения информационных агентств мира.

— Что это? — изумленно спросил Сергей Петрович.

С экрана неслось: мировая общественность выражает возмущение, действия ГКЧП осуждает президент Буш, премьер-министр Великобритании... И наконец: президент Российской Федерации Ельцин объявил ГКЧП вне закона, прокуратура возбуждает уголовное дело.

— Думаю, это конец, — предположил Иван Павлович.

— Или начало. — Сергей Петрович схватился за голову. — Ты хоть понимаешь, сколько крови может быть? Ты видел этих людей перед Белым домом? Их же тысячи! Это же море крови, море!..

— Думаю, крови не будет. Не из человеколюбия, скорее из страха. Просто не осмелятся, — подумал вслух Дымов.

— Дай бог, дай бог... — с сомнением покачал головой Сергей Петрович.

Кровь в Москве все-таки пролилась — ночью. Утром, когда Дымов ехал в прокуратуру, он уже знал об этом: трое погибших, но штурм Белого дома не было, обошлось. А еще он видел уходящую из города колонну бронетранспортеров, может быть, ту самую, что напугала Лену два дня тому назад.

Дверь в камеру противно заскрежетала, и Белошапкин поднялся навстречу входящему Дымову.

— День добрый?.. — полувопросительным тоном поздоровался он.

— Почему же не добрый? — бодро ответил Дымов. — Был вот у другого подследственного, решил и к вам заглянуть. Как вы тут, на условия не жалуетесь? Смотрю, у вас камера двухместная, а вы тут один. Роскошествуете...

— Один, один. Вы же еще ко мне новой, как это у вас называется, «наседки» не подсадили. Только что-то вы до вчерашнего дня моими условиями не интересовались. Может, случилось что? — Белошапкин испытующе посмотрел на следователя.

— Да что же? — притворно удивился Иван Павлович. — Если только вы мне что-нибудь новое расскажете.

— А может — вы мне? — с вызовом заявил Белошапкин и широким жестом обвел камеру: — Вы присаживайтесь здесь, на нары, давайте поговорим. Будьте как дома, обживайте место, так сказать!

— Ну да, ну да... Собственно, что вы имеете в виду? — изобразил растерянность Дымов.

— А то вы не знаете! Или думаете, что до нас информация не доходит? Что в тюрьме работают только сторонники либерально-демократических ценностей? Нет, тут наших много. Конец вашей перестройке, в стране наконец-то порядок будет, военное положение уже ввели! Между прочим, мы с вами можем поменяться местами, не боитесь?

Белошапкин был взвинчен, слова вылетали из его рта вместе с каплями слюны, голос срывался. Сердце Ивана Павловича сбилось с ритма, но он усилием воли призвал его к порядку — большая игра началась. Было ясно, что Белошапкин знает о попытке переворота, но в катастрофической стремительности событий его сведения устарели; о том, что маятник истории качнулся в другую сторону, сметая на своем пути все, что было плохого и хорошего при советской власти, ему еще неизвестно. Более благоприятного момента для допроса Дымов и вообразить себе не мог, теперь все зависело от точности, выдержки и актерских способностей следователя.

В притворной растерянности Дымов развел руками:

— Как это у вас, Геннадий Васильевич, категорично получается — «ваши», «наши»... А кто ваши, кто наши? Вы уверены, что мы по разные стороны баррикад?

— А разве я вас сюда засадил? Вы меня схватили, потому что ваша власть была! Вы меня за убеждения здесь держите и преступления пытаетесь вменить, потому что я не так, как вы, думаю. Запугать меня хотите! Признайтесь, вам же приятно держать в руках вашу жертву, испытывать чувство своей власти над ней, видеть, как человек боится, как бегают его глаза, как он начинает запинаться, как руки у него потеют!..

— Маленькое уточнение. В руках у меня не жертва, а преступник. Жертвы — это те, кто от его деяний пострадали, — не сдержался Иван Павлович.

— Это взаимобратимые понятия. Все опять же зависит от того, на чьей стороне сила. А она вам изменила, иначе вы сюда ко мне не прибежали бы, разве не так?

Дымов не ответил. Разгоряченный Белошапкин вскочил с нар и забегал по камере:

— Знаете, что было бы, если бы получилось по-вашему, по-перестроечному? Люди бы лишились страха! И через двадцать лет врачи перестали бы лечить, учителя — учить, суды стали бы аукционами по продаже судебных решений и погибли бы миллионы. А те, кто остался, бежали бы из этой страны, потому что в хаосе жить нельзя. Но единственная альтернатива хаосу — страх! Страх и порядок! И кто-то должен взять на себя установление порядка! В наше время со слабыми не принято считаться — считаются только с сильными. А сильный не должен колебаться, даже если ему предстоит чуточку выпачкаться в грязи, — мы пойдем и на это крайнее средство ради интересов нашего дела!

— А почему вы говорите «мы»? Это же цитаты из вашего деда, я узнал. — Дымов внимательно следил за суетливыми движениями Белошапкина.

— Да, это был мой дед — понимаете, мой, а не ваш! И он тогда спас миллионы жизней, пожертвовав для общего блага жизнями врагов. Но это правая жертва, это правое дело!

— Правое дело — людей убивать? — тихо спросил Дымов.

— Правое дело — порядок наводить! — выкрикнул Белошапкин.

— Так вы, значит, миллионы жизней спасаете тем, что убиваете? — еще тише повторил вопрос Дымов.

— А иначе не бывает! Я борюсь с врагами, я убиваю предателей, которые правду слушать не хотят. Им говоришь, а они не слушают!.. Я — карающий меч правосудия! Я сею страх, чтобы возшел порядок!

Лицо Белошапкина побелело, он захлебывался словами, и Дымову стало страшно. Неужели перед ним действительно внук ужасного деда с наследственной шизофренией? Но нужно было добиться от преступника полного признания, и следователь задал новый вопрос:

— И вы не боитесь взять на себя такую ответственность?

— Нет, не боюсь! История оценит таких, как я! — Белошапкин подался в сторону следователя.

— Но ведь вы и жену свою убили? — резко отстранился Дымов.

— Убивал, убивал и еще буду, пока не очищу землю от предателей, и вы меня не остановите! Пришло мое время!.. Мое... Дед знал, что так будет...

Белошапкин теснил Дымова к двери камеры, сведенные судорогой губы выкрикивали все более бессвязные слова.

— Спасибо, на сегодня всё! — выкрикнул Иван Павлович условленную фразу, отступая к двери, но та оставалась неподвижной.

— Спасибо, на сегодня всё! — уже отчаянно закричал Дымов, удерживая руки преступника, тянувшиеся к его горлу.

Спасительный скрип двери, шаг назад, два охранника, заламывающие руки Белошапкину, его истошный вопль и бледные, как стена, лица женщин-понятых.

— Сергушин, ты где? — выдохнул Дымов, прислонясь к стене. — Успел записать?

Подбежал Виталий, протянул наспех составленный протокол:

— Вот...

— Ну что, гражданин Белошапкин, будете подписывать?

Зажатый между двух охранников Белошапкин отрицательно мотнул головой.

— Ну как хотите. А жаль, я для вас и ручку припас такую, как вы любите. — Дымов покрутил перед лицом преступника грязно-розовой шариковой ручкой. — В другой ситуации, может быть, вы бы именно ее и оставили на месте преступления, только теперь уже не выйдет. Все-таки наша взяла? — Дымов обернулся к понятым — врачу и медсестре, которые боязливо заглядывали в камеру. — А вас, товарищи понятые, попрошу внимательно прочитать расшифровку аудиозаписи — ее срочно сделают — и подписать. Спасибо вам за участие в разоблачении особо опасного преступника.

Этим вечером Иван Павлович шел домой и улыбался. Оказывается, на улице было лето, о существовании которого он напрочь забыл. Усталая пыльная листва еще зеленела, возле трамвайной остановки продавали душистые антоновские яблоки, из-за угла вылетел мальчишка лет десяти на самокате и, радостно крича, помчался по улице.

А к утру Дымов уже знал, что президента Горбачева привезли с Флороса живым и невредимым, члены ГКЧП арестованы, последняя попытка реванша старого мира провалилась. Начиналось что-то новое, словно отступал давящий ночной кошмар, и утро, каким бы неопределенным оно ни было, несло с собой чувство освобождения от тяжелого груза. В любом случае начинался новый день.

Шагая на работу, Иван Павлович впервые за долгие месяцы дышал полной грудью и, удивляя всех, улыбался, приветствуя коллег в коридорах прокуратуры.

Он и сам не понял, отчего вдруг перехватило дыхание, навалилась темнота и пекущая боль заполнила всю левую половину тела... Это был его первый обширный инфаркт, который, как он шутил потом, случился уже не от стресса, а от радости.

23.

И вот теперь, августовским днем, отстоящим от тех событий ровно на двадцать лет, Иван Павлович Дымов сидел на веранде дачи и ждал, когда за ним заедут Машка и ее отчим, а значит, зять Дымова Виталий Сергушин на роскошном автомобиле, как и приличествует директору службы безопасности одного из ведущих банков страны.

Под руководством Сергея Петровича Виталий сделал хорошую карьеру, а когда ушел в службу безопасности и стал весьма обеспеченным человеком, выделял деньги на лечение Сергея Петровича, чем продлил его жизнь на несколько лет. Иван Павлович не ошибся в прежнем своем

молодом подопечном — тот оказался человеком порядочным, ответственным и благодарным, так что и за дочь свою Дымов был спокоен.

Он вспоминал странные события августа девяносто первого: следствие по делу Белошапкина, путч, самоубийства людей, причастных к нему, свой инфаркт. Вспоминал это странное ощущение — будто оказался в эмиграции, не выходя из собственной квартиры, когда в один день перестала существовать огромная страна и пришлось привыкать жить в новом государстве...

Дневная жара спадала. Легкая дремота одолевала Ивана Павловича. Он думал о том, как любит свою дочь, с недавних пор народную артистку Елену Дымову, которая сохранила отцовскую фамилию и во втором замужестве. О том, что гордится внучкой Машей, которая продолжила профессию деда, но пошла не в прокуратуру, а в адвокатуру — не обвинять, а защищать. Есть много стран, в которых отменена смертная казнь, но нет государств без тюрем, и для адвокатов всегда найдется дело.

Дымов вспоминал Белошапкина, последний разговор с ним и его мрачные пророчества. Некоторые из них сбылись, но, к счастью, не в полном объеме. Потому что, как хотелось верить Ивану Павловичу, зла в мире хоть и много, но меньше, чем добра, а добро люди чаще творят не из страха, а от внутренней потребности.

На суде Геннадий Васильевич свою вину отрицал, но суд счел доказательства убедительными, и в конце концов Белошапкин был признан серийным убийцей. Ему не повезло: мораторий на смертную казнь ввели только через несколько лет. Являлся ли Белошапкин и вправду внуком Сталина, так и осталось загадкой — в те далекие времена тест на ДНК не проводили. Впрочем, обвинение в нем и не нуждалось.

Через год после расстрела Белошапкина убийства точно с тем же почерком — случайными жертвами, брошенными на месте преступления ручками — стали происходить в другом областном центре. Коллегам Дымова повезло, задержанный признался быстро. Оказалось, что проблемы с психикой у него начались после того, как красивая одноклассница, отбиваясь от настойчивых ухаживаний, нечаянно покалечила его ручкой. Преступления он совершал по выходным, на прогулке, после семейного ужина с выпивкой. Просто так повелось, что новые спектакли театры ставят в расписание тоже на выходные — сборов больше...

Чувств, сходных с чувствами булгаковского Понтия Пилата, Дымов не испытывал. Видимо, не хотел. Да и приговор выносил не он...

В новой стране об ошибках, совершенных в старой, вспоминать не любили. Но про уникальное дымовское чутье, как и про повышение его по службе, разговоров больше не было.

Допросы Белошапкина снились Дымову редко, и обычно это знаменовало собой начало гриппа или серьезной простуды. В этих снах следователем был не Иван Павлович, а невинно расстрелянный, который устраивал Дымову очные ставки с теми людьми с Красной площади, из августа шестьдесят восьмого. «А вы? Вы, гражданин следователь, зачем чеха прикладом убили?» — огрызнулся Иван Павлович и просыпался в холодном поту.

Вера КУЗЬМИНА

ОКРАИНЫ

* * *

Крепкой ниточкой прошлое тянется,
Не читая мораль, не вина.
Как любили старухи и пьяницы
Золотую оторву — меня!
Привечали, и звали, и таяли:
«Спой, Веруся, люли-разлюли!»
Так любили, наверно, Цветаеву —
И не перед, а после петли.
Заводила — по-детски отчаянно,
Не прося леденца и рубля,
Про «не вейтесь над морем, чаечки»
Да еще «Тополя, тополя...»
Нет поэтов у уличных песенок,
Значит, общие... Схожи со мной.
Пела я человеческой плесени —
Земляной, васильковой, ржаной.
Плоть от плоти... Как хлопали — глянется!
В нашей умной стране дураков
Чай и водка, старухи и пьяницы —
Ныне, присно, во веки веков.
Я — не вечная... Пела — Верусею,
Стала — Верочкой... Что ж, не реви.
Ведь любили пьянчуги с бабусями —
И какой еще надо любви?

Там, где вякают гудочки вокзальные,
 Где сосед-путеец пьян и сердит,
 Баба Нюра с бесконечным вязанием
 У окошка двухэтажки сидит.
 В стопку складывает вырезки важные:
 Депутатов — все решат, попроси!
 Знает Нюра — власть и сила бумажная
 Всех могучней на железной Руси.
 Помнит Нюра про талонное крошево
 И про ваучеры — те, что потом.
 «Только б похороны были хорошие», —
 Тихо шепчет над газетным листом.
 Помнит карточки — по триста в училище,
 Восемьсот — в горячем страшном цеху.
 Эх ты, силища, бумажная силища —
 На железном, не на рыбьем меху.
 Вот еще бумага — фоточка Лешеньки,
 Внука Алекса, — «в Нуёрке живет».
 «Только б похороны были хорошие», —
 Тихо плачется старушечий рот.
 Променяла дочь тоску привокзальную,
 Бабы-Нюрин от Чимеевской крест
 На индейку, на витрины зеркальные
 И свое категоричное «йес».
 На Руси бумага шьется — не режется,
 Отправляет в рай, а станется — в ров.
 Все мы, Нюра, эмигранты да беженцы
 От родимых нищевродских дворов,
 От бумаг, наверно... Рядышком с Лешенькой
 Воткнут звездно-полосатый флажок...
 «Только б похороны были хорошие,
 Вон соседа брат в крютории сжег...
 От вокзала копоть — шторка-то мажется,
 Постараться рукавов не марать...»
 Все мы, Нюра, зажрались. Мы бумажные.
 Мы не думаем, что нам — умирать.
 Хоть и слышим, как осенней порошею,
 Серой мышкой в прогоревшей золе —
 «Только б похороны были хорошие»
 В привокзальном шелестит ковыле...

Мигушка

Ах, Мигушка, Мигушка... Маленькая, кривая, невероятно грязная — потому что у самой реки, в низинке, и весной заливаётся талой водой, а летом дождевой. А почему ты Мигушка? А потому, что долго не было на тебе электричества и по темноте во всех окошках мигали лучины и керосиновые лампы.

Электричество давным-давно проведено, и теперь ты уже не Мигушка — носишь гордое имя улицы Льва Толстого, и люди на тебе живут другие — ушли в мир иной героини моего стиха...

Что за баба без бабы-подружки?
 Может, этим-то Русь и жива...
 Собирались они на Мигушке —
 Алка, Настя и Руфа-вдова.
 Алку звали у нас «буровая» —
 Так была высока и тоща,
 И не сватал никто, браковали,
 Не стеснясь, плевали, свища.
 Не визжала, не била посуду,
 Редко-редко — мокро у щеки.
 Если девка высокая — худо:
 Глаз не видят у ней мужики.
 А у Насти кручина другая...
 Вечер пятницы — дочка орет:
 «Батя пьяный, начальство ругает,
 Вон — уже у соседских ворот!»
 Убегали — и дочка, и Настя.
 Драны косы, синяк на плече...
 Не бывает замужнего счастья:
 Тонет в стирке... еще — в перваче.
 Овдовевшая Руфа вздыхала:
 «Пусть и пил бы, да был бы — любой...»
 Собирались подружки у Аллы.
 В огороδικе цвел зверобой,
 Мята в низкие окна глядела,
 Растопорщились редька и лук,
 Над Мигушкою песня летела —
 Песня трех закадычных подруг.
 Пели трое — про синие реки,
 Про войну, про любовь на земле.
 ...А тому не распеться вовеки,
 Кто не думал хоть раз о петле.
 Было счастье бы — если бы, кабы.
 Точно было бы — там, а не тут...
 Лучше девок поют только бабы,
 Лучше баб — только вдовы поют.

И неважно — тверезы, поддаты,
 Душу вынут — отдай, не греши...
 Ах, Расея, Расея моя ты,
 Слишком песни твои хороши.

Сторожиха на Броду

Зимней ночью холодно и тихо, пес из будки смотрит на звезду...
 На крыльцо выходит сторожиха дровяного склада на Броду.
 Пахнет снегом, деревом, мышами — «Развелось мыша да хомяка!» —
 Толстая, усталая, большая, XXL — размер пуховика.
 Загулял мужик-то, сука в ботах, за него на складе поживи...
 Мир такой: большие для работы, маленькие, значит, для любви.
 Мир такой: ночной, морозный, мутный, только звезды радуют, горя...
 А в России верят не кому-то, а в кого-то — в Бога и царя.
 Только далеко-далёко царь-то, Бог поближе — столько нынче звезд...
 Вон скрипят по небу Божьи нарты, кучером у Бога — Дед Мороз,
 Новый год уж скоро... Крысы, что ли... «Развелось мыша да хомяка!»
 Синим ветром и морозным полем пахнет от ее пуховика.
 И Господь глядит светло и строго: «Что, идешь?» — «Иду уже, иду...»
 Два шага всего до санок Бога от крылечка склада на Броду.
 «Ну, проси. Чего ты хочешь, Валя? Ибицу? Айфон или айпад?» —
 «Господи, чтоб доски не украли». — «Всё?» — «Ага». —
 «Ну что ж, иди назад».
 Звезды — Богом ставленные свечки — льют на снег
 лимонный слабый свет.
 Сторожиха Валя на крылечке крестит Божьи саночки вослед:
 Скрылись за звездой цвета меди, вынырнули около луны...
 «Ладно, Он еще, поди, приедет.
 Попрошу, чтоб не было войны».

* * *

Жив ты будешь — не помрешь,
 Хоть дярёвня, хоть столичные.
 Русаку идти под нож —
 Дело старое, привычное.
 Хирургических палат —
 Шесть мужских, четыре женские.
 С брюхом поротым лежат
 Городские, деревенские.
 Все в палатах кореша
 Да подруженьки старинные.

А житуха хороша,
 Хороша дорога длинная.
 «Мой один-то загулят».
 «Мой некормлен, ах ты господи».
 «А к моей-то Васька, гад,
 Сунул нонче рожу в оспинах».
 «Дочь и зять обое пьют,
 До того допьются — корчатся».
 Разговорчики в строю,
 В хирургии разговорчики.
 И про то, что водка — зло,
 И про чай — «кто пьет — отчается».
 Что с бараками ушло,
 То в больничке возвращается.
 Передачки до пяти,
 Провожания оконные,
 Сотни — господи прости —
 Санитаркам незаконные,
 И с крылечка каблучки
 Или тапочки-обновочки:
 Чики-чики-чики-чки —
 К дому.
 К маме.
 К остановочке.

* * *

Кошка-луна щекочет усики звезд-мышей. С детства в такие ночи спится — хоть зенки шей: мыши шуршат на воле, нюхают щель в полу... Глянешь — а дядька Коля в кепке стоит в углу.

— Дядька, ты ж помер вроде...

— Трижды я сдох, Верусь. В первый — когда Володю срезал ножом, как груздь, да подколот неслабо, вся порвалась кишка — из-за бардашной бабы кончил мово дружка. В лагере сдох повторно, жись проиграл в буру Сенечке, мля, Валторне — думал, кирдык, помру. Перевели — свезло же, в Ивдель — свезло вдвойне. Только Валторны рожа снилась долгонько мне. В третий — ты помнишь, Верка, ты уж была тогда... Легкие... Шибко керкал, горлом пошла руда...

— Дядька, чего пришел ты? Мыши в полу шуршат, свет от луницы желтый сыплется, как парша... Что за спиной заныкал?

— Верка, не дрейфь — топор. Выронил урка Быков, я втихаря упер. Справлю кедрову зыбку, лыжи широки — хошь? Вострый топорик... шибко... как на Володьку нож...

— Дядька, хватил ты лишку. Сгинь, пропади впотьмах!

Я не боюсь, кукиш вам, мыши в слепых углах. Есть у меня лошадки, есть огоньки в ночи, шапки герани в кадке, теплый огонь в печи, вышитые пеленки — бабка кроила бязь — дескать, родишь робенка, будет во что покласть, куколка из Китая, пушкинская строка...

Главное, есть родная, греющая рука, тот, кто поймет и примет, и прекратится бред.

Есть у меня — любимый.

Дядьки с мышами — нет.

* * *

Страна в снегу... Фонарь едва горит, ночь, улица, аптеки нет — и ладно... Пойдем с тобой за чем-нибудь в «Магнит» — за солью, манкой, пастой шоколадной. Тетрадок взять по восемь пятьдесят — записывать не байки, просто были. Что вышла из народа, мне твердят. Ну ладно, пусть. Чтоб вы в него — входили.

В тетрадках — и солдаты, и поля, окраины, пьянчуги, бабы, гари. Страна, она не стоит ни рубля. Она — как жизнь: не спросят и подарят.

Страна в снегу... Простудный кашель стих — сырой сосулькой давится, болея. А на моих веревках бельевых играют фрейлехс грустные евреи, и у подъезда Борька Пастернак, пришедший со второй чеченской психом, на лавочке смолит сырой табак с Коровьевым и алконавтом Михой. А бабка Перелюбкина: «Спят! Расселись тута, голоштанни баре!»

...В тетрадках, будто снег, лежат поля, окраины, солдаты, бабы, гари...

Входите — кто на плаху, кто на бой, а кто — домой. Никто не выйдет нищим! Ведь у меня роман с моей страной — страниц на триста, может быть на тыщу. Страна в снегу... Насколько наше, мля, — за чем-нибудь, на пару, в сумрак карий...

...Вы вспомните меня, когда — поля?.. окраины, солдаты, бабы, гари?..

Елена СОЛОВЬЕВА

БУКЕТ НЕВЕСТЫ ЛЕТИТ

Р а с с к а з

И своя квартира, и Лиза появились в жизни Макса без особых усилий с его стороны и практически в одно время. В самом начале неласкового мая, который венчал долгую и затяжную весну. Деревья не спешили одеваться в листву, и в звуке падения капель, в самом окончании музыкальной фразы, то и дело проскальзывала царапающая слух колкость. В сводках такую погоду называли обтекаемо — «осадки», нечто среднее между дождем и снегом. Макс со вздохом натягивал куртку. Хорошо, что от его нового жилья до работы теперь всего десять минут пешком.

Однокомнатная в «сталинке» в центре города была на него записана еще при жизни Таточки, его двоюродной бабки. Она никогда не выходила замуж, не рожала детей, но в семье пользовалась большим авторитетом. Макс навещал ее в день рождения и по праздникам. Обонял особый, во все не неприятный запах Таточкиной квартиры, который, однако, привык считать «старушечьим». Аромат гнездили в недрах платяного шкафа, всегда, сколько помнил себя Макс, именуемого «гардероб». Там, в темноте, скрывались башнеподобные флаконы «Красной Москвы», спала в коробочке с вензелями склянка духов «Манон», напоминающая женскую фигурку, и клубился, если вытащить пуховку из-под круглой лаковой крышечки, белый прах французской пудры «Коти» — невиданная роскошь для советской женщины. Время добавило к букету запах сердечных капель и валерьяны.

Обычно чай во время визитов Макса пили в «большой комнате», и он рассеянно блуждал взглядом по застекленным полкам. Книжки стояли скучно: корешок к корешку, каждое собрание в своих обложках «неброских тонов», если воспользоваться оборотом рекламных буклетов. Тургенев в песочных, Шолом-Алейхем в коричневых, почитаемый в детстве Жюль Верн в грязновато-синих. И хоть некоторые из сокурсников Макса по «арху» угорали за советский дизайн, в расцвет которого даже не родились, он их восторгов не разделял. Тусклое время. Из всей библиотеки Таточки, составлявшей в ее странную эпоху предмет особой гордости, в детстве он выделял разве что Мериме за изящные силуэты на корешках да оранжевого Вальтера Скотта за жизнерадостность.

Но вовсе не книги давали ключ к пониманию характера хозяйки. Их набор как раз был стандартным, пусть и не без труда добытым, но чуть ли не обязательным для каждой интеллигентской квартиры без разбору ориентации. «Физик» ты, «лирик» ли — будь добр обзавестись библиотечкой. Мама рассказывала, что книги доставали какими-то сложными путями, через сдачу макулатуры, «блат» и «запись». Говорят, существовали дома, где тома стояли нераскрытыми годами, просто как атрибут престижа и достатка. Чудно.

Для Макса характер Таточки олицетворял рабочий стол. Крепкий, на резных ногах-тумбах, со столешницей, обтянутой зеленым сукном и накрытой оргстеклом. Его собратья, сделанные так же основательно, водились теперь разве что в краеведческих музеях. Стол, «гардероб» и узкая кушетка без спинки, обтянутая потрескавшейся кожей, когда-то достались Таточке в наследство от ее дяди, «понимавшего толк в вещах». Так говорили. На столе у двоюродной бабки всегда лежали папки с бумагами и чертежи. Кушетка к диванной неге не располагала. И по мере того, как Макс подрастал, казалась ему все более жесткой и неудобной.

Таточка окончила стройфак политехнического института, и Макс мог перечислить известные в городе здания, за возведением которых она надзирала. Даже в проектировании «сталинки», где жила сама, Таточка тоже принимала участие. Когда внучатый племянник поступил в «арх», она им очень гордилась, заговаривала о династии, мечтала, что он «пойдет еще дальше». «Знала бы, — усмехался Макс про себя, — чем я занимаюсь последние пять лет». После получения диплома архитектора он, казалось тогда — временно, устроился «рендером» при дорогом интерьерном салоне. То есть занимался «рендерингом» — визуализацией с помощью компьютерных программ дизайнерских проектов.

«Отрендери-ка мне этот унитаз», — просила младший менеджер Настенька. Макс, усмехаясь, брал модель (рекламный слоган: «Толчок для новых решений») и вписывал в 3D-проект не санузел, но «место, которое подарит вам рай». Вскоре он понял, что в России не две беды, а три: дураки, дороги и дизайн. Одно большое 3D. Богатые клиенты жалели денег для найма отдельного специалиста и выносили мозг салонным. Обычная рабочая картинка: Настенька журчит и поет по телефону, затем кладет трубку, смачно матерится и заявляет, что «они хотят такое же, но с перламутровыми пуговицами, надо заказывать в Италии, а она далеко».

Старший менеджер Андрон только усмехался в окладистую бороду, по поводу которой ему постоянно приходилось оправдываться, что она у него не хипстерская, а «староверская». «Шарташские мы», — добавлял он в таких случаях, хотя большинство его собеседников уже никак не связывало пригородную местность на берегу озера Шарташ с поселением ревнителей старой веры. Если просили пояснить, он не без удовольствия рассказывал, что община существует до сих пор, а большинство купцов и золотопромышленников XIX века, строивших когда-то этот город, были самые что ни на есть «кержаки». Для отвода глаз они благоволили официальной церкви, но в подземельях держали тайные молельни.

Еще, поучая Настеньку и Макса, Андрон любил предаваться воспоминаниям из девяностых, когда «все только начиналось» и клиенты сплошь приходили такие, по сравнению с которыми нынешние — просто овечки.

— Мы тогда выпускали первый гляцевый журнал, — рассказывал он однажды, попивая чаёк. — Когда учредитель принимал номер, то переворачивал страницы чуть ли не пистолетом. В особо спорных местах интересовался, «не прибурили ли мы», а однажды зарубился за обложку. Там шла реклама шкафов-купе. Фотка, сделанная самым дорогим фотографом города, ему не вкатила. «Лохи, — говорит, — кто так рекламирует? Шкаф открывается, и там...» «Звездное небо», — с надеждой подсказываем мы. «Шкаф открывается, и оттуда сыплются баксы, придурки!» И он, прикиньте, реально достал из лопатника купюры и приложил к обложке. Так что ваши нынешние траблы — не траблы. Работайте, юниоры!

Юниоры всем своим видом выражали почтение ветерану и работали. Макс, конечно, понимал, что ради красного словца и хорошей истории Андрон и маму бы родную не пожалел. Врал он вдохновенно и искренне, с полной верой в то, что говорит. Достаточно послушать, каким соловьем выщелкивал старший менеджер перед клиентами, кстати, умея «накрутить» на каждый заказ несколько десятков тысяч в свою пользу. Окладистая борода и голубые глаза внушали доверие. Особенно состоятельным дамам «интересного», как выражался Андрон, возраста.

— Бабам вообще правда не нужна, — напутствовал он как-то Макса за бутылкой пива, — им нужно подтверждение собственных фантазий, но главная сложность заключается в том, что они сами не знают, чего хотят, даже когда с пеной у рта доказывают, что знают.

Еще в тот вечер он рассказал Максу про своего отца. Тот, действительно, происходил из семьи староверов, живших на Шарташе. Но отец его отца, то есть Андронов дед, женился на «чужачке», не придерживающейся «старой веры», и община ее не приняла. Потом что-то случилось в духе 1930-х, деда посадили, его молодая жена умерла, а их единственного сына, то есть Андронина отца, отдали в приют.

— Не признала стая щенка, — без обычного своего смешка закончил старший менеджер. — Впрочем, — тут же взял он себя в руки, — все мы немножко брошенные дети, как учили старики-экзистенциалисты. Так ведь, юниор?

Именно Андрона и Настю Макс пригласил на новоселье, когда наконец въехал в Таточкину квартиру. Хотелось как-то отпраздновать начало новой жизни, без предков. Настя обещала прихватить подружку Лизу из архитектурного бюро «Метрополис». Завалились они в маленькую прихожую все вместе да еще втолкнули перед собой подарок — какую-то пальму-экзота ростом с пятилетнего ребенка. Возникла суматоха с верхней одеждой, и Макс только тогда рассмотрел невысокую хрупкую Лизу, когда, примериваясь к стоящим у вешалки серебристым тапочкам, она негромко спросила: «Можно? Это чьи?» «Таточкины», — машинально ответил он, зацепив взглядом высокий подъем узкой девичьей стопы в

капроне. Циклотку скрывали джинсы. Он почему-то тут же смутился этого домашнего «Таточкины». Но Андрон уже оттеснил его к кухне, приговаривая: «Тапочки-таточки, девочки-лапочки, разгружай пакеты, юниор».

От привычного «юниор», произнесенного при Лизе, Макс почему-то смутился еще больше, ему вдруг стало страшно неудобно за допотопный интерьер кухни, где после смерти двоюродной бабки он ничего не успел изменить: за разошедшиеся оконные рамы с облупившейся краской, идиотскую герань и фиалки на широком подоконнике, бидончик и сервант с посудой, по которым точно скучал какой-нибудь музей советского быта, простецкую мойку и навесные шкафчики, считавшиеся шикарными лет сорок назад. Щеки предательски зарделись, и нелепой показалась сама идея вечеринки в «старушечьей квартире». Ладно Андрон и Настя, они его худо-бедно знают, но что подумает Лиза?

Настя между тем, увидев накрытый стол с Таточкиной посудой, взвизгнула: «Какой винта-а-аж!» И Макс, окончательно решив, что пропал, взглянул на коллегу почти с ненавистью. Но мгновенно отмяк, различив в ее лице неподдельное восхищение. Девушка взяла в руки тяжеленький нож с полустершейся цветочной гравировкой на лезвии: «Это же настоящее столовое серебро, нет? Вилки тоже серебряные? Будем есть на серебре! Круто!» И пока Макс что-то бормотал о брате бабушкиного отца, понимающем толк в вещах, пытаюсь избегать домашнего «Таточка», Настя ловко переворачивала тарелки и чайные блюдца, разглядывая клейма.

Лиза же рассеянно трогала пальчиком бокалы и стопки. Некоторые поднимала, рассматривала на просвет. Совокупно они и вправду представляли собой любопытное зрелище. Если книжки за стеклом в «большой» комнате напоминали шеренги солдат в одинаковых мундирчиках, то сборная на столе, напротив, поражала разнообразием. Ни дать ни взять полянка диковинных стеклянных цветов на высоких ножках. Крутые бока бокалов будто покрывал тончайший морозный узор. Узким кантом он повторялся на стаканах для воды. Стопки разного калибра и роста доверчиво и нежно раскрывали стеклянные венчики. «Я однажды видела, как человек на набережной играл музыку на чем-то подобном, — тихо сказала Лиза, присаживаясь с краешка стола, — ну, то есть перед ним на столике стояли бокалы, заполненные водой на разных уровнях, и он извлекал из них музыку». «А ты попробуй, — посоветовала подруге Настя, — может, тоже получится. И вообще, не садись на угол, замуж не выйдешь, примета такая». Лиза чуть-чуть передвинулась, слегка коснувшись локтем Макса. Андрон, потрепав себя за староверско-хипстерскую бороду, принялся разливать напитки, одобряя попутно планировку, высоту потолков, вид из окон и особенно граненые стопки в «старом купеческом стиле».

Всем напиткам он предпочитал «водочку», подчеркивая, что ветеранам с его питейным стажем уже нужно беречь себя и употреблять чистый продукт. При этом он многозначительно косился в сторону Насти. «Ты старый солдат и не знаешь слов любви!» — наконец картинно вздохнула та и уселась к ветерану на колени. «Обними меня за плечи! Пожалей меня

за ордена!» — пропел ей Андрон на ухо. Так Макс окончательно убедился в том, о чем с некоторых пор начал подозревать. Здесь его снова накрыло волной смущения: неожиданно и слишком явно они с Лизой оказались по одну сторону баррикад. Их будто подталкивали друг к другу.

И не то чтобы Максу это не нравилось. Ему уже хотелось коснуться Лизиних шелковистых, чуть вьющихся волос, которые она по-школьному заправляла за уши — так, что светлые кончики, распушаясь, щекотали ей мочки. Почему-то она напомнила Максу женский силуэт с корешка Мериме. Какой-то своей от веку заданной эталонностью, что ли. На Лизе легко было представить старинное платье в пол. Скуластое миловидное личико, выступающие хрупкие ключицы, ямочки на щеках. Изгиб губ будто скрывал постоянную улыбку. Захмелевший Андрон, все крепче прихватывая талию Насти, поднял тост за «новый этап жизни Макса, новую квартиру, в комплект к которой только осталось найти хозяйку». Сам он был официально женат раза четыре, но теперь вел необременительную жизнь закоренелого холостяка, а заработанные деньги тратил на временных подружек, алименты и путешествия.

— Давайте лучше выпьем за бывшую хозяйку, — неожиданно предложила Лиза, задумчиво обводя ноготком тонкий узор на стекле своего бокала, — мне кажется, она была удивительной.

Лиза вопросительно подняла глаза на Макса, и улыбка заперхала на ее лице. Так легко и почти не всерьез взблескивают на солнце летящие паутинки. Макс даже показалось, что одна из них, невесть откуда взявшаяся здесь, на кухне, коснулась его лба и щек. Он стряхнул наваждение и, уже не стесняясь домашнего «Таточка», рассказал семейную легенду.

Юной девушкой вместе со своей сестрой, родной бабушкой Макса, которая оканчивала филологический, Таточка попала на вечер поэзии. Тогда читать стихи было модно не только в Москве, но и в «закрытом» промышленном городе. На вечере они познакомились с журналистом, потом и красавцем Игорем Кирпиковым. Таточка влюбилась и, как оказалось, на всю жизнь. Потом Кирпиков два раза женился, но не на ней, родил троих детей, и младшая дочь даже работала какое-то время под Таточкиным началом. Для пущей убедительности Макс добавил, что где-то в доме есть две афиши с его вечеров, статьи, аккуратно вырезанные из газет, отказ из журнала «Юность», куда Таточка с сестрой втайне от начинающего поэта отправили его стихи, несколько экземпляров его «книжки», собственноручно отпечатанной Таточкой на машинке, и даже портрет.

— Постой, постой, — Андрон даже оторвался от Насти, — как, говоришь, его фамилия? Кирпиков? Игорь Николаевич? Так ведь я работал с ним. Куда только, Настенька, меня не заносило в девяностые! Тогда нужно было владеть несколькими профессиями сразу, чтобы выжить. Вот я и владел, и выжил! — Он аккуратно ссадил младшего менеджера с колен, чтобы дать себе простор для жестикуляции, и с жаром продолжил: — Зачетный мужик был. Интеллигентный такой, старая школа, теперь таких не делают. Сухощавый, с породистой бородкой клинышком. На Николая Черкасова в роли Дон Кихота очень похож. Я, конечно, предполагаю, что

вы, юниоры, такого фильма не помните, тогда поясню — образчик романтического благородства. Кирпиков чем-то вроде визиря был при главном редакторе, много работал с молодежью. Меня, бывалоча, наставлял, как правильно похмеляться надо. Посмотрит укоризненно, покачает серебряной головой — очень у него благородная седина была, — заведет к себе в кабинет, достанет из шкафа коньячок, нальет рюмочку. А попутно и секретом мастерства поделится, расскажет, что нужно, например, из моей последней заметки убрать, что добавить... Понимал в текстах, он ведь долгое время отдел критики возглавлял в литературном журнале. Но с молодежью в этом плане работал аккуратно, щадил самолюбия, помнил, небось, как больно, когда бьют наотмашь. А вот про то, что ему в свое время в «Юности» отказали, я и не знал...

— По семейной легенде, он тоже не знал, Таточка ему вроде не сказала, — вставил Макс.

— А давайте на его портрет посмотрим, — предложила Лиза.

— А чего смотреть, — Андрон снова притянул Настю к себе на колени, — вот, — ткнул он пальцем в фигурку Дон Кихота каслинского литья, стоящую на холодильнике «Саратов», — вылитый!

— Я покажу, — взвился Макс, и они с Лизой, оставив товарищей целоваться на кухне, вышли в соседнюю комнату.

Почти касаясь затылком плеча Макса, Лиза внимательно изучала «иконостас» над рабочим столом: грамоты и небольшие, в основном черно-белые, фотографии в рамках. Таточка в строительной каске на верхотуре какого-то здания. Кирпиков в пиджаке, с волной светлых волос, действительно похожий на киноартиста с открыток советских времен. Задором искрящиеся глаза, белозубая улыбка — хоть сейчас на плакат о победителях всех соцсоревнований на свете. «А мне кажется, здесь она на себя больше похожа», — Лиза перешла в противоположный угол комнаты к серванту, над которым висел большой овальный портрет Таточки. Не холст — пожелтевший ватман и акварель. Детально прописаны только нежное лицо и высокая шея. Темные волосы убраны назад, а в гордой посадке головы есть что-то, напоминающее «Всадницу» Брюллова. Но без масляного лоска шелков и смоляных локонов, которые будто соревнуются в своем блеске с шерстью взнузданного лилейной рукой вороного.

На Таточкином портрете руки и белая просторная блуза едва намечены, но эта нарочитая «недоделанность» только подчеркивает ее отстраненность, задумчивость и какую-то спокойную верность канону «тургеневских девушек». Романтизм, пронесенный через всю жизнь, приобретает ореол аскезы. Безделушки светлого фарфора, явно подобранные к портрету, тоже отсылали в тенистый мир книжных русских усадеб и странно успокаивали. Только тревожно горел в луче вечернего солнца подернутый пылью бокал красного стекла на высокой ножке, стоящий в центре композиции.

«Откуда такой?» — осторожно коснулась его рукой Лиза. «Да уж не из Венеции, — блеснул эрудицией Макс, — они же только по содлагерю могли ездить: Болгария, Югославия, Польша, ГДР». «Мы пошли! — донеслось из коридора, где Настя с Андроном едва не снесли подарен-

ную пальму, разыскивая верхнюю одежду. — До понедельника!» Замок лязгнул, и еще какое-то время доносился с подъездной лестницы их пьяный смех. Лиза в ту ночь осталась у Макса. Как-то легко и естественно. Всю ночь шел дождь. Капли барабанили о карнизы и крыши, птичий гомон не смолкал. Макс хорошо запомнил утро следующего дня, когда провожал Лизу до трамвайной остановки: на тополях и кленах вдруг густо повывлезли листья. «Представляешь, — улыбнулась она, — когда я засыпала, все еще было серое, а проснулась — зеленое». То тут, то там на пустых газонах стояли черные мешки, в которые, казалось, аккуратно упаковали расчлененное тело зимы. Весенние дни до появления настоящей зелени всегда немного тревожные, неприкаянные. Восприятие истончается до безобразия: жадно выискиваешь глазами первый одуванчик, готовую вот-вот треснуть почку, островок мать-и-мачехи. Едва не падаешь в обморок от нахлынувших чувств при виде бабочки или мухи, и даже комара не спешишь прихлопнуть, а провожаешь глазами и улыбаешься — «первый».

Макс у Лизы первым не был, не был он и единственным. Три года назад, сама толком не заметив как, она влюбилась в Вадима, одного из клиентов их салона. Работала над интерьером его просторной квартиры в новом жилом комплексе. Заказ считался очень выгодным, и Лиза, тогда еще начинающий сотрудник, старалась изо всех сил, робела, трогательно адела неярким румянцем и опускала глаза, выслушивая пожелания и задавая вопросы. Никогда еще с посторонним мужчиной она так долго не разговаривала на подобные темы. Предстояло выяснить все: как часто семья принимает гостей, остаются ли гости ночевать, какой цвет заказчика успокаивает, какой бодрит, где он, в конце концов, предпочитает хранить свои носки. Они вместе ездили выбирать паркет и плитку, листали каталоги, прикидывали, какой материал будет более экономичным.

Вадиму, похоже, нравилась ее безропотность и постоянная готовность слушать. Его супруга, миловидная брюнетка со спортивной фигурой, появилась в квартире всего один раз, энергично обошла с обиженным лицом будущие владения, на Лизу не обратила ровно никакого внимания и, пока та ждала на кухне, внутренне готовясь к очень неприятному разговору, громко ругалась о чем-то с мужем в дальней комнате. Потом прокричала: «Ну как знаешь!» — и громко хлопнула входной дверью. Когда в кухню вошел Вадим, Лиза удивилась, насколько потемнело и осунулось его лицо. Чувство острой жалости, которое вдруг охватило ее при виде этой перемены, и можно считать началом ее любви, а тот день началом их «романа». «Пожалуй, без холодильника для косметики в ванной мы обойдемся, — грустно улыбнулся Вадим, — хотя дело совсем не в нем... Если у вас есть время, составьте мне компанию... пожалуйста». И он достал из шкафа бутылку вина. Потом случалось разное: его пустая дача, дачи его друзей, даже гостиницы, когда Вадим брал с собой Лизу в свои командировки в область, изредка ее, Лизина, скромная хрущевка, если мама была на ночном дежурстве в больнице. Тогда, чтобы не привлекать лишнего внимания, он парковал машину за два квартала.

Лиза никогда не спрашивала, что в случае таких отлучек Вадим говорит жене. Боялась увидеть в ответ его враз постаревшее на несколько лет лицо. Без лишних объяснений она поняла: из семьи он не уйдет. Единственное, что знала про его семью точно, — дочь Вадима младше ее всего на пять лет и учится где-то за границей. «Может быть, он в чем-то заменил мне отца», — рассеянно размышляла она потом, когда уже ничего было не изменить, а вполне заурядное лицо этого мужчины, крепко схваченное сеточкой наметившихся морщин, крупные кисти рук с чужим обручальным кольцом стали данностью, без которой она не представляла своей жизни. Отца Лиза никогда не видела, «был и сплыл» — все, что изредка в сердцах повторяла о нем мать. Никаких других упоминаний, фотографий — даже в самых запыленных коробках на антресолях.

Теперь Лиза ловила себя на том, что копирует материну досаду, всякий раз переключая канал ТВ, едва там мелькало подвенечное платье или невеста через спину бросала подружкам заветный букет. О, эти букеты невесты, небольшие, легко помещающиеся в одной руке, с игривыми названиями: «сноп» и «скипетр», «муфта» и «водопад», «полумесяц» и «веер», «корзинка» и «молитвослов», французский «тусси-мусси» и швейцарский «бидермейер». Однажды Лиза с мазохистским наслаждением прочитала о них целую статью и чуть не расплакалась. Ей такого не поймать, свою судьбу она уже, видимо, получила по наследству. Странное знание, почти уверенность, не очень-то нормальная для молоденькой девушки. Она вообще, наверное, странная, если в ответ на вопрос, что такое любовь, представляет обычный полиэтиленовый пакет с логотипом того универмага, где однажды они с Вадимом долго выбирали продукты перед первым общим ужином в гостинице. Осторожное приглядывание к бытовым привычкам друг друга, совместное стояние в очереди к кассе, а потом целый день, ночь и кусочек утра, проведенные на нейтральной для обоих территории, которую с натяжкой можно было считать домом и населять своими воспоминаниями, не тревожа посторонние тени.

Тогда они остановились в гостинице за городом, где-то в закоулках огромного запущенного парка. Красные ковровые дорожки на бетонных лестницах вытерлись до серой основы, а за окнами осень собиралась с силами перед тем, как перейти в наступление. Листва еще не пожелтела, но на кустах уже блестели огромные паутины — картинные, тщательно вытканые, — готовые для отправки в город первым десантом, едва начнется листопад. Почти постоянно шел дождь. И от этого парк казался темнее, чем был на самом деле, а бархатцы на клумбах — ярче. Лизе опять хотелось плакать. От полноты чувств и полной их неопределенности. Хотелось плакать и когда шел дождь, и когда тетушка на ресепшене отправила их прогуляться к Дереву любви — сросшимся в единое целое березе и дубу — со словами, что туда обязательно приезжают на счастье свадьбы из города. Традиция показалась Лизе странноватой: дуб-то вполне себе зеленел, а береза, задушенная им, засохла. Ночью снова шел дождь и шумел черный парк, одну волну звука от другой отличить было сложно, и смутно думалось о том, что иногда ни за что

не поймешь: счастлив ли ты до истерики или до той же истерики, а то и хуже несчастен.

В таком двойственном ощущении она и жила. Но чаще всего при Вадиме испытывала чистую радость полновесного настоящего, боль приходила позже, когда они расставались. Целый букет чувств «не-невесты», что твой «бидермейер», сложенный из плотно прилегающих друг к другу цветочных колец — в каждом бутоне разного оттенка. Сердцевинную нежность чайных роз зажали в кольцо красные розы ревности, но их темное пламя охлаждает поясok белых лепестков: стыд перед незнакомой женщиной, женой Вадима, понимание, что так неправильно, что никогда не хотела бы она себе ничего подобного. Потом шли розы желтоватые, крупные — смутное желание все прекратить, выровнять свою дорогу. В один из таких «желтых» дней она и осталась у Макса, тем более что Вадим почти на месяц уехал в командировку...

Просто «желтый день», после которого за одну ночь мир из серого превратился в зеленый, что вполне бы сошло за добрый знак, не в пример сросшимся березе и дубу... Таким могло бы быть одно из рациональных объяснений поступка, если бы Лиза искала рациональные объяснения. Но через несколько встреч, кроме прочего, она поняла, что начала ценить новое для нее чувство легкости, с которым каждый раз уходила от Макса. От Вадима после свиданий, особенно длительных, ей приходилось отлепляться по-другому: всем своим существом, с острой болью, с посекундным желанием вернуться. Здесь же если какой-то встречи она и ждала, то с... Таточкой. То есть с ее квартирой, определенно имеющей душу. Заповедник, созданный женщиной, отрезанной от остального мира — трижды, как в сказке: Таточка всю жизнь прожила в «закрытом» городе, расположенном посередине страны, надежно зашторенной «железным занавесом», да еще практически в монастыре, где существовала единственная неразделенная любовь, жесткая кушетка, работа и семья сестры.

Но Лиза чувствовала себя здесь уютно, защищенно, как в укромных книжных усадьбах, спрятанных за неяркими обложками собраний сочинений. Таточка ведь тоже была странной, не такой, как большинство. Лизе почему-то казалось, что она бы ее поняла, и здесь — в этой квартирке-келье, затонувшей на дне дремлющего времени, — ей никогда бы не пришлось оправдываться, как пришлось бы оправдываться, например, перед мамой, узнай она, что дочь — о ужас! — любит женатого мужчину. А как же свадьба? Внуки? Девочка и мальчик? И почему родителей так бесит, если дети повторяют их ошибки, а точнее — судьбу?

Между тем май заканчивался, листва за окном набрала силу, тени в комнате стали гуще и подвижней, их трепет делал лицо на овальном портрете Таточки почти живым. Иногда Лиза, умиляя Макса, бережно протирала тряпочкой стоящие под ним фарфоровые безделушки: узкомордую борзую, лукавого удальца в панталонах и треуголке, китайскую вазочку с цветочным узором, особенно долго — стекло красного бокала. Она щелкала по нему ноготком и сквозь тихий звон слышала, казалось, как Таточка шепотом отвечает на ее вопросы: что любовь не

всегда стремится к полному обладанию, запечатанному обручальным кольцом, и что никогда не надо верить глупостям, будто ее можно «завоевать», настаивая, требуя и толкаясь локтями, и уж совсем наивно полагать, что однажды она кончится по твоему желанию.

— Они когда-нибудь спали вместе? — огорошила однажды Лиза Макса вопросом.

— Кто? — не сразу понял тот. — Андрон с Настей?

— Таточка и ее возлюбленный?

— Вот уж вряд ли, — хмыкнул внук, представив всегда строгий блеск стекол в очках двоюродной бабки, — да и слово какое: «возлюбленный». Видел я его — серьезный такой старикан, все время меня жизни учил.

Тут тихонько хмыкнула уже Лиза. Белозубого парня с фотографии на стене она совсем не могла называть «Кирпиков»: ни реальный человек с такой фамилией, ни уж тем более «серьезный старикан», в которого он превратился, совсем не имели отношения к тихой тайне этого жилища, флюиды которой иногда, ранним утром или при особом, мягком закатном освещении, становились ощутимы так же, как сладкий запах корвалола и «Красной Москвы» в недрах гардероба. Тайна любви вовсе не в том, кого любят, а в том, кто любит, потому что, отталкиваясь от реальности, он создает даже не идеальный, а единственно верный образ своего возлюбленного. А потом образ обретает самостоятельность, живет своей жизнью, и некоторые из них, редкие, как произведения искусства, с годами становятся только прекраснее. Наверное, об этом ей тоже нашептала Таточка, когда Лиза осталась здесь ночевать. Любовь — труд души, а он никогда не бывает напрасным, даже если любовь — безответная.

С Максом Лиза об этом, конечно, не говорила. Его заботило другое. Кажется, впервые после окончания вуза он весь ушел в работу. Но Настенька, заглядывая через его плечо в монитор, видела, что рендерит Макс Таточкину, точнее теперь уже свою, квартиру, вертя модель большой двуспальной кровати.

— Сексодром? — подмигнула она коллеге.

— Может, к свадьбе готовлюсь, — буркнул он, покраснев.

Настенька стрельнула глазами в сторону Андрона, который с умным видом рубился в стрелялку, и очень громко сказала:

— А я тут на семинар собралась — «Как выйти замуж и там остаться».

— Зловещее название, — не отрываясь от игры,отреагировал Андрон, — почему-то сразу замок Синей Бороды вспоминается. Знаешь ли ты, мое сердце, что прототипом Синей Бороды был барон Жиль де Ред, сподвижник Жанны д'Арк?

— Читай дальше свою «Википедию»! — Настенька, обиженно цоккая каблуками, удалилась курить.

А Макс в общем-то не соврал, хотя никаких предложений официально еще не делал, но, обдумывая ремонт, мебель и планировку, всегда принимал в расчет Лизу. Понравится ей, не понравится, где и что она положит, расставит, развесит на плечики. «Насчет кухни надо будет с ней все-таки посоветоваться», — решил он в конце концов.

Макс позвал Андрона помочь «вынести кое-что из флэта» перед ремонтом. Долше всего провозились с Таточкиной библиотекой, перетаскивая книги в коридор, точнее в общий на три квартиры «предбанник». Андрон, к удивлению Макса, взял себе несколько старых изданий.

— Тебе ведь ни к чему, — пояснил он, сдувая с них пыль, — вы дети гаджетов, потерянное поколение, а нас воспитали в уважении к книге. Я ведь и в издательстве в свое время успел поработать. И что имею сказать, — он с одобрением взвесил на ладони «Мельмота Скитальца» 1983 года из серии «Литературные памятники», — чем ближе к сегодняшнему дню, тем печатное слово становится легчевеснее. «Кирпичи» начала девяностых были еще увесистые, о-го-го, хоть и смахивали на непропеченный хлеб, бумага серая, буквы вязкие, маленькие. Но мы их глотали, как вырвавшиеся из блокады. Набоковы, Булгаковы, Солженицыны, вот это вот все. А теперь — тьфу... Писателей нет, кругом «проекты». Каждый обязан раз в год книжицу из себя выдавливать. Ушел большой стиль. Не капитроительство, а сплошной декор. Такая литература рук не тянет. Вроде и обложки твердые, и объем визуально тот же, а нет — легче на треть, как десерт, взбитый в миксере. Н-да. Тебе не понять.

Макс зачем-то кивнул, соглашаясь. И пошел открывать дверь Лизе. Он волновался, на кухонном столе лежали распечатанные листы с будущей перепланировкой. Лиза охнула, едва войдя в развороченную квартиру. Какое-то время слонялась по ней, как гонимая сквозняком бумажная куколка, выпавшая из пожелтевших страниц книжного тома. Зачем-то трогала то, что еще осталось на опустевших, но не снятых полках, долго вертела фигурку Дон Кихота. Только и спросила — где портрет? Вроде немножко успокоилась, что у мамы, как будто бы Макс мог вынести его на свалку. Вообще вела себя странно, интереса к перепланировке не выказала, и слишком ясно читалось в ее побледневшем лице и аккуратно поджатых губах, что слушает она больше из вежливости. Потом как-то скомканно попрощалась со всеми, едва мазанув щеку Макса поцелуем, и ушла, с просьбой не провожать.

— Ну и что это было? — рассеянно спросил Макс у Андрона, когда они остались одни.

— Не дрейфь, юниор, — разлил тот по стаканам бутылку пива, — бабские выкрутасы. Будешь думать, что да почему, голову сломаешь. Вернется.

Макс опять зачем-то кивнул, хотя понимал, что случилось неладное и он чем-то обидел всегда спокойную Лизу, как раз и непохожую на других его подружек своей необидчивостью. Темнело, «большая комната», подготовленная к новой жизни, выглядела как-то особенно сиротливо. Андрон, доставая очередную бутылку пива, советовал внимательнее отнестись к «бабкиным безделушкам», потому что многие из них «вполне себе антиквариат». Макс попытался два раза набрать Лизу, но та трубку не брала. Не брала она ее и потом. Забегая вперед, нужно сказать, что насчет «вернется» многомудрый Андрон ошибся. Лиза с тех пор как в воду канула и больше никогда не переступила порога квартиры, которая перестала быть Таточкиной.

Вероника ШЕЛЛЕНБЕРГ

«ДОИСТОРИЧЕСКИ БЕЗЛЮДНО...»

* * *

Просто живу.
Под горой, у реки Чемал.
Нынче табун гнедых
рядом заночевал.

Просто живу,
живая среди живых
бабочек, ящериц, бурундуков,
этих коней.
Один с утра вышагивает ко мне,
любопытный, доверчивый.
Прямо с ладони схрупал
яблоко, припасенное к вечеру...
Ой, мягкая морда!
И ушел, покачивая лоснящимся крупом,
гордо.

А вода в Чемале
дразнит хариусом у каменистого дна.
Изумрудная в глубину, чистая,
пью, прямо возле коня.
Я здесь только дремучей тайге видна,
берегущей меня.

Неужели я вырвалась из сетей
суматохи, безумия, массового разлада?
Исчезла с радаров убийственных новостей?
Одиночеству — рада.

О, это не мало —
просто жить на берегу Чемала!

Чтобы в гору
тропка звала золотая.
Это духи Алтая
на краю мировой истерии
шалашик мне смастерили.

Май 2020, Алтай, река Чемал

Нарымский сквер

Скоро зима этот сквер забелит
до самых ранетных кистей.
Дети гурьбою бегут за белкой,
белка бежит от детей.

Подумаешь, выдался год тяжелый...
Сухая листва: хруп-хруп...
Белка хватает с ладони желудь,
белка сажает дуб.

* * *

Темень ли отсырела,
от сырости ли темно...
Осени рыхлое тело
бессовестно обнажено.

Старой бы деве рощице
в белом стоять пора.
Скромница доморощенная
допросится топора.

* * *

Ничего целый день не хочется,
лишь бы свет горел.
Разбираю письмо от жука-древоточца
на сосновой коре,

с той ее стороны, не шершавой,
шелковистой, другой,

что к стволу прижималась, как я к тебе — правой
горячей щекой.

Насекомая тайнопись... да, утешение жалкое.

Так и сходят с ума.

Я ответ сочиню, и за мной, торжествуя, пожалуйет
санитарка-зима.

* * *

О, если бы амброзия,
о, если бы нектар!
Глотаю на морозе я
слезу, как скипидар.

Казалось, зарубцована
в душе сквозная боль.
Защита образцовая,
искуснейший пароль.

Но взгляд один-единственный —
пробита! Сражена!
Гремит ключами истина:
любви хотела? На!

* * *

Бетонные косые блоки
торчат, как зубы динозавра,
у входа в парк сырой, глубокий,
сожравший листопад на завтрак.

Огни, огни кого-то ищут,
высматривают, у кого там
привязан камень к топоричу
и шкурой тощий торс обмотан.

Доисторически безлюдно!
Парк отдан мраку с потрохами.
И только бабочка... — откуда? —
Из мира Брэдбери порхает.

* * *

Не спешу торопиться,
в детство катятся дни.
Березняк — рукавица
на резинке лыжни.

Вдоволь неба и снега.
Жаль, темнеет уже...
Далеко до ночлега.
Город — желтым драже.

Расписание маршруток —
не указка, отнюдь.
Синь замешена круто.
Доберусь как-нибудь.

Наконец-то морозно.
В небе тихая грусть.
Высоко. Високосно.
Как-нибудь доберусь.

* * *

Голые поля. Далекий лай,
хриплый от собачьего холода.
Не заботься обо мне, «Билайн»,
цвета нефти и золота.

Не хочу — на яркой стороне,
угловато-мятая, всякая.
И, «Тэфаль», не думай обо мне,
сковородками брякая.

Нет долгов, и сразу — ни гроша.
Крутится веселая мельница.
А Россия — щедрая душа...
Разумеется.

Клуб фантастики «АМАЛЬТЕЯ»

Даже для фантастов «заглянуть в будущее» — не самая простая задача. Ведь через годы изменится не только техника или уклад жизни. Непременно изменится и психология людей, их отношение к окружающей действительности и даже спектр чувств и эмоций. Станислав Сенсиф (Краснодар) крупными мазками, но очень убедительно создает модель мира будущего: чистого, доброго и наивного, в котором живут отлично прописанные персонажи, так похожие на нас нынешних и одновременно бесконечно другие. Впрочем, не подумайте, что это опыт возрождения утопической фантастики. Автор точно знает, что в любом мире, в любые времена есть второе дно, скрытое от глаз широкой общественности. И зачастую на этом дне живет настоящее зло, умело маскирующееся под благо.

Вячеслав Шалыгин

Станислав СЕНСИФ

БАНКНОТЫ

П о в е с т ь

«Когда развеется туман и луч солнца осветит поле, ты увидишь вдали воду. Иди по прямой к реке, смотри на ее дальний берег. Как почувствуешь, что прошел половину пути, остановись и копай. И если ты плоть от плоти моей, то найдешь это место».

Сканер в руках неожиданно завибрировал. И хотя поле давно стало озером, а на полпути пришлось нырять и рыть дно, Макс с пятой попытки нашел «это место».

1. РИТА

Если навести сканер на ID Риты, он покажет озорную светлую девчонку. Честную, добрую (как следствие — наивную), жизнерадостную, активную, с местом в авангарде. Еще в паспорте на главной странице рядом с иконкой «большое сердце» будут стоять «жезл» (надежная опора Системы) и «сокол» (стремящаяся вперед). Ниже нормы окажутся «очаг» (дом, дети), «традиции» и «покой». Современная девушка, двумя словами.

— Мать моя Земля, отец мой Бог, Максик, это правда они?! — Рита была ошеломлена.

Максим раскрыл рюкзак: внутри лежали четыре прозрачных футляра. В трех было запаяно по одной купюре, в четвертом их была пачка.

Макс поставил нулевую комнату на блокировку. Пространство превратилось в кают-компанию космического корабля с видом на Млечный Путь.

- Да, милая. Это они.
- Сколько же им веков?!
- Им примерно тысяча лет. Эпоха денег.
- Правда?
- Да.

Рита осторожно взяла в руки один футляр. В пространстве, ограниченном стеклом, висела банкнота. Купюра находилась в одном положении, словно застывшая в невидимой смоле. Тряска, переворачивание футляра на нее никак не влияли — она оставалась абсолютно неподвижна.

Сама банкнота была кирпичного цвета и сильно затерта. На одной стороне был изображен массивный замок с рядами окон и острыми шпилями. Он словно парил в облаке. Никаких символов: букв, цифр, значков — не было. Зато на обороте было много текста. Также там были изображены рыцарь на коне, поражающий дракона, и профиль человека в полукруге. Внизу слева стояла единица, окруженная витиеватым узором.

— Я знала, что банкноты очень древние, но чтобы настолько... Как же они дошли до нас?

— После отмены денег люди сначала хранили их по привычке. Потом как красивые бумаги... Берегли как могли, придумали футляры. Сейчас банкноты — большая редкость, найти их крайне сложно.

Макс рассматривал футляр с пачкой цветастых банкнот. Стопка крупных светло-голубых купюр, усыпанных цифрой «100», переливалась медными и зелеными вставками. Но особенно Максу нравилось изображенное на деньгах золотое перо.

— Это очень круто... — Было заметно, что Рита волнуется. — Но сейчас же они запрещены?

— Запрещено хранение. — Максим замялся. — Согласно Положению я должен их сдать, если найду.

— Но ты же не собираешься их сдавать прямо сейчас?

— Пока нет. — Макс улыбнулся. — В Положении не сказано, в течение какого времени я должен их сдать. Просто должен, и все.

— Лучше с этим не затягивать.

— Согласен.

— Хочется их пощупать. Давай разобьем один! — Рита поднесла футляр к лампе, рассматривая банкноту на ярком свете.

— Обязательно разобьем. Если придумаем как.

— Ага, ты тоже хочешь их разбить!

Макс кивнул:

— На них что-то есть... Нечто такое, из-за чего запрещают их хранить.

— И как ты выяснишь, что на них?

— Пока не знаю... Я надеюсь, что банкноты хранят секреты белых пятен.

— Это что еще такое?

— У меня ощущение, что в нашей истории чего-то недоговаривают.

Рита улыбнулась:

— Это чувство называется стремлением к познанию.

— Нет, нет! Познание — это жажда. А здесь — непонятки. Что-то отсутствующее, что-то, чего не хватает. — Макс искал правильные слова. — Что-то недостающее, как будто потерялось что-то важное. Помнишь, я говорил, у меня блокировки стоят в спирали времени? Небольшие провалы, белые пятна.

— Да. Наставник тогда сказал тебе: когда выделяется главное, обнаружится много белых пятен. Это незначительное. Как шелуха.

— Не сходится. — Максим поднял указательный палец, прерывая Риту. — Незначительное не влияет на ход истории. А у меня в некоторых спиралях получается, что входили люди в белое пятно одними, а выходили из него совсем другими. И что их меняло, мне неизвестно.

— Время. Это же просто. — Рита не понимала озабоченности Макса.

— Время меняет людей не так быстро. Что-то происходило в этих белых пятнах! Причем всегда после этих пятен люди становились хуже: злее, мрачнее. Здоровье ухудшалось...

— Повторяю тебе: время. А в белых пятнах что-то несущественное. Тебе жизни не хватит, если будешь изучать несущественное! — Рита взяла в руки другой футляр, принялась рассматривать купюру. — Для тебя отсекали уже все лишнее. Изучай то, что есть, не распыляйся!

— Я рад. Но не сходится.

— И ты думаешь, что банкноты помогут тебе разобраться?

Макс кивнул:

— Возможно, они ключ к моим белым пятнам.

— Максик, ты молодец, что их нашел. Но как ты вскроешь футляры? — Рита вернула банкноты Максиму.

— Придумаю, поищу в библиотеке. Только не сейчас. Мне скоро на комиссию идти. Ждут от меня объяснений, как я скатился к двум рядам.

Макс стал осторожно заворачивать футляры в одежду, хотя эта предосторожность была лишней — они выдерживали прямой удар в три тонны и нагрузку в пять. Так, во всяком случае, говорилось во всех их описаниях. Вскрывались футляры по хитрой методе каким-то особым инструментом, подробностей о котором Макс не нашел.

— Точно! Собирайся тогда, они не любят опозданий.

— Да я собран, в принципе. Только переобуться. — Макс полез в шкаф прятать футляры.

— Кстати, — вспомнила Рита, — по-моему, я знаю, чем тебе помогут твои банкноты!

Макс высунулся:

— Чем?

— Да ты продолжай, не останавливайся. Знаю одного человечка, он спец по накрутке.

— Спец по накрутке?

— Да. Рейтинг может поднять. Заодно расспросишь его о своих белых пятнах.

— Угу... — Макс снова погрузился в тайник.

— Может, обратимся?

— Дорогие они, эти спецы. Накрутка рейтинга не его обязанность.

Что он попросит взамен?

Рита заглянула в шкаф, бросив взгляд на футляры:

— Это и попросит. Жалко, конечно, но зато он может многое тебе рассказать. Он точно что-то знает про банкноты. Возможно, он даже умеет вскрывать футляры.

— Ты знакома с ним?

— Лично — нет. Есть его контакты. Мне сказали, что он поднимает баллы, а нам, — голосок Риты стал жалобным, — очень нужны твои баллы, Максик.

Макс опешил. Как ловко она перешла с его проблемы на свою.

— Тебе, Рита, тебе нужны мои баллы. Мне и так хорошо.

— Это отговорки. Подумай, чего ты мог бы добиться с другим рейтингом.

— Того же самого. Рейтинг не влияет на успехи гражданина. — Максим закончил маскировку и закрыл шкаф.

— Ты уверен? У тебя никогда не было высокого рейтинга.

— Рит, куча людей живут в трех разрядах. Это нормально.

— А в четырех, дорогой мой, живут лучше! А с пятью разрядами люди получают все свои проекты! И теперь, — она выразительно посмотрела в сторону футляров, — мы их тоже получим.

— Все знают, что рейтинг не влияет на проекты. Он контролирует лишь социальную ответственность.

— Ты уверен, что не влияет?

Рита объявила шах: подошла вплотную к Максусу, пристально посмотрела ему в глаза. Он хотел ответить убедительно, идеальными словами донести, что не в рейтинге счастье, но... не получилось.

— Нас так учили, а твои предположения лишь слухи, — пробормотал Макс, опустив глаза. — Давай адрес, я зайду к нему.

Рита отступила, улыбнувшись:

— Максик, у тебя есть возможность развеять эти слухи, — она сияла, — или подтвердить!

— Ладно...

— Я иду с тобой!

Человек всегда стремился к справедливости. Менял уклады жизни, совершал революции, но каждый раз не приближался к заветной цели ни на шаг. Мечту человечества о справедливости воплотил искусственный интеллект, создав рейтинг — независимый, справедливый, без алгоритмов.

2. ПАША

Предельная открытость Системе дает человеку и право предельной закрытости... Возмещает, так сказать. Причем, видя закрытого человека, граждане не вправе задавать вопросы на эту тему, делать выводы или принимать решения. Ну пришел человек в скафандре и темных очках на нудистский пляж, и что? Его дело, не обращаем на это никакого внимания.

Паша был из тех немногих, кто пользовался закрытостью максимально.

Он не понравился Максу, едва они увиделись. Кого расположит к себе потный, толстый, рыхлый увалень, самодовольный, с брезгливой кривой улыбкой? С маленькими ручонками, пухлыми изнеженными пальчиками? Стремящийся постоянно смотреть на тебя сверху вниз, притом что роста он низкого. Кому может такой понравиться? Разве что родной маме. При условии, что у мамы он единственный ребенок.

— М-м-мда... — начал Паша, после того как они сверили пароли. — Это я. Вам меня верно рекомендовали. — Смотрел он при этом куда-то за ухо Макса. Вроде и к нему обращался, но мимо, в пустоту.

Паша немного послушал рассказ Макса и сделал реверанс в его сторону:

— Можно жить в третьем разряде, вы правы... и во втором. Можно жить, — говорил Паша с паузами, короткими фразами, то и дело касаясь пальцами своего лица. — То, в каких разрядах вы находитесь... не определяет вашу жизнь. Ваш уровень счастья. Или здоровья. — Паша провел средним и указательным пальцами по своей щеке от виска до подбородка. — Текущий рейтинг человека... показывает истинный вклад человека в общество. Адекватно оценивает его поведение до настоящего момента... и не влияет на будущее человека.

Он цитировал Положение «О рейтинге человека». Максим слушал, не перебивая.

— Текущий рейтинг человека... не способствует росту или падению... рейтинга человека в будущем. Не создает тенденций, закономерностей. И не является оценкой. Рейтинг — это реальное отображение положения человека в обществе. Исходя из его поведения... поступков и намерений. И бла-бла-бла. Все мы знаем это наизусть. Все так. — Паша сложил руки домиком. — И все мы знаем... что это не совсем так. Видите ли, — он ткнул указательным пальцем себе в лицо, в район подбородка, — мне очень нравится суждение, что рейтинг влияет на нашу удачу. Как сказал один умный человек. При прочих равных. Кто-то идет вниз, а кто-то вверх. Вопрос — почему? На него люди всегда отвечали одинаково — удача! Его величество случай. — Пальцы Паши изобразили фейерверк. — Выносим за скобки тщеславие, гордыню... и прочую ересь. — Паша начал массировать лицо. — Так вот, знайте! Рейтинг, или баллы, или разряды — как угодно, — это хвост удачи. И мы можем его схватить!

Он склонился к Макс и подмигнул, впервые посмотрев ему в глаза:

— Удача — родная сестра чуда. Познакомившись с удачей, будучи на короткой с ней ноге, вы сможете часто видеть чудо. Причем не какое-то иллюзорное чудо. Или голографическую дешевку. Нет. Самое настоящее... житейское, бытовое Чудо. С большой буквы. А там... и до счастья близко.

Паша замолчал, сделал долгую паузу, чтобы Макс проникся его мыслями. Тот молча слушал, не выражая никаких эмоций. Паша продолжил:

— Не шариться по вселенным, как большинство, тупо лежа в кресле корабля... перебирая планеты. А например... реализовать свой проект. Любой! От научного открытия до пруда с карпами.

Макса кольнуло — знает Паша, на что бить. С первого раза в точку.

— Или минусовое обучение. Знаете, что такое минусовое обучение? Это когда вас учат без обязательной отработки. Вы можете даже не пользоваться этими знаниями! Вас будут обучать любому делу. Будут просить, чтобы вы пришли в их академию. Предлагать бонусы за то, что вы учитесь. Чудо! Но оно бывает. В разряде этак шестом-седьмом.

Паша встал, налил себе воды. Макс не предложил, вернулся в кресло и продолжил:

— Чудеса на каждом шагу. Отсутствие очередей. Любых. Разрешение на ребенка — сразу после подачи прошения. Пересадка органов вашим дедам. Парковка. Автограф звезды — всё без промедлений. По первому желанию. В нашу эпоху очередей... это самое ценное, что может быть в Системе. Лучшие места на инаугурации, финале олимпиады, любом представлении. Вы можете лететь вниз головой по горному серпантину под пятьсот километров в час и знать... знать, что выживете. Что вас обязательно спасут. Даже если для этого придется соскрести со стен вашу ДНК.

Для Макса это звучало как сказка.

— А как вам такое чудо? — Паша не унимался. — Звонок президента! Лично вам! Президент позвонит утром. И поинтересуется, как у вас дела. Какие, может быть, пожелания, жалобы, вопросы? Немногие в курсе, но есть такая программа. В Кодексе Президента прописана. Он клятву дает звонить своим гражданам. Случайно выбранным. Странность, что люди с высоким рейтингом, очень высоким рейтингом, попадают в эти списки чаще. Никто не знает как. Но факт, факт. Чудо! Не кролик из шляпы, чтобы вы сказали «вау», а президент, чтобы вы сказали: «Господин президент, вы, наверное, не в курсе, но климатический контроль за последние два месяца пять раз давал ошибочные прогнозы погоды. У меня бабушка из-за этих ошибок не в тех тапочках из дома выходила. И моя работа переносилась из-за неожиданных осадков!» И через два дня, — Паша щелкнул пальцами, — через два дня перед вами отчитываются министр климата и директор службы прогнозов! Благодарят вас и направляют максимальные ресурсы на улучшение качества. Ваша бабушка и ее подружки... признательны вам. Для вас, правда, это мелочи. У вас серьезная загрузка. У вас много дел. Потому что... приняли ваш проект! — И здесь Макса передернуло снова, он вспомнил цепкий взгляд Риты и то, как сильно она хочет получить свой проект. — Дали вам обе-

спечение, открыли линию поддержки. Всё, лишь бы вы занимались своим... таким крутым проектом. Он нужен человечеству. Повезло! Повезло, что ваш проект заметили. А так пылился бы, — Паша махнул рукой, — вы уже сами догадываетесь. Среди сотен других отклоненных проектов.

Паша остановился перевести дух, успокоить эмоции. Затем продолжил, но теперь спокойно, почти меланхолично.

— Максим, у вас есть потенциал. По своим способностям... вы легко можете быть в пятом-шестом разряде. Возможно, в седьмом. У вас для этого все есть. Кроме одного.

Паша замолчал.

Макс был впечатлен. Он слышал, что у людей с высоким рейтингом другая жизнь, но чтобы настолько... Неужели Рита права? А может, ошибается этот гражданин? Фантазирует? Пересказывает слухи и байки? Как его проверить?.. Паша вновь коснулся пальцами своего лба.

— Знаете, в чем парадокс нашей ситуации? Поднимать рейтинг нужно людям, у которых он маленький. А маленький рейтинг показывает мне, что у людей мало возможностей: им нечего дать за мою услугу. Чтобы поднять рейтинг, нужно обладать чем-то большим. Но если у человека большие возможности... у него высокий рейтинг. Вот такая восьмерка. Как правило. Исключения редки.

Сообразив, что Паша пытается закончить беседу, Макс поспешил задать вопрос:

— Расскажите про рейтинг. Как вы это делаете?

— У рейтинга нет алгоритмов, — Паша хитро улыбнулся, сложил пальцы перед собой, — действовать нужно интуитивно. Творить. Созидать. Это искусство. Единственное, которое осталось... потому это стоит дорого. У меня высокий рейтинг. Показывать не буду, но поверьте мне. Дело в другом. И я, и вы знаем, что человеку с рейтингом в два раза выше вашего... ничего личного, Максим... вы предложить ничего не можете. Адекватное выражение реальности в баллах. — Он снова процитировал Положение. — Вот такой парадокс... или закономерность.

— Понимаю.

— А на комиссию не ходите. Считайте это моим советом. Первым и последним бесплатным советом. Вы там обязательно что-нибудь не то скажете. И это обязательно будет против вас. Лучше вовсе не ходить на комиссию.

— Спасибо, Павел.

— Комиссия без вас решения не примет. Подождут. Они никуда не торопятся. У вас год. До истечения этого срока у них нет полномочий доставить вас принудительно. А за это время рейтинг, может быть, и подрастет.

Последнее Паша сказал, подчеркнуто растягивая слоги, тем самым завершая беседу. Макс встал, направился к выходу:

— Еще раз благодарю за совет.

— А по поводу предложить, — сказал Паша вдогонку, — возможно, у вас есть нечто, что... не дается за рейтинг. Но заинтересует меня. Вы намекали. Заинтригован, знаете ли. Приносите мне это. И если оно дей-

ствительно меня заинтересует — мы приступим к работе. Да. Интересно, что у вас там. Всего хорошего.

Ловко Паша подвел разговор к банкнотам, но сам не сказал о них ни слова, оставив выбор Макс. Дал понять, что знает, о чем речь, и только. Решение после рассказов Паши было очевидным, но это и не нравилось Макс. Что-то смуцало. Он быстро вышел из нулевой комнаты Паши, отделанной под министерскую приемную.

Вторым бонусом Системы за предельную открытость была нулевая комната. Каждый гражданин имел право сделать и оформить на свой вкус «кабинет» — комнату, которая не сканировалась Системой. Все граждане пользовались этой функцией, хотя многие и не понимали зачем: все, что они там делали, — это сидели в тишине и протрации.

Макс читал, что когда-то такими комнатами были туалеты.

3. МИШКА

Легкий ветер гнал по небу ряды белых облаков. Шелестели листья, птицы переговаривались отрывистым чириканьем. Воробей важно ступал по ветке, грозно поглядывая на Риту. С соседнего дерева на землю прыгнула белка. Суетливо огляделась, замерла и пару мгновений спустя метнулась молнией на другой ствол. Солнечный луч, найдя прореху в облаках, осветил дерево, скользнул по воробью, белке и упал на лицо Рите, она зажмурилась.

Рита ждала, удобно расположившись под деревом. Макс вышел к ней от Паши серьезным и мрачным.

— Ну что?

— Сказал: «Приносите, и приступим к работе».

— Принесешь?

— Не знаю еще.

— Ну ладно. Идем на комиссию?

— На комиссию Паша сказал не ходить. Дал бесплатный совет.

— Ого!

— Говорит: без меня меня не накажут. А если я приду, то обязательно скажу что-нибудь себе во вред.

— Точно! Например, скажешь, что комиссия не имеет права судить, потому что не знает алгоритмов рейтинга.

Макс вздохнул:

— Я рад, что туда не нужно идти.

— Тогда пойдем гулять?

— Пойдем.

— Отлично! Я покажу тебе тигра!

Они взялись за руки и направились в лес.

— Что-то ты все равно не весел, — заметила Рита.

— Размышляю по поводу Паши... Надо принимать решение, оно очевидно, но не кажется мне верным, понимаешь? Не могу объяснить, но что-то здесь ошибочно. Паша тот еще неприятный тип.

— Может, ты решение с Пашей ассоциируешь, вот оно и неприятно?

— Может.

— Знаешь, другие люди, наверное, и не могли бы этим заниматься.

Дело-то так себе, специфическое.

— Наверное. Отменим?!

Рита насупилась:

— Тебе решать... Только есть одно «но».

— Какое «но»?

— Ты будешь изучать банкноты, а я маяться неприкаянно.

— Давай изучать вместе, — предложил Максим.

— Ты же знаешь, я хочу изучать болота!

— Сдались они тебе...

— Сдались! Каждому свое.

— Тебе же открыт допуск к болотам других планет? Лети, изучай.

— Нет уж... Жить в бетонной коробке, перемещаться по пластиковым трубам, работать в железных ящиках... И так каждый день! Я не хочу. Я лучше на родной Земле буду. Босая, по траве, дыша чистым воздухом, а не кислородом из баллона.

— На болотах опасно.

— Максик, знаешь, какие скафандры дают, когда у тебя полный допуск? Ни одна змея, ни один аллигатор не прокусит!

— Н-да... Полный допуск.

— Можно такие эксперименты ставить, такие наблюдения вести! — замечталась Рита.

— Дадут. Обязательно тебе дадут допуск, — ободрил Макс. — Надо подождать. Как сказал сегодня Паша, мы живем в эпоху очередей.

— На твои исследования очередей нет, — обидчиво заметила Рита.

— Да какие это исследования... Это аттракцион... Потому и нет.

Макс с Ритой вышли к маленькому озеру, заросшему травой. На дальнем берегу к воде подступал лес.

— Он точно здесь? — шепотом спросил Макс Риту.

— Да... Я его вчера видела. Надо немного подождать. Солнце заходит, он скоро выйдет. И кстати, можно в полный голос.

Они сели на землю поодаль от озера, на пригорке, откуда открывался отличный вид на всю местность.

— Что новенького в твоих аттракционах? — спросила Рита.

Макс задумался.

— Мистика!

— Мистика?

— Общее название религиозных обрядов, всяких шаманских штук...

— А, понятно. И что с ней интересного?

— Место. По какой-то неясной мне причине строения разных эпох, связанные с мистикой, возводились на одном и том же месте.

— Ого! Прямо, можно сказать, неслучайное совпадение.

— Представляешь? Место жертвоприношений спустя эпоху превращается в место таинственных обрядов, потом это какой-нибудь храм, потом какое-то другое место силы. Причем они не следуют одно за другим. Типа деревянные столбы снесли — каменную церковь поставили. Нет, они исчезали на сотни лет, но потом возрождались на этом же месте! Это поразительно.

— Люди чувствовали места силы?

— И да и нет.

— Как это?!

— Они чувствовали. Но мало кто догадывался, как эти места были созданы. Они думали, что место силы таково само по себе. Люди не знали, что они сами создавали их. Не место определяет, где должен быть храм, а люди. Люди наделяют любое место силой.

— Раньше этого не знали?

— Не осознавали. Кто-то догадывался, но его не слушали.

— Странно. Сейчас у каждого свое место силы — дом. Общие места не нужны.

— Раньше было иначе.

— Интересное наблюдение. Тебе нравится?

— Да! Буду копать его дальше.

— Вот и мне хочется своих интересных наблюдений и копать, копать, копать свои болота, — грустно сказала Рита, вернувшись к наболевшему.

— Ква! Ква-ква! — ответил он и изобразил, как мог, лягушку.

Рита улыбнулась и хлопнула Макса по лбу:

— Вот тебе и «ква». Смотри, вон Мишка!

— Мишка?!

— Да, это тигр, которого зовут Мишка! Местная знаменитость, между прочим.

— Забавно.

Из леса вышел тигр. Присел, принохался, повернул морду и побегал к ним трусцой. Рита вскочила ему навстречу. Не добежав пару метров, тигр припал на передние лапы, прижался к земле и отскочил в сторону от протянутых рук Риты. Она засмеялась и принялась ловить зверя. Тигр ловко уворачивался от нее, но не убегал далеко — замирал в паре шагов, явно дразня.

Максу стало не по себе. Он в первый раз видел вблизи настоящего тигра, и большой зверь немного пугал его. Макс знал, что тигры не нападают на людей, что дикие звери только в резервациях, а этот парковый, домашний. Но он был огромный, с клыками и когтями, с немереной силой в лапах, и это внушало опасение. В подсознании Макса просыпались древние инстинкты.

«Это как в первый раз надеть реактивный ранец, — подумал он, — ты знаешь, что ничего страшного не случится, но опасешься».

Тигр, наигравшись, успокоился. Рита обняла его и потащила к Максиму:

— Пойдем, он хороший. Он тебя не обидит.

Тигр с любопытством принюхивался, водил носом, ходил кругами.

— Дай ему руку, он должен привыкнуть к тебе, — сказала Рита, показывая, как это лучше сделать. Макс послушался. Тигр сначала недоверчиво посмотрел на протянутую ладонь, затем осторожно прикоснулся к кончикам пальцев своим холодным носом, неожиданно рыкнул и нырнул под руку. Пальцы заскользили по шерсти тигра. Опасения испарились, Макс охватил восторг, он положил другую руку на полосатого и немного потрепал его. Тигр толкнул корпусом, и Макс не устоял — засмеявшись, рухнул на траву. Зверь повалился рядом, перевернулся на спину и, вытянув лапы, принялся извиваться по земле. Рита подскочила к тигру с другой стороны:

— Какой же ты классный, Мишка! — Она запустила пальцы в подшерсток тигра на шее, зверь заурчал от удовольствия.

— Мишкотигр-р-р. — Максим осторожно приподнял щеки тигра, изучая его зубы. — Какие огромные клыки...

— И когти! — Рита показала Максиму лапу Мишки.

— Тигромишка, — Макс погладил зверя между ушей, — хороший.

Мишка поднялся на лапы и мотнул головой, призывая еще побегать. Рита поддержала его порыв, и они понеслись наперегонки.

— Смотри, как он еще умеет!

Дальше были кувырки, охота друг на друга. Макс присоединился к игре. Ловкость и скорость тигра восхищали. В какие-то моменты он, казалось, испарялся в воздухе, чтобы в следующий миг оказаться за твоей спиной. Обоюдная охота увлекала. Постепенно Макс начал видеть алгоритмы действий тигра, поделился с Ритой, и вместе они «прочитали» Мишку. Стали загонять зверя в ловушку, но в решающий миг Макс элементарно не хватило сил, чтобы опередить тигра. Мишка все равно оказался первым, вырвался из окружения и, счастливый, умчался в закат.

— Мало знать, надо еще суметь, — попытожил Макс, успокаивая дыхание.

Рита и Максим, обессилев, повалились на траву. Вскоре вернулся Мишка и триумфально лег рядом. Пришло уведомление.

— Ну все, пора отпускать его на водопой. — Рита поднялась, тигр тут же встал на лапы. Она направила Мишку к озеру, подтолкнув сзади.

— Пока, тигр! — Макс хлопнул его по ляжке, провожая. Зверь зевнул в ответ и затрусил к воде.

— Жаль, кормить его запрещают, должен сам добывать.

— А как он это делает?

— Как и все звери. Подходит к кормушкам, решает логическую задачку и получает корм.

Рита снова легла рядом, стала вглядываться в появляющиеся на небе звезды. Максим рассматривал красивое лицо, ее счастливые глаза. «Может, и вправду рейтинг влияет на допуск к проектам? Может, действительно, Паша повысит рейтинг и это сделает ее счастливее?» Рита заметила пристальный взгляд:

- О чем задумался?
- О рейтингах.
- Она улыбнулась, приподнялась и поцеловала Макса:
- Человек мой дорогой.
- Это круто.
- Что круто, рейтинги?
- Макс засмеялся:
- Нет. Гладить тигра!

Бежать во весь дух. Кубарем катиться по траве. Искренняя безудержная радость. Глаза заигрывающие, милое кривлянье, довольная улыбка и задорный смех. Ее хочется поднять на руки и кружить, кружить, кружить. А она хохочет, тянет руки к небу. И кричит Венере с Марсом: «Приве-е-ет! Как вы там?»

4. МАКС

Вы бы хотели машину времени? Хотя бы на миг вернуться в прошлое? А лучше на час. Побродить по старым улицам, посмотреть, что происходило на этом перекрестке тысячелетие назад... Заходите! Атракцион «Спираль времени» ждет вас круглосуточно по предварительной записи. Глубина спирали — до ледникового периода.

— Да-а-а... Это то, о чем я подумал. — Паша был на седьмом небе от увиденного. — Так! — Он вдруг сделался деловито-суетливым, резко вырвал листок из блокнота, размашисто что-то написал и передал Максиму. — Вот! Это контакты эксперта, — тут Паша указал глазами на футляры, — свяжись с ним. Он проведет тестирование. Определит характер м-м-м... — Паша снова взглянул на футляры, — м-м-м... содержимого. Это и тебе будет полезно. Считай это моим первым делом для тебя. Так! Он определит, я выберу из предложенного, ты же мне позволишь? — Паша превратился в просящего малыша, Макс удивился такой перемене в голосе. — Позволишь выбрать? Отлично! И мы приступим к творчеству, к созданию нового тебя!

— Хорошо. — Максим старался в противовес оставаться спокойным.

— Еще условие — никому не говори про него. И про то, что мы делаем, старайся молчать.

— Разумеется. А как его имя?

— Специалист. Его так и зовут. За глаза мы зовем его Старик. Пароль: кожаная обивка на кадиллак.

— Что это?

— Автомобиль такой, не бери в голову. Специалист поймет.

Специалист и вправду понял с полуслова:

— Потный самовлюбленный толстяк?

— Он самый. — Максим сконфуженно расплылся в улыбке и как-то сразу почувствовал симпатию к пожилому высокому жилистому мужчине.

— Проходите, молодой человек, побеседуем. Чай будете?

Специалист был стар. Глубокие морщины, седые волосы, обстановка в доме, пейзажный декор, портреты людей других эпох, голограммы книг, одежда и манеры прошлого — все говорило о его огромном возрасте.

«Определенно, это самый древний человек, с которым мне когда-либо доводилось встречаться, — думал Макс, следуя за Стариком по дому, — может быть, он даже живет свою третью сотню. Говорят, что это скоро станет нормой».

— Угощайтесь, молодой человек. — Старик поставил чашки и поднос с десертом. — Сейчас чай никто не заваривает, но, поверьте мне, это вкусно. И располагает к беседе, которая нам предстоит.

— Я как-то пил чай. Нас угощали в исторической деревне.

— О, чай стал музейным экспонатом. Как же долго я живу. — Старик улыбнулся.

Макс осторожно пригубил. Ему понравилось. Чай был похож на тот, что он пробовал раньше, но немного отличался терпким незнакомым привкусом.

— Вам, наверное, двести лет! — Максим не сдержался.

Старик посмотрел на него снисходительно, как учитель на первоклассника.

— Мне четыреста лет.

Макс опешил:

— Такое бывает?! Я читал только о пороге в двести пятьдесят.

— Бывает, мой друг. Бывает.

— Но как?

— Знания. Если коротко, — Старик слегка потянулся, — долголетие равно удача плюс генетика. Плюс вековой труд.

— Вы любите уравнения.

— Есть такая черта, издержка профессии, простите.

Макс потянулся за десертом.

— Четыреста лет... Ровно четыреста?

— Пары годков не хватает. Года, знаете ли, молодой Максим, в таком возрасте уже и не считают.

— Ну да, логично...

ID Старика был закрыт, Максим не мог проверить его слова. Специалист точно был человеком — у голограмм, программ, фантомов и прочей нежити паспорт обязательно открыт. Специалист был человеком — человеком закрытым и старым.

— Каково это — жить четыреста лет?

— Понимаете, это сложно объяснить, мой друг. — Старик говорил медленно, при этом практически не шевелился, внимательно глядя на гостя. Макс решил, что эта пристальность Старика — симптом ухудшающегося зрения, все-таки столько лет человеку. — Моих старческих размышлений вы, простите, не поймете, а в вашей философии таких понятий еще нет, увы. Поживете — появятся. — Старик рассмеялся.

— Жаль, хотелось бы узнать сейчас, — огорчился Максим. — А чем вы занимались?

— Многим... Если кратко, смотрел на мир, пытаюсь его понять.

— У вас получилось?

Старик тяжело вздохнул:

— Понять мир мало, его надо еще объяснить. С этим сложнее.

— Думаю, что здесь я вас понимаю, — приободрился Макс.

Старик сделал паузу на глоток чая.

— А чем вы занимаетесь, Максим?

— Я? Историческими спиральями. Реконструирую по месту.

— Тогда неудивителен ваш интерес к прошлому, мы практически коллеги. — Он доброжелательно прикоснулся к руке Макса.

— Получается, так. — Макс улыбнулся в ответ.

— И что вы реконструируете?

— Животных, но не часто, чаще рельеф или погоду.

— Погоду?

— Да! Представляете, у человека, вошедшего в спираль, есть возможность пережить все природные катаклизмы, которые случались в этом месте. Ливень, снег, ураган, жару.

— Наверное, все точки похожи.

Макс рассмеялся:

— Вы правы. Я добавляю рельеф и иногда животных для разнообразия.

— Динозавров?

— И их тоже! Но котов люди любят больше.

— Понимаю. Максим, какой у вас рейтинг? — вдруг заинтересовался Специалист.

— Трехзначный. Но есть угроза двух знаков. Я, в принципе, поэтому к Паше и обратился.

— Да, Паша в этом деле мастер. Не знаю точно, как он это делает, но мой рейтинг он поднял до пяти.

— Пять разрядов?

— Да.

— А было сколько?

— Да я, собственно, никогда и не следил за рейтингом. Мне он не нужен. Оказалось, что он скатился до единицы и была угроза ноля, как мне сказал Уполномоченный в комиссии. Тогда Паша и занялся мною.

— Трудно было?

Старик задумался:

— Скорее неприятно.

— Мне тоже рейтинг не нужен. То, что он довольно низкий, жить мне не мешает. Подруга моя, Рита, на нем заиклена. Постоянно меня уговаривает его повысить.

— Женщины... Двигатели прогресса. У вашей девушки большой рейтинг?

— Пограничный. Между четырьмя и тремя. Говорит, что я с моими тремя тяну ее вниз.

— Так пусть найдет себе парня с пятью, он ее поднимет. — Тон Старика был шутивным.

— Я ей то же самое сказал, а она в меня подушкой запустила. Пришлось идти к Паше.

— А плату Паша берет футляром.

— Да! Попросил их просканировать, чтобы он мог выбрать себе по душе.

— Скорее по члену, — негромко отозвался Старик. — У вас несколько футляров?

— Четыре.

— Большим состоянием обладаете, молодой человек.

— Наследство.

Старик встал из-за стола, жестом пригласил пройти в другую комнату. Она была такой же, как и та, где они пили чай, — Макса окружали лица и имена прошлых эпох, рассветы (или закаты?). Отличалась комната только размерами — была меньше.

«Нулевая комната», — догадался Макс.

В центре на круглом столе стоял большой ящик, похожий на чемодан.

— Перед тем как мы приступим, — сказал Специалист, показывая, куда лучше сесть Макс, и ставя комнату на блокировку, — я должен предупредить. Мы с вами преступим грань закона. Вы же знаете, что будет за огласку того, что мы собираемся сделать?

— Нет. Знаю только, что это противозаконно.

Старик помедлил:

— За банкноты вас признают смертельно больным. Смертельно — то есть не будут лечить. Изолируют. Навсегда.

— Об этом я не слышал... Я знаю, что банкноты нужно обязательно сдать.

— Верно. И раз вы их не сдали, значит, они вам интересны.

— Интерес не преступление, — возразил Максим.

— Смотря к чему.

— Не понимаю. Я же просто ищу информацию.

— Ищите в других источниках, мой друг, если не хотите нарушать Положение.

— Да, но я не знаю, что на банкнотах! У меня нет умысла, только интерес.

— Скоро узнаете. Если не передумаете. Понимаете, то, что на банкнотах, молодой Максим, опасно для человечества и подлежит утилизации.

Макс остолбенел:

— Опасно?! Там что, микробы?

— Там информация. Человек, получивший ее, подлежит изоляции.

— Не знал, что я настолько близок к ней.

Старик показал на футляр:

— Вы близки к ней на толщину этого стекла. Как только вы с раскрытым футляром выйдете из этой комнаты — тут же попадете под арест и дальнейшую изоляцию. Считайте, смерть.

— Ого... Почему же мне Паша ничего не сказал об этом?..

— Наверное, вы не спрашивали. Да и футляр, Максим, вы раскрыть, увы, не сможете.

— Я планировал поискать технологию в библиотеке.

— Вы наивны.

— А Паша, значит, может вскрывать футляры?

— Может. Через стекло банкноту не вдохнешь.

— Так, значит, их все-таки нюхают! — воскликнул Макс.

— Вы и этого не знали?

— Знал. Не верил.

— Правильно делали.

Старик ждал. Макс задумался, покрутил в руках футляры:

— Но... Если мы с вами никому не скажем, то, значит, и преступления не будет?

— Вы правы. Его не будет, пока вы о нем не расскажете. То есть если Паша проболтается, изолируют его и того, кому он скажет. Если вы, то, соответственно...

— Понимаю. То, что внутри нулевой комнаты, — личное дело там находящегося.

— Можно и так сказать, мой друг.

— А вы? Вы можете вскрывать футляры?

— Я? — удивился Старик. — Я тоже могу. Но для анализа этого не нужно. Сканирование идет через стенки футляра.

— Я понял. Давайте их анализировать, — решил Максим.

Старик кивнул в ответ:

— С какой начнем?

Максим пожал плечами:

— Вам решать, вы в этом специалист.

— Предлагаю с этой. — Старик выбрал банкноту с замком.

Он открыл ящик, вложил в него футляр, отбил мотивчик на панели управления. Ящик захлопнулся.

— Анализ семь минут.

— Быстро, хорошая машинка. Сами собирали?

— В наследство получил. Практически как и вы.

— Так, значит, машинка древняя.

— Достаточно.

— Если сломается?

— Починим, не проблема. — Старик благодушно отвечал Максиму, глядя на него с любопытством. — Устройство достаточно простое. Снять спектр не сложно, сложно правильно его интерпретировать.

— Понимаю. Таблицы, интегралы, графики.

— Почти. Надо знать ключ. Ну и много всего из прошлого.

— Историю?

— Вы правы, Максим. На банкнотах информация из далекого прошлого, и некоторые вещи сейчас уже для нас непонятны.

— Например?

Старик задумался.

— Например, на банкноте, что мы сейчас анализируем, я вижу, есть угольная пыль с человеческим потом. Что такое пот, мы знаем, хотя пот сегодняшний сильно отличается от того. А уголь для нас субстанция неиз-

вестная. И надо копаться в истории, чтобы понять, что эта банкнота принадлежала человеку тяжелого физического труда, работающему с углем, много, усердно, до седьмого пота. Так тогда говорили. Это, скорее всего, шахтер или истопник, кочегар.

— Забавные слова.

— Это профессии, и совсем не забавные, молодой Максим. Банкнота будет иметь хороший спрос — людям нравятся трудовые купюры.

— Почему? — Макса увлекла история купюры.

— Так просто на этот вопрос и не ответишь... — Старик замялся.
— Если кратко, если сказать уравнием, то труд равно много энергии. Много энергии равно много удовольствия ценителя.

— Труд есть и сейчас. Но некоторые люди гонятся за банкнотами...

— Вы правы. В этом уравнении есть еще один компонент, степень, так сказать. Страдание. И чем выше степень, то есть страдание, оставленное на банкноте, тем выше удовольствие ценителя, понимаете?

— Труд приносит страдания? — удивился Максим.

— В те времена приносил.

— Мать моя Земля... Так за банкнотами гонятся из-за оставленных на них страданий?

— Да, в страдании главная ценность купюры, остальное — легкий флер.

— Я думал, на них знания...

— Увы. Но... Максим, я могу и ошибаться. Это только мои предположения. И предположения моих Учителей.

— Отец мой Бог...

— А ваши восклицания, молодой человек, в те времена звучали совсем иначе, абсолютно. — Старик рассмеялся.

— Я что-то слышал. Ругательства.

— Да.

Из чемодана раздался еле слышный свист, Макс даже не сразу понял, откуда он. Свист нарастал.

— Первая готова, — сказал Старик. — Не пугайтесь, это я такое уведомление выставил, называется «чайник закипел», не спрашивайте, что это.

Специалист достал из чемодана небольшую картонку с какими-то отпечатками и отверстиями, стал внимательно ее рассматривать:

— Как и предполагалось, это купюра шахтера. Основные мотивы: труд, пот, угольная пыль. Также присутствуют алкоголь, грязь и никотин. У этой купюры один сильно выраженный владелец.

— Один владелец?

— Имеется в виду, что хорошо сохранился след только одного человека. Этой банкнотой точно владели несколько человек, но их следы затерты. Возможно, они что-то добавляют в главный вкус, какие-то оттенки, но они столь незначительны, что этим можно пренебречь.

— Понятно. Это очень интересно...

Макс задумался, взял в руки футляр. Он прикоснулся к истории. В физическом смысле оставалось препятствие, но в информационном — он прикасался. Какие-то непонятные уголь, пот, страдания... Совсем не

то, что ожидал Максим, но увлекательно. Неизвестно, даст ли это ответы на его вопросы, но интересно же, отец мой Бог, интересно!

Старик прервал размышления Макса:

— Максим, скажите откровенно, зачем вам эти купюры?

— Найти ответы.

— Какие у вас вопросы? — Старик удивился.

— Как устроен наш мир.

— Как устроен мир, объясняет Положение о рейтинге.

— Не все объясняет! Например, откуда берутся белые пятна, зачем они нужны и что в них происходит? Вот послушайте.

В сканер-паспорте Макса на главной, рядом с «сердцем», стоят иконки «спокойный» и «увлеченный». Это, видимо, дополняет качества Риты и делает их союз гармоничным. Еще там иконка со сложным изображением, которую трактуют как «мыслитель», «историк», «всезнайка», «философ», «мечтатель» и тому подобное. Ботан, короче.

5. СПЕЦИАЛИСТ

Не нужно гоняться за справедливостью. Нужно убедить всех в том, что происходящее справедливо. Рейтинг, созданный Системой, устраивал подавляющее большинство. Парадокс — машинный интеллект нашел абсолютно человеческое решение.

После того как Макс выложил старику свои соображения, Специалист какое-то время молчал и лишь задумчиво качал головой.

— Знаете, Максим... Есть люди, которые могут рассказать вам о мире. Но они не сделают это безвозмездно.

— Понимаю. Паша?

Старик удивленно выдохнул:

— Нет. Паша занят другими делами. Но ход ваших мыслей, молодой Максим, верный.

— Из опыта общения с Пашей я делаю вывод, что этим людям нужно что-то особенное... Они, — Максим сделал паузу, — ценители?

— Верно. Они попросят купюру. Готовы ли вы...

— Что ж... — Максим почесал затылок. — Я намеревался найти знания на банкнотах, но вы говорите, что их там нет. Вполне логично тогда банкноту обменять на знания.

— Вполне логично, — согласился Старик, — я передам при случае вашу просьбу. Если эти люди заинтересуются, они выйдут на вас сами. Переходим ко второй?

— Да... Конечно. Переходим ко второй.

— Предлагаю эту. — Старик взял в руки футляр с зеленой затертой купюрой номиналом 100.

— Мост какой-то, арка... — Максим разглядывал банкноту.

— Точнее, ворота. Стиль рококо или барокко. Могу ошибаться, простите, я не специалист в архитектурных стилях. — Старик улыбнулся. — Я специалист в наполнении банкнот.

— И в истории! — добавил Макс.

— Это часть профессии. — Специалист отправил в ящик вторую банкноту.

— Потрясающе... Можно мне еще чай?

Старик уважительно кивнул, принес чайник и наполнил обе чашки.

Макс продолжил:

— Сложно собирать знания об эпохе денег?

— Сложно. Она неинтересна сегодняшнему человеку.

— Как же так?! Кто-то любит банкноты, но совсем не хочет знать их историю?

— Да. — Старик вздохнул. — Молодой Максим, я объясню вам на примере. У вас двадцать сортов яблок, вы разбираетесь в их вкусах, что-то любите больше, что-то меньше. Но вам же совершенно безразлично, как эти вкусы формируются и откуда пошли яблоки. Так же и ценители. От купюр их уносят, как они говорят. Они разбираются в запахах, записывают их названия, ранжируют. А до остального... История их не уносит. Простите.

Вскоре раздался свист из ящика. Изучив новую карту, Специалист озвучил резюме:

— Основа купюры — секс, два хорошо выраженных носителя. Первый носитель также оставил след наркотика, пороха, крови. Это не человеческая кровь, интересно. Кровь животного. Второй носитель — силикон, духи, лак, помада, табак и тоже наркотик. Также на купюре имеются следы алкоголя, бензина, машинного масла, жира, специй. Паше понравится.

— А что такое наркотик? — прервал Старика Макс.

— Вещество, которое воздействовало на мозг. Люди такое очень любили в прошлом.

— Им не хватало ясности ума?

— Напротив, наркотиками они пытались создать побольше тумана в своих головах.

Макс был восхищен:

— Я общаюсь с вами меньше часа и уже столько узнал о человечестве! Почему вы не преподаете?!

Старик улыбнулся:

— Это нельзя преподавать, у Системы табу на такие темы.

— Табу на шахтеров?

— На шахтеров табу нет. Они — никому не интересное прошлое.

— На что тогда?

Специалист взял в руки футляр с банкнотой, поднял ее на уровень глаз.

— На страдания. Все, что я знаю, так или иначе ведет к страданиям. Это табу.

— Я начинаю что-то понимать. — Максим задумался. — Получается, скрытая история — это страдания.

— И да и нет, молодой Максим.

— Белые пятна в моих спиралях — это табу. Страдания — это тоже табу, вполне логично, что белые пятна — это страдания.

— Вы говорите, что белые пятна меняли людей.

— Да!

— Не знаю, меняли ли людей страдания. — Старик встал, медленно прошелся по комнате. — Мы не умеем страдать и не знаем, что это такое. Можно ли сказать, что мы не меняемся?

Макс завис. Он приподнял руки, замер, опустил их. Снова поднял и снова опустил. Открыл рот, желая что-то сказать, но лишь громко выдохнул. Со стуком положил ладони на стол:

— Это сложно. Надо думать.

Старик усмехнулся:

— Я думаю об этом веками.

Он загрузил третий футляр с одной купюрой в прибор-чемодан, оставив пачку банкнот на последний заход. Отработанные футляры вместе с карточками-описаниями Макс спрятал в рюкзак.

— Может быть, людей меняли купюры? — предположил Максим, возвращаясь к разговору.

— Все возможно. Понимаете, данных мало. Мы можем предположить, что банкноты меняли людей. Но как именно? Это же бумажки, средства расчета. Как они могут менять людей, мой друг? Что еще про них есть... — Старик вспоминал. — Всеобщий эквивалент, мера стоимости, универсальный товар. Во всех этих определениях нет и намек на то, что они могут менять людей. Банкноты — это инструмент.

— Логично. Действительно, намеков нет. Но, с другой стороны, Паша собирается править меня ради банкноты.

— И вы будете страдать?

— Нет, но меняться мне не хочется.

— Это все-таки разные вещи, простите.

— А из-за чего люди страдали раньше?

— Из-за ерунды всякой. Ноготь сломали — и страдали.

— Ноготь?! Действительно, странно... — удивился Макс. — Его сложно сломать. Но если ты все же умудишься, то он скоро восстановится. Чего тут страдать?

— Тогда ногти не восстанавливались мгновенно, как сейчас. Но вы правы, Максим, страдать здесь нечего. Если посмотреть в историю еще глубже, то изначально страдание было чисто физическим явлением. Мозг человека реагировал болью на повреждения. Сломал ногу — нога болит — ты страдаешь.

— А врачей тогда не было, — догадался Максим.

— Были. Но не такие, как сейчас. Запускать мгновенную регенерацию они не могли. Человек реально испытывал сильную боль.

— Но позже люди избавились от боли?

— Верно. И тогда страдание перешло в ментальную область, в эмоции. Умерла собака — человеку больно — он страдает. Хотя почему ему больно, у него же ничего не болит?

— Потеря близкого...

— Да. Это называли «душа болит», «сердце щемит» и все такое.

Макс представил, что Мишка умер. Жаль, конечно, что тигр уйдет. С ним лучше, чем без него, но такова природа. Все мы живые, а значит, смертны, это логично. Цифровой Мишка будет вечно. Непонятно, почему здесь должна быть боль. Старик продолжал:

— Эмоциональная боль разрасталась и в какой-то момент захватила мир. Практически все в мире было завязано на страдании. Тогда же, в ту эпоху, были и деньги. Которые и донесли до нас остатки тех страданий...

— ...Которые так нравятся некоторым нашим современникам, — закончил Макс.

— Да, — продолжил Старик, — страдания из-за неразделенной любви, разбитого смартфона, прожитых лет, напрасных ожиданий, неудачного поступка и прочее. Насколько я могу судить, люди буквально тонули в них.

— В переносном смысле?

— И в прямом тоже. То, что от страданий много народу умерло, это факт, увы.

— Умерло не от физических страданий, а от эмоциональных?

— Сами эмоции не убивали, но подводили к смерти. Человеку оставалось сделать один физический шаг.

— Этого не может быть! Смерть на пустом месте. Как же это нелепо!..

— Поэтому страдание со временем и выродилось. Защита от нелепых смертей.

Ошарашенный Макс качал головой: как же это глупо, как странно и непонятно...

Старик не дал ему погрузиться в мрачные раздумья:

— Есть еще версия, что страдания порождали творчество.

— Интересно! — оживился Максим.

— Да. Некоторые философы той эпохи писали, что творчество без страданий невозможно.

— Постойте! Но сейчас же тоже есть творчество?

— Не совсем. Понимаете, Максим, сейчас творчество заключается в подборе новых сочетаний старых, хорошо известных нам компонентов — «салаты». Сегодня фрукты с овощами, завтра фрукты с орехами. Послезавтра овощи с орехами. Да, придумать сто первое сочетание — это мастерство, возможно даже талант. Но не творчество. Нового, принципиально нового, человечество не создавало, увы, уже очень давно... На моей жизни уж точно.

— Занимательно... Паша называет свою деятельность настоящим творчеством. Может, он и страдает?

— Паша? — Свист прибора помешал Старику договорить. — Простите, Максим.

Он достал карточку и погрузился в анализ.

— На этой банкноте кровь человека! Мука, что-то сладкое, женский парфюм... — Старик разволновался. — Но это все фон. Слезы ребенка, банкнота буквально залита ими, и... кровь.

— Что это значит?

— Здесь серьезная история, Максим. — Руки Специалиста слегка дрожали. — Дайте мне еще время. Я изучу детали.

Он принес второй чемодан — копию первого, раскрыл, перевернул оба на торцы и направил друг на друга. В пространстве между ними расположил магнитные шайбы, одна шайба повисла над другой. В это поле Специалист осторожно переместил футляр с банкнотой — он повис в воздухе. Макс напряженно следил за его действиями.

Старик достал из кармана какие-то капсулы.

— Концентрация будет максимальная, это чтобы не перегореть, — объяснил он и проглотил таблетки. После надел очки с толстыми линзами, в которых умещался не один процессор, и включил аппараты.

Банкнота начала вращаться внутри футляра. Сначала медленно, потом быстрее — и, разогнавшись, завертелась волчком. Старик внимательно смотрел на нее сквозь очки и правой рукой, не глядя, делал пометки в планшете. В левой он держал карточку этой банкноты и периодически сверялся с ней. Пристальный взгляд на банкноту, мельком на карточку — и снова на купюру. А правая рука в это время что-то набивает...

Все это длилось не более пяти минут. После Старик снял очки, выключил аппараты и вынул из магнитного поля футляр.

— Ее убили, — еле слышно произнес он.

— Кого? — не понял Максим.

— Женщину, владелицу банкноты.

Старик повернулся к Максиму, и тот увидел, насколько он опустошен. Лицо Специалиста было серым, местами темным, глаза провалились, рот с трудом открывался.

— Извините, мой друг, мне сейчас сложно говорить и мыслить. Я восстанавливаю, ничего страшного. Нужно время.

— Как вы это узнали?

— У всего есть память, Максим... — Старик сделал паузу, перевел дух, он был без сил. — Банкноты оставляют на себе отблески последних событий. Они не влияют на запахи, поэтому я их не сканирую.

— Но если нужно посмотреть последние мгновения, то вы это можете... Ценой огромных усилий.

— Все верно. Со стимуляторами, увя.

— Не знаю, решился бы я на такое.

К Старику постепенно возвращались здоровый цвет лица, подобие улыбки.

— Решились бы, Максим. И не на такое.

— Расскажите, что произошло, — попросил Макс.

— Простите, только кратко, сил нет.

— Да, конечно, хотя бы в двух словах.

— Конфликт, купюру хотели забрать. Потом удар, падение, владелица без сознания, кровь, ребенок рядом с телом, рыдает. Банкнота зажата в руке, на нее стекают капли крови, падают слезы.

— Купюра осталась у владельца?

— Да, в руке у женщины.

Макс с трудом осознавал услышанное:

— Человека убил другой человек из-за этой купюры?

— Темные времена, мой друг.

— Как? Как люди могли совершать такое?

— Могли, молодой Максим.

— Зачем?

— Из-за банкноты...

— Может, вы ошибаетесь?

— Возможно, мой друг. Я не могу сказать точно, только с вероятностью...

— С какой?!

— Процентом 95—98. — Старик медленно вышел из-за стола, шаркая, добрал до дивана и осторожно лег. — Это правда...

В комнате повисло молчание.

Макс оглох. Он пытался представить себе произошедшее. Получалось плохо — он не знал, как убивают людей. В настоящем смерть отступила за горизонт. Ее никто не видел. Люди в выбранный час уходили без свидетелей, оставляя цифровую копию себя. В виртуальных спиральях Максима иногда гибли от стихии животные. Это было страшно, и зрителям показывалось максимально завуалированно, без подробностей. Скорее даже намекалось. Но и этого хватало, чтобы люди были потрясены.

Также Макс не встречал слез ребенка. Детей он видел часто, но они не плакали. Своих слез он не помнил, были ли они вообще?

И все же он соединял отдельные фрагменты в общую сцену. Он мог вообразить, как ребенок плачет. Мог предположить, как человек истекает кровью. Сложнее было представить желание убить. Что двигало тем, вторым человеком, который решился на это? И как он совершал убийство?.. Нож, огнестрельное оружие, камень? Механика действия с трудом, но давалась. А мысли, мотивы убийцы — нет. Случайно? Под воздействием чего-то? Может, этот человек был болен? Несомненно, он был болен. Точно! Но... банкнота... Нет, он не был болен. Старик говорил о конфликте из-за банкноты. Убийца хотел ее взять. Не получилось, и он забрал... жизнь человека. А может, хотел и то, и другое. Вот эта потерянная небольшая бумажка — и жизнь. Каким безумным, бесчувственным чудовищем нужно быть, чтобы сделать такое.

«Это жутко, но это в прошлом. Страшно такое наблюдать, даже зная, что все это было тысячу лет назад. Страшно об этом думать. Достаточно посмотреть на Старика, чтобы понять, насколько это тяжело. Но все же это в прошлом. Сейчас этого нет, сейчас банкноты не важны...»

Макс понял, что его оглушило.

— И они это нюхают?!

— Да, — все так же едва слышно ответил Старик.

— И это им нравится?!

— Нравится, Максим.

— Убийство?

— Убийство, насилие... Все нравится.

— Эти люди... Паша и другие, нюхачи... что они могут за банкноты?

— Другие времена, Максим. Сейчас они могут лишь оказать услугу, любую, какая в их силах. — Старик засыпал.

— Хорошо. Хорошо, если так... — У Макса не поднималась рука взять футляр, лежавший на столе. Футляр был легкий, но знание того, что на банкноте, делало его неподъемным.

— Я пока оставляю ее здесь, — сказал он Старика, — и стопку тоже. — Он имел в виду последний необследованный футляр с пачкой банкнот. — Я позже зайду.

— Берегите себя, Максим, и, пожалуйста, молчите про эту купюру. Людям ни к чему знать такое прошлое.

Убить. Сознательно причинить боль другому человеку. Принести близкому смерть. Умышленно. Нет. На это люди не способны. Нет. На это не способна даже Система — она только изолирует. Макс отказывался это принять.

И он больше не хотел знать, что в белых пятнах его спиралей.

6. МУТАНТИК ГО

Банкноты ошпарили разум, обрушили пол под ногами. Макс было сложно. Он ожидал совсем не этого. Купюры не хранили ответов о белых пятнах. Они хранили совсем другие, страшные секреты. И они создавали проблемы. Банкноты уже было опасно сдавать, нельзя хранить, о них нельзя говорить. Их можно было только отдать Паше...

Максим предложил на выбор две банкноты: с сексом и пылью. Паша, как и предполагал Старик, выбрал купюру с сексом. Спеша ее заполучить, он принялся рьяно поднимать Максу рейтинг. Каждый вечер они проводили вместе.

Для начала он предложил Максу «почистить свои списки», имея в виду, что нужно перебрать одежду и привести ее в соответствие с тем, что носит окружение. Далее пересмотреть круг общения и оставить только тех, после кого повышается рейтинг. Но он не повышался, из чего следовал вывод, что из круга общения нужно делать точку.

«Возможно. Возможно, что и так... — сказал Паша, как обычно поглаживая себя по лицу. — Но сначала... давай пересмотрим... твои планы на жизнь».

Паша попросил Максима написать сто целей на двести лет. Зачеркнул практически все и заставил Макса придумывать еще. В итоге Максим придумал тысячу целей, из которых, не объясняя, Паша выбрал около пятидесяти: «Вот, теперь твои цели... соответствуют целям мира. Мать моя Земля, это точно подействует».

Не подействовало. И тогда Паша предложил Максу стать геями. «Сейчас это модно. Это требует мужества и решительности — Система одобрит. Только предупреди Риту». Макс отказался. После долгих уговоров он согласился на компромиссный вариант — казаться, но не быть.

Парни стали дружить: проводить еще больше времени вместе, интересоваться ЛГБТ-культурой, на людях нежно вторгаться в личное пространство друг друга. Немного помогло, рейтинг замер на одних и тех же цифрах. Паша приписывал это себе в заслуги.

«Не падает! Хорошо! — кричал он, потирая руки. — Будем работать дальше».

Дальше рейтинг не рос. Это каким-то непостижимым для Макса образом Паша тоже приписал себе в заслуги.

«Напряглась, напряглась Система, — разглагольствовал Паша тоном заговорщика, — из последних сил держится. Добьем. Добавим. Пойдет, Максим! Пойдет рейтинг!»

Паша признавался, что случай Максима — самый сложный в его практике. И уверял, что не отступится: ему провалы ни к чему.

— Окей, будем развивать гомосексуальную тему, — решил Паша после мозгового штурма на руинах очередного плана. — Нам нужно пережить вместе сильный интимный момент.

— Что?!

— Оргазм, мой мальчик.

Макс был на грани. Он был готов отказаться от услуги, послать Пашу и даже оставить ему банкноту. Только бы закончить это все.

— Нет. Мы об этом уже говорили.

— Я помню, помню, — перебил его Паша, — но надо добавить эту тему. Чую, здесь мы выиграем.

— Я не буду этим заниматься.

— Я все продумал. Оргазм будет только у меня.

— Еще раз: я не буду этим заниматься!

— И не надо, Максим. Я буду нюхать банкноту в твоём присутствии.

— Что?!

— Нам нужно пережить вместе сильный интимный момент. От банкноты я кончу так, что это затмит десять любых голубо-розовых оргазмов.

Возможность увидеть действие банкноты зацепила Максима. Ради такого, пожалуй, он мог попробовать вытерпеть оргазмирующего Пашу.

«Отец мой Бог, в какую пропасть я погружаюсь, — подумал Макс. — Когда я нырнул за банкнотами, это было мелководье, бездна начинается здесь».

— Это поможет?

— Стопроцентную гарантию дать не могу. Но уверен, что да.

— Интересно...

— Я понимаю — риск есть. Мы перепробовали кучу вариантов, этот дал максимальный отклик, — когда разговор касался банкнот, Паша начинал тараторить, — честно говоря, только эта тема и заморозила твой рейтинг, со всеми остальными он медленно, но сползал...

— Как ты себе это представляешь?

— Как кино. Ты сядешь и просто будешь наблюдать. Мы закроемся, Система не оцифрует нас, не узнает, что мы делаем. А потом от меня запольхает так, что оргазм зачтется в рейтинг нам обоим.

Макс скривился.

- Понимаю, — отреагировал Паша.
- И ты не попросишь потом вторую?
- Нет. Как договорились, только одна.
- Угу.
- И я от своих слов не отказываюсь. Я доведу твое дело до победы.

Если это не поможет, что маловероятно, я все равно подниму тебя, Макс.

Максим задумался на минуту.

- Я согласен.

Паша поднял большие пальцы вверх:

- Завтра. Тогда завтра все сделаем. Я начинаю готовиться.

— Что хочет сделать Паша?! — рассмеялась Рита. — Хотела бы я посмотреть на твое лицо в этот момент, Максик. А с Мишкой он еще не предлагал, ха-ха? Интересно, считать ли мне это изменой?

— Не предлагал. — Максим был мрачен. — Рита, согласиться мне было непросто.

— Ты еще скажи, что согласился на эту оргию с Пашей только из-за меня. — Рита снова хихикнула.

- Не только.
- Кстати! Я сделала тебе мутанта!
- Тренируешься?

— Да! Вдруг мне все-таки дадут проект. Там мне помощники понадобятся. Го, выходи!

Из-под дивана выползло маленькое существо, похожее одновременно на собачку, заросшую длинной шерстью обезьянку и огромного пятилапного паука.

- Знакомься, мутантик Го! — представила его Рита.

- Пять лап? — удивился Максим.

- Случайно вышло, долго определялась: четыре или шесть сделать.

И вот в итоге... А еще он очень любит сидеть под диваном.

— Спасибо. Не тигр, конечно, но тоже забавный. Прятаться, значит, любит... — Макс разглядывал мутанта. — Может, пятаю удалить?

— Я тебе удалю, — неожиданно ответил Го, — себе что-нибудь отрежь.

- Оу, да он говорящий! — воскликнул Макс.

— Говорящий, но невоспитанный. Дарю. Себе другого сделаю, с жабрами.

- Спасибо, Рита.
- Будет тебе коробки носить, Го смысленый.
- Работа как раз для такого болтуна. Милый подарок.
- Я рада. Так чем тебя соблазнил Паша?

Максим включил блокировку нулевой комнаты.

- Банкнота. Паша откроет футляр.

- Круто! Ты заберешь ее после?

— Не могу. Как только я выйду с открытой банкнотой, без футляра, меня тут же изолирует Система.

— Изолирует?

— Да. Это тяжкое преступление. Купюры, ты же помнишь, нужно сдавать.

— Не знала, что все настолько серьезно... — Рита озадачилась.

— К тому же на них нет исторических данных.

— То есть ты их все-таки вскрыл?

— Нет. Паша поделился информацией.

Максим рассказал Рите все, что узнал о купюрах, умолчав о крови и о Старике.

— Я же говорила, что Паша поможет!

— Да, — согласился Макс, — но смущает, что его не проверить. Других источников нет. Эти страдания еще из головы не выходят...

— Страдаешь из-за страданий? — скалабурила Рита. — Слово-то еще какое.

— Да. Почему о них нет никакой информации?

Рита вздохнула:

— У тебя есть вариант принять то, что ты узнал: страдание вымерло и уже не интересно. Или рыть дальше, пока не докопаешься до другой информации — либо изоляции. Как повезет. Меня рассказанное устраивает: были человеческие страдания, но в процессе эволюции они изжили себя. Отвалились за ненадобностью, как когда-то отвалился хвост.

— А почему тогда это скрывают? Почему нет исследований, данных?..

— Крайне малое количество информации объясняется ее ненужностью.

— Как же часто я это слышу! «Информация не сохранена ввиду отсутствия в ней ценности для развития человечества», — громко продекларировал Максим.

— Ты же не интересуешься вшами? — привела довод Рита. — А вши, знаешь ли, сильно досаждали человечеству! Го, тебе вши не досаждают? А блохи?

Мутант отрицательно покачал головой:

— Мне досаждают глупые вопросы.

— Вот! — воскликнул Макс, подняв указательный палец. — Значит, были страдания, но почему об этом ничего нет?!

— Потому что сейчас их нет, Макс, — Риту начала утомлять эта тема, — давай о чем-нибудь другом.

— Со всех сторон одно и то же: не лезь, все ответы уже есть.

— Мы же не виноваты, что у тебя в голове что-то там не сходится! — произнесла Рита уже громче. — У всех все сходится.

— А чего ты заводишься, — удивился Максим, — голос повышаешь?

— Тебе приводят разумные доводы, Макс, но ты не хочешь согласиться! Ты хочешь, чтобы все согласилось с тобой!

— Это не доводы, это отговорки. Никто не хочет вникнуть в мой вопрос. Каждому надо свое, — в голосе Максима звучала обида. — Тебе — рейтинг. Паше — банкноту.

— Макс, это прошлое. Было и было. Пусть даже так, как ты говоришь. Но сейчас это не имеет значения.

Максим опешил:

— Прошлое не имеет значения?

— Далекое прошлое. Оно важно только как твой аттракцион, про-сти. Макс, живи сегодня, строй планы, действуй, развлекайся. С Пашей только поаккуратнее, ха-ха.

Макс с грустью посмотрел на мутанта:

— Го, лезь обратно под диван, развлекайся.

Старик за чашкой чая поведал идею «одиночества с миром». «Ты всегда один, — сказал он Макс, — один на один с миром. Больше нет никого. Твоя жизнь — диалог. Между тобой и окружающим миром».

7. ЭЗАБЕЛЬ

Что, если бы вы могли вселиться в другого человека, пропустить через себя все его эмоции?

Почувствовать то, что никогда не чувствовали. Узнать то, что никому неизвестно.

Только для избранных. Банкноты. Эмоции, которых вы больше нигде не испытаете.

— Принес?!

Вопрос был задан прямо с порога, другого Макс и не ожидал.

— Привет, Паша.

Максим приоткрыл рюкзак, показав футляр с банкнотой.

— Здравствуй, здравствуй. — Паша был возбужден.

Он запер дверь, провел Макса в кабинет, кивком указал на диван:

— Оставляй ее здесь.

— Когда начнем?

— Медлить не будем, — улыбнулся Паша, — но сначала подготовка.

— Интересно.

— Прелюдия, так сказать. Рита когда позвонит?

Макс глянул на время:

— Да сейчас и позвонит...

— Отжимайся!

— Что?!

— Отжимайся скорее!

Паша сорвал с Макса рубашку, швырнул в сторону, стянул с себя майку, упал на пол и принялся отжиматься. Смотрелся он как передвигающийся по суше тюлень. Макс нехотя опустил рядом.

— Давай, давай! — Паша задыхался, но темп не сбавлял. Макс отжался, посмотрел на него как на идиота. Паша уткнулся лицом в пол, выдохнул. — Послушай. Если я говорю, значит, надо. Даже если это выглядит полным бредом. Нет времени объяснять. Думай сам, — Паша все никак не мог отдышаться, — до тебя дойдет. Не забывай о честности. Рейтинг реагирует только на искренность. Слушай и делай.

И Паша начал дергаться с прежней силой. Макс тоже включился. С каждым движением его мышцы разогревались все больше, вскоре сбилось дыхание, появилась усталость, выступил пот. С Паши лилось в три ручья. Завибрировал входящий от Риты.

— Не бери! — прохрипел Паша. — Давай еще...

Максу показалось, что он уловил суть Пашиной идеи. Он включился в упражнение. Рита продолжала вызывать.

— Теперь можно, — выдавил Паша, отжимаясь из последних сил, — только в другой комнате.

Макс вскочил, вышел в соседнюю комнату и принял вызов.

— Привет, ты где?

— У Паши, — ответил Макс, тяжело дыша.

Рита зависла на секунды.

— А ты чего такой запыханный? Раздетый, мокрый...

До Макса дошел замысел Паши, это было противно, глупо, но действительно походило на правду. В его стиле.

— Да мы тут с Пашей... Занимаемся.

— А... — Рита улыбнулась. — И как, успешно?

— Вполне... Вполне...

— Вы с Пашей прям друзья стали, вместе столько времени проводите.

Макс чувствовал, что Рита уловила их план.

— Да. Мы с Пашей... Больше, чем друзья. — Макс расплылся в улыбке.

— Я рада за вас.

— Спасибо.

— Я звоню сказать, что сегодня буду на занятиях допоздна...

— Да. Спасибо!

Появился Паша, он выглянул из-за плеча Макса, немного его приобнял:

— Риточка, привет!

— Привет, Паша! Я вижу, вы занимаетесь... Вместе... Получается?

— О да! — Паша расплылся в улыбке, комментарии были излишни.

— Больше вас не отвлекаю, пока! — Улыбающаяся Рита исчезла.

Макс тут же снял с плеча руку Паши.

— Все, все, прости, — извинился Паша, — приступаем?

Они заперли дверь, еще раз убедились, что защита нулевой комнаты включена. Максим занял кресло в углу комнаты. Паша вытащил из-под дивана чемоданчик, такой же, как у Специалиста, только меньше размером. Поместил туда футляр. Чемодан сам закрылся, появилось небольшое зеленое свечение. Паша был доволен.

— Сейчас, еще немного, — он бросил на Макса счастливый взгляд, — настоящая прелюдия.

Свечение усилилось, чемоданчик накрыла зеленая полусфера. Потом все погасло, крышка распахнулась, из недр аппарата выдвинулся столик с лежащей на нем купюрой. Паша осторожно взял ее пальцами, поднес к носу, чуть вдохнул и грохнулся без сознания на пол.

Банкнота медленно спланировала на его живот. Тело Паши затряслось. Вскоре он пришел в себя, жадно хапнул ртом воздух, прорычал: «Да...» — и снова отключился.

«Мать моя Земля...» — Макс осторожно подошел к Паше. Того продолжало трясти. Глаза навывают, рот открыт, пальцы растопырены, член выпирает сквозь штаны.

Максим осторожно прикоснулся к банкноте — никакой реакции. Смелее потрогал ее пальцами — обычная старая бумага.

Паша тем временем очнулся, мутным взглядом посмотрел на Максима: — Еще!

Макс поднес купюру ему к носу. Паша вдохнул, выгнулся дугой и отключился, завалившись на бок. Конвульсии продолжились с еще большей силой.

Максим занялся изучением банкноты. Она пахла. Запах был незнакомым и достаточно сильным. Он увлек Макса — что это? Чтобы лучше разобрать, Максим закрыл глаза. Перед лицом неожиданно возникли пальцы — потные, грязные, с мозолями. Макс отпрянул. Открыл глаза, но пальцы не исчезли... Они все так же висели перед лицом. Максим попытался дернуть головой, проморгаться. Тело не слушалось его. Он мог только наблюдать, против своей воли.

Пальцы с силой собрались в кулаки — так, что заскрипели суставы. Теперь он видел не только пальцы, но и руки. Его окатило волной энергии. Сила, переполняя тело, рвалась наружу, разрывала. Мышцы дрожали в нетерпении. Эти свои-чужие руки схватили кого-то за бедра, сжали их, и скопившаяся в Максиме энергия хлынула наружу.

Ему стало легче. Другое тело, в руках, приглушенно застонало. Это не был стон удовольствия, но он возбуждал. Энергия агрессивно накатила новой волной и тут же, не задерживаясь в теле Макса, ворвалась в чужое тело. И снова легкость и покой. Хотелось остановиться, но очередная волна, сметая умиротворенность, опять наполнила тело злой мощью. Скорее, скорее выплеснуться, чтобы получить самую малость тишины и спокойствия. Скорее, скорее. Макс заревел зверем, и все стихло. Из глаз текли слезы, Макс чувствовал их.

Чужие пальцы приблизились к его лицу, растерли слезы по щекам. В следующее мгновение другие — нежные ухоженные небольшие пальчики с красными ногтями — затрепетали перед глазами и проникли ему в рот. Сдавили язык. Удивлению Макса не было предела. На него накатили тяжесть и удушье. Он рефлекторно вырывался, но его тело по-прежнему было обездвижено. Это происходило с ним и не с ним одновременно.

Нутро Макса заполняла шокирующая пустота. Время замедлилось. Давление росло, тело сжималось, принимало болезненные позы, но Максима это не волновало. Он погружался в пустоту.

«Пусть будет так, если он этого хочет, пусть будет так. Пожалуйста, — прозвучала в голове Макса чужая мысль. — Я смирюсь с его силой. Я просто буду ждать, когда она иссякнет».

Где-то на периферии пустоты забрезжило удовольствие. Неясные тельца, похожие на жучков, летели к сознанию Макса, неся на себе ра-

дость боли. Он улыбнулся, и тут же красная вспышка оглушила его, выдернула из пустоты, пробила током все его клетки. Он закричал и услышал свой дикий вой со стороны, как будто это кричит не он, а кто-то объятый смертельным ужасом. Испуг накрыл Максима с головой и оставил его сердце.

Глубокий вдох. Громкий пульс в висках, холод во всем теле, дрожь... Максим с усилием открыл глаза. Паша сидел на диване и с укором смотрел на него.

— Не делай так больше. Никогда не бери чужую купюру.

— Я... я не хотел.

— Угу.

— Я из любопытства. Она сама. — Макс был не в силах успокоиться.

— Все мы из любопытства.

— Что это, что это было, Паша?

— Купюра, что же еще, — буркнул он в ответ, — понравилось?

— Нет.

— Повезло. Соскакивай, пока не поздно. Во второй раз точно понравится.

— Нет. Я второй раз не буду.

— И хорошо. Много вдохнул?

— Я и не вдыхал, поднес к лицу...

— Ладно... Она только распакована. Запаха на ней много... Даже вдыхать не нужно — так цепляет. Но никогда больше так не делай.

Паша бодро хлопнул себя по ляжкам:

— Пойдем прогуляемся — надо показать нас Системе.

Макс предложил навестить Мишку — давно его не видел. Паше было все равно. Шли молча, думали о своем. Максу было стыдно и любопытно разом. Пальцы его до сих пор подрагивали.

— Расскажешь, что это было? — спросил он осторожно.

— Купюра, — выдавил Паша.

— Это я понял. Что было, когда я поднес ее к лицу?

— Ты вдохнул ее.

— Да. Ты сказал, что запаха много... А когда мало?

Паша, поняв, что Максима не остановить, нехотя стал рассказывать:

— Тогда сильно втягиваешь ноздрями. Занюхиваешь ее до дыр.

В конце концов в нос вставляешь и дышишь через нее. Хоть какие-то эмоции...

— Тебе ее надолго хватит?

— Тебе незачем это знать. Макс, интересоваться чужими купюрами не стоит. Это личное дело каждого.

— Да-да, прости, — Макс поспешил извиниться. — Тогда я о своем опыте. Я видел пальцы...

— Купюры брали руками. Запах с пальцев переходил на бумагу. Поэтому мы их видим.

— Сначала были одни, затем другие...

— Ты в первый раз, неопытный. Тебя понесло куда-то. По запахам можно переходить. Приближаться — удаляться. Быть в одном запахе, в другом.

— Нет, меня швыряло. Сначала я был в ком-то, кто давил. Потом меня перенесло в другое тело.

— Купюра. Купюра переходила от одного к другому. И ты летел по следу.

— По следу?

— Так мы это называем. Банкнота ходила из рук в руки. Можно пройти всю цепочку по сохранившимся отпечаткам. От последнего владельца до первого — скользить по следу.

— Старик не копал так глубоко, называл только одного-двух носителей.

— Их запахи определяющие. Скользить мало кто умеет. — Паша сказал это с гордостью.

Помолчав, добавил:

— Да и им все равно, кто там дальше по цепочке.

— Чем больше рук держали банкноту, тем она ценнее?

— Не всегда. Важно, кто ее брал, что было у него на руках.

Макс вспомнил о других купюрах.

— Кровь, страх, слезы?

— Да, это ценно. Эмоции сильные.

— Неважно какие?

— Неважно. По опыту: негативные сильнее. Но главное, чтобы их было как можно больше. — Терпение Паши кончилось, он резко остановился. — Максим, ты говоришь, что больше не будешь. А это действительно так?!

— Да. Почему ты спрашиваешь?

— Потому что ты хочешь. Иначе откуда столько вопросов?

— Нет, я не хочу.

— Ты хочешь еще раз. Из любопытства, найти какие-то ответы, что-то проверить. А потом у тебя снова будут вопросы! И ты будешь нюхать опять!

Макс насутился:

— Нет. В отличие от тебя, это не доставило мне удовольствия.

— Твое удовольствие в познании.

— Может быть... Но нюхать я не хочу.

— Ты уже нашел повод для второго раза. Добро пожаловать на борт, Максим.

— Нет, нет. Я не такой.

Паша изумился:

— Какой «не такой»?

— Ты делаешь это ради удовольствия. Согласен, что погрузиться в купюру можно ради исследования, но в этом нет удовольствия.

— Ты его еще распробуешь.

— Чтобы это полюбить, нужно извратить себя.

— Может, стать изысканнее?

Из-за кустов выпрыгнул Мишка. Радостно подскочив к Макс, закинул лапы ему на плечи.

— Все. Все! Сдаюсь! — закричал Макс, сгибаясь под тяжестью зверя. Тигр опустил на землю, завертелся кругами. Макс обнял его: «Мишишка». Тигр ткнулся в ладони Максима, вздрогнул, словно от удара током, и отпрянул. Припал к земле и неожиданно издал тихий злой рык. В его глазах был испуг. Макс растерялся:

— Ты чего? Что случилось?

Он сделал шаг к Мишке. Тигр отступил и зарычал сильнее. Троица замерла, ошарашенная происходящим.

Паша осторожно потянул Максима за руку:

— Запах, Макс, уходит. Тигр почуял запах на твоих руках.

Парни и зверь медленно начали пятиться в разные стороны, увеличивая дистанцию. Тигр сошел с тропы и резким прыжком исчез в зеленой чаще. Макс с Пашей повернули обратно, спрятав руки в карманы.

— Неожиданно, — задумчиво произнес Паша.

— Ты не знал о таком эффекте?

— Пошел бы я тогда к тигру...

— Логично. Что его напугало?

— Думаю, запах. У них нюх сильнее нашего. Учужал что-то. Система не уловила, а тигр учужал. Как бы она теперь зверей не привлекла к мониторингу.

Максим вспомнил:

— Специалист говорил, что на купюре был запах крови животного.

— Кровь животного? — Паша обрадовался. — Ух ты, охота!

— Что тебя так радует?

— Банкнота, конечно же. Я объясню тебе главный кайф. Макс, тебе понравится.

— Запахи — это не все?

— Можно вжиться в каждого, кто оставил запах на купюре.

— И управлять?

— Ха! Удовольствие в другом. Полная имитация.

— Как это?

— Представь, что в тебе будет то, чего у тебя никогда не было и не будет. Ты можешь пропустить через себя все, что ощущал другой человек. Ты вселяешься в него. Вообрази. Это чувства, которых у тебя нет. Не знаю... Мишка! Представь, что ты мог бы поселиться в тигре. Не управлять им, а переживать все, что переживает он. Как будто все его нервы — твои нервы, его желания — твои желания. И только мысли у тебя остаются свои, но они ни на что не влияют. Ты соучастник без права принятия решения. Условно, ты бы не принимал решение убить зверя, но испытал бы все эмоции охотника.

— Ты хочешь почувствовать, как люди убивают?

— Мечта.

Макс прикусил губу.

— Паша, ты знаешь, какая ответственность за банкноты?

Паша улыбнулся:

— Они того стоят.

— И ты готов на все?

— Я мало что могу. Но да, готов отдать или сделать все. Макс, они дарят то, чего в нашем мире нет.

— То есть ты хочешь получать удовольствия прошлого?

— Можно и так вывернуть.

— А ты бы хотел вернуть тот мир?

— Макс, я об этом не думаю. Это невозможно. Я просто получаю удовольствие. Тебе — не советую.

— Я и не хочу... Я думаю, наш мир лучше.

— Это без сомнений. Только что делать с твоим рейтингом? От нашей вспышки он не вырос...

Они вышли из леса. На дороге, ведущей в город, нагнали девочку пяти-шести лет, светленькую миниатюрную малышку. Она шла не спеша, что-то напевала, размахивая папкой художника.

Паша подошел к девочке:

— Привет, как тебя зовут?

— Здравствуйте! Эзабель! — Девочка остановилась, посмотрела на Пашу огромными голубыми глазами.

— О, какое интересное имя, — восхитился он, — а ты знаешь, что оно означает?

— Нет. — Эзабель улыбнулась.

— Это имя давали страшным, некрасивым, глупым и толстым девочкам, — резко и зло произнес Паша, — таким, как ты!

Макс рот разинул от таких слов. Эзабель рассмеялась:

— Какой вы забавный, дяденька, это неправда.

— Я не шучу. — Паша взял девочку за руку и сильно ее сжал.

— Зачем вы это делаете?! — изумилась Эзабель.

— Паша, ты что? — вступился Максим.

— Видишь? Ей весело. Я причиняю ей боль, а она улыбается.

— А как она должна реагировать? — Максу не нравилось происходящее.

— Не знаю. Так и должна, наверное. Я заберу твои картины, они плохие!

— Вы видели мои картины! Почему они вам не понравились? — Эзабель была само радушие. Действия Паши ее забавляли.

— Прекрати, — прошипел Макс, — чего ты добиваешься?

— Эзабель, скажи, тебе же не страшно?

— Нет. Но вы странный.

— Я нормальный. — Паша уставился девочке в глаза. — Это с тобой что-то не так... Эзабель, ты плохая девочка!

Она засмеялась:

— Не-е-ет! Это вы странные.

— Хорошо. Смотри, фокус! — Паша показал Эзабель пустую ладонь и завел ее за затылок девочки. Вторую руку он поднес к лицу малышки. Макс сообразил, что сейчас произойдет, и рванулся помешать.

Но не успел. Паша прижал свои пальцы к носу Эзабель, заставив ее задышаться и тянуть воздух изо всех сил.

Девочка вздрогнула. Замерла, взгляд на пару секунд стал бессмысленным. Потом Эзабель поникла, словно цветок без воды. Паша отступил. Из глаз девочки потекли слезы.

— Дядя... дядя, это неправда, — прошептала она беспомощно.

Макс оттолкнул Пашу, опустился на колени и взял за руки Эзабель.

— Все хорошо. Тебе показалось, это иллюзия.

Она посмотрела на Максима:

— Как голограмма?

— Да. Точно, голограмма. Это мираж.

— Я хорошая, правда?

— Ты замечательная.

— Почему он говорит, что я плохая, почему он схватил меня?..

— Он шутил. Он хотел показать фокус. Голограмму.

Паша, довольный, стоял в стороне. Эзабель пришла в себя, улыбнулась:

— Мне показалось что-то страшное.

— Показалось, — сказал Максим и обнял девочку. На его плечо упала слеза. — Беги домой. Ты хорошая, и картины у тебя самые лучшие.

— Он осторожно вытер лицо малышки.

— Спасибо, — Эзабель была уже прежней, — хотите, я подарю вам одну?

— С удовольствием.

Эзабель покопалась в листах и протянула один Максиму. Там был нарисован тигр на лужайке. Макс улыбнулся:

— А я знаю его. Это тигр Мишка!

— Верно! Вы тоже с ним играете?

— Иногда.

— Он классный!

— Да. Он замечательный.

— До свидания! Вы все-таки странные, — заключила Эзабель.

Максим и Паша попрощались в ответ.

После того как девочка скрылась за поворотом, Макс повернулся к Паше.

— Зачем?! — Внутри у Макса бурлили непонятные эмоции. Знакомое непонимание смешивалось с давящим чувством, которое ранее вызывала банкнота. В центре этого водоворота расширялась злость, жаждущая выплеснуться. Макс дрожал от желания физически передать все свои эмоции Паше. Например, толчком. А лучше ударами. Десятками ударов.

Паша примирительно выставил руки перед собой.

— Выдохни. Подожди, — медленно произнес он, — посмотри на свой рейтинг.

Макс рефлекторно глянул на запястье. Там сияли четыре цифры.

— Чудо приближается. — Паша блаженствовал.

Макс отступил от него, еще раз посмотрел — четыре знака рейтинга продолжали гореть.

— Оно того не стоит. — Макс впервые в жизни почувствовал ярость. Внутри него бушевал ураган, Макса штормило от эмоций. Боль, вопросы, слеза на плече, самодовольный Паша, искренняя Эзабель, его собственная неожиданная злость, запутанность ситуации, страдания, банкнота в крови — от всего этого закружилась голова. Макс сжал кулаки, задышал глубоко, пытаясь успокоиться. Раз-два-три. Раз-два-три. Раз-два-три...

— Оно того не стоит, — повторил Макс, он вдавливал свои переживания в каждый звук. Слова получались глухими, тяжелыми. — Ты. Ты заставил страдать ребенка из-за своей мелочной цели. И не говори мне, что всего лишь на секунду. Ты сознательно принес ребенку страдания. Не говори мне, что она уже все забыла. Я знаю, но ее слеза на моем плече. — Макс сотрясал воздух. — Там судьбы людей, их жизни. А вы просто нюхаете, чтобы мурашки побежали и член встал! Вы — сбой, ошибка нашего мира. Вы тащите из прошлого то, что нас убивало. В угоду своей радости, своему мелкому пристрастию вы готовы отравить весь мир!

Паша растекался по тротуару. Накрывший его бешеный восторг был сильнее, чем тот, что он пережил совсем недавно дома. Слова Максима действовали хлеще купюр.

— Давай, давай еще, — стонал на земле Паша, тянул руки к Максиму и умоляюще смотрел ему в глаза, — да, да, говори. Еще...

Макс замолчал, махнул рукой, плюнул под ноги и ушел, переступив через Пашу.

Они хотят быть убийцами, хотят смотреть на слезы детей, хотят охотиться, душить друг друга. И ради чего? Ради удовольствия. Увидеть глазами действующих лиц, что происходило, — это фантастика. Но получать удовольствие от страданий других... Это за гранью человечности. Это нас разрушит.

8. ВАЛЕРИЙ

Прошлое отлично маскируется, кажется тем, чем на самом деле не является. Человек думает, что оставляет его позади, а на самом деле сохраняет в себе. Отдельная полка памяти под названием «прошлое» всегда находится под рукой.

Пока оно в тебе, это не прошлое.

С момента, когда Макс перешагнул через Пашу, минул месяц. Они больше не общались. Макс твердо решил оставить в прошлом банкноты и все с ними связанное. Белых пятен больше не было. Остальное следовало молча задвинуть в самый дальний угол памяти.

Выросший рейтинг Максима обратно не откатился. Закрепился на рекордной отметке. Вслед за ним подросток рейтинг Риты, и жизнь, как она и мечтала, совершила резкий поворот.

— Макс, мне дали допуск по всей планете! — Рита повисла на шее у Максима, встречая его на пороге дома.

— Ого! Поздравляю. Это тот человек его принес, что у нас на террасе сидит? — Макс заметил незнакомца в костюме.

— Да! Валерий Андреевич, второй замминистра фундаментальной науки, — пояснила Рита. — Разувайся, проходи к нам.

— Второй зам, ого! Не знал, что допуски развозят по домам замы министра.

— Тише, он услышит. — Рита перешла на громкий шепот. — Это все наш рейтинг, Макс! Он приехал на личное собеседование, чтобы не затягивать с выдачей допуска. А так все это еще месяц тянулось бы.

— Я не помешаю?

— Нет, мы закончили. Он тебя ждет.

— Зачем?

— Спросить что-то хотел. По твоим спиральям.

Макса пробило током. Все вернулось. Все, что он старался забыть, выбросить, закопать, вернулось. В этом Макс не сомневался. Не о спиральях собирался говорить этот незнакомец.

Валерий Андреевич — элегантный, коротко стриженный солидный блондин среднего роста без каких-то ярких черт и особенностей — встречал его располагающей улыбкой.

— Максим?

— Совершенно верно, а вы...

Человек перебил:

— Валерий. Второй замминистра фундаментальной науки, — он крепко пожал руку.

— Валерий Андреевич, — поправил его Максим.

— Прошу, просто Валерий. Мы же не на совещании! — Чиновник, как актер, молниеносно менял эмоции на лице: расплывался в улыбке и вмиг становился серьезным; в следующую секунду в умилении переходил на извинения. — Поверьте, Максим, приняв мою просьбу обращаться ко мне по имени, вы проявите еще большее уважение.

Макс потерялся, в какой-то момент ему показалось, что это он в гостях, — невольно осмотрелся, выдохнул:

— Так, значит, Рита получит доступ?

— Она уже его получила! Понимаете, — замминистра немного замялся, — произошла ошибка, накладка. Прощение Риты попало не в ту папку и оставалось незамеченным долгое время. Вчера эту оплошность обнаружили, и вот я здесь, — он снова расплылся в улыбке, — чтобы загладить нашу вину и сделать Рите допуск максимально быстро.

— Дело было только в этом? — уточнил с сомнением Максим. — Нам говорили о недостаточной значимости, предрасположенности Риты к другому...

— Я знаю только о накладке, случайной ошибке в сортировке. Ограничений не было. Министерство просто элементарно не знало об этом прощении.

— Глупо.

— Согласен. Систему давно пора менять.

Рита принесла воду и фрукты:

— Мужчины, я оставляю вас. Мне надо в институт. Валерий Андреевич, еще раз спасибо вам за допуск.

— Еще раз извините нас, Рита, за это досаднейшее недоразумение.

Чиновник встал, застыл с улыбкой, провожая Риту. Когда она ушла, он обернулся к Максиму:

— Неловко вышло. Печально, печально, что до сих пор случаются такие вещи.

Максим помолчал. Выпил стакан воды, посмотрел себе под ноги и выдохнул:

— Ну, выкладываете.

— Что? О чем вы, Максим? — встревожился чиновник.

— После того, что я недавно пережил, я не верю в совпадения и в такие ошибки министерства.

Валерий Андреевич расслабился, убрал улыбку:

— Я не буду вас мучить, Максим. Вы правы. Хотя и ошибки тоже случаются.

— Так и зачем вы здесь, Валерий?

— Можно на «ты»?

— Пожалуйста.

— Тебе привет от Паши.

— Понятно...

— Да. Твой рейтинг сегодня вырастет еще. Паша выполнил свою работу.

— Он ее и так выполнил месяц назад. — Макс не хотел говорить об этом. — Мне достаточно. Наш с Пашей проект завершен.

— Понимаю. Конечно. — Валерий попытался разрядить обстановку. — Максим, больше ничего делать не нужно. Даже передавать Паше привет.

Максу было не смешно:

— Если вы здесь затем, чтобы передать привет от Паши, то спасибо, я его принимаю. Повторюсь, проект завершен.

— Я здесь по другому поводу.

— По какому?

— Нам лучше перейти в другую комнату. И мы же договорились на «ты».

В нулевой комнате чиновник продолжил:

— До меня дошли разговоры, что ты искал знания. Был готов обменять банкноту на них. Отдать тому, кто расскажет, как устроен мир...

— Валерий раскрыл объятия: — Я здесь.

Про знания Макс разговаривал со Стариком, а чиновник пришел с приветом от Паши. В голове нарисовался треугольник, и, похоже, его вершина была перед Максимом. Стало интереснее.

— И ты знаешь, как устроен мир?

— Как устроен мир... — Не дождавшись Максима в объятия, Валерий сел в самое большое кресло, поставив его в центр комнаты. — Сумбурно он устроен, хаотично.

— Я не про это.

— Я понимаю. Максим, я не знаю, как устроен мир. Этого никто не знает. Борьба систем, постоянное стремление к балансу. Ночь и день, лед и пламень...

— Тогда я не понимаю, зачем ты пришел. Думаешь, я отдам банкноту за то, что вы дали Рите допуск?

— Нет. Забудь про допуск, это не имеет никакого значения.

— А про банкноту?

Чиновник ухмыльнулся:

— И про банкноту забудь.

— Интересно.

— Смотри.

Валерий открыл свой ID. Высветился его рейтинг — 695 604 768 243 221.

— И это не потому, что я замминистра.

— А как? — Макс такого никогда не видел. Паша говорил, что семь знаков открывают все двери и дороги, а здесь их... их пятнадцать!

Чиновник жестом поманил Макса и прошептал ему на ухо:

— Я тот, кто взломал Систему.

— Невероятно, если это правда, — так же тихо ответил Максим.

— Это правда. — Валерий был серьезен.

Макс от волнения заходил по комнате кругами:

— Но как? Как это тебе удалось?

— Расскажу. Но сначала послушаю тебя. — Чиновник внимательно смотрел на него. — Как ты нашел банкноты?

Видя изумление Макса, Валерий поспешил добавить:

— Без подробностей, конечно. Схематично, сам принцип.

— Если сам принцип, то ключ и везение.

— Интригующе. — Чиновник снова расплылся в улыбке.

— Если схематично... Прадед оставил в своем завещании сумбурную приписку о кладе. Никто не отнесся к этой информации всерьез. А я понял его подсказки и нашел тайник. Не с первого раза, но в итоге мне повезло. И... Я не знал, что там. Только когда развернул, увидел, что это банкноты.

— Ты не искал банкноты, ты искал клад.

— Все так.

— Понятно. Скажи, Максим, а зачем ты искал клад прадеда?

— Это же интересно! Я люблю загадки, люблю находить новое.

— Да-да, спирали времени, — согласился Валерий. — Находка оправдала твои ожидания?

Макс задумался.

— Нет. Дала какие-то ответы, но и поставила новые вопросы. Баланс сохранился.

— Баланс — основа Системы, как я уже сказал. Но ты не разочарован?

— Нет. Я узнал много нового.

Валерий снова ухмыльнулся:

— Еще бы!

— А твой секрет? Твоя схема успеха?

— Похожа на твою. Я искал ключи к рейтингу.

— А как Система считает рейтинг?

— Не знаю, но я был уверен, что ключи есть. И однажды мне повезло.

— Нашел подсказку?

— Нет. Я каким-то образом случайно выскочил из мониторинга Системы. А после появился вновь. Система зависла — новый человек, непонятно откуда, неучтенный. И она добавила мне рейтинг. То ли возраст накрутила на рейтинг рождения, то ли извинение, то ли поощрение... Я не знаю, что именно, но это был ключ. А дальше я начал долбить Систему в это место. Я определил факторы, при которых она меня теряла. Позволь мне о них умолчать. Я повторял свою программу действий по кругу, появлялся-исчезал, появлялся-исчезал, пока Система не зависла окончательно. Я, конечно, сильно рисковал.

— И ты понял, как работает Система?

— Только ее понимание меня. Было страшно, что Система меня удалит. Но нет — она предложила устранить этот сбой в программе, которой я пользовался, и для этого дала мне доступ к настройкам. На пару мгновений я стал Богом, как сказали бы люди эпохи денег.

— Звучит красиво.

— Еще бы! Но насладиться этим я не успел. Я был Богом мгновения. Успел исправить баг и накрутить себе рейтинг.

— Просто накрутил себе рейтинг? — Макс остановился напротив Валерия, пристально глядя ему в глаза.

— Да. В меню предложенных мне возможностей была корректировка рейтингов. Я поставил себе максимальный. После Система меня выкинула.

— И как она отреагировала на твой новый рейтинг?

— Решила оставить. Обнулить побоялась. Начала активно списывать. По правилам, по алгоритмам. Но мой рейтинг столь велик, что мне хватит на пару тысяч лет, — он рассмеялся, — хотя вряд ли я проживу и тысячу.

— Это огромное число — пятнадцать девяток!

— У Системы пятнадцать разрядов, я накрутил максималку, но Система списывает при каждом удобном моменте, — пожаловался чиновник. — Всегда ищет повод и пользуется им по полной. За общение с низкорейтинговыми много списывает, — он по привычке посмотрел на часы, — сегодняшний вечер мне вылетит в копеечку. А тебе, как я и говорил, Система накинёт. За общение, — Валерий повысил голос, — с вы-со-ко-рей-тин-го-вым.

— Отличный способ поднятия рейтинга! Странно, что Паша не воспользоваться им раньше.

— Думаешь, я жажду так вот снижать свой рейтинг? Я месяцами живу уединенно. Медитация, умиротворенность и осознанность. Жизнь монаха-отшельника, как сказали бы люди прошлого.

— Самоизоляция из-за рейтинга? Зачем он тогда?

— Не только. Я попробовал все, что хотел. Пятнадцать девяток исполнили все мои мечты и желания. Мне просто больше ничего не хочется. — Валерий поднял руки к потолку. — Одна радость — банкноты. А ими, согласись, лучше наслаждаться в одиночестве.

— А работа? Такой высокий статус...

— Это так, прикрытие. За один вечер со мной премьер-министр готов дать мне любую должность. И освободить от любых обязанностей.

— У него тоже растёт рейтинг от встречи с тобой?

Валера утвердительно кивнул:

— Удобно. Должность есть, деятельности нет.

Максу пришло уведомление Системы: «Внимание! Ваш рейтинг превысил 10 000».

— Как просто!

— Да. Просто знакомство со мной повышает твой рейтинг, — Валерий снова глянул на свою руку, — а мой, к сожалению, понижает.

Максу пришла в голову идея.

— Послушай! — Он загорелся, забарабанил пальцами. — Ты считаешь, говоришь, что все перепробовал. Но, имея такой рейтинг, такие ресурсы, ты многое можешь! Ты практически Бог на земле! Совершенствуй мир! Делай его лучше. Что я говорю, создай рай, тебе по силам! — Макс хотел подпрыгнуть от восторга. — Это же лучшее, что может быть в жизни!

В ответ Валерий расплылся в улыбке:

— Ты не подумал о том, что мой высокий рейтинг существует в этой Системе. Ты предлагаешь мне изменить пирамиду, на вершине которой я сижу.

Запал Макса тут же угас:

— Логично.

— И почему ты решил, что Боги что-то меняют? — удивился чиновник. — Я лично считаю, что они живут в свое удовольствие. В каких сказках ты встречал Бога в трудах? Так, поможет иногда какому-нибудь бедолаге взмахом руки, не более.

Максу снова стало неудобно, как будто обдало порывом ледяного ветра.

— Кто же тогда делает мир лучше?

Чиновник развел руками:

— Не могу тебе сказать. Но точно не Боги — для них мир идеален.

Макс вспомнил про банкноту. Подумал, что она мечта Паши и, наверное, Валерия. И все стало совсем печально. Захотелось закончить.

— Ты сказал, что банкнота тебе не нужна, Рита ни при чем, Паша тоже. Зачем же тогда ты пришел? Просто пообщаться, — Макс спаро-

дировал тон чиновника, — с низ-ко-рей-тин-го-вым? Я повторю свой вопрос: зачем вы здесь, Валерий?

— Как быстро ты стал подозрительным.

— Наверное, я всегда таким был. Просто не выпадал случай это узнать.

— Ты прав... Ты прав... Хорошо, — чиновник сложил руки замком на коленях, — приступим к главному.

— Я слушаю. — Макс напрягся.

— Паша рассказал мне о твоём выступлении. О том, где ты говорил о нас как о вредителях, а он в это время катался по земле от восторга. Я нашел записи твоего шоу. Должен сказать, что это было очень круто. Паша не преувеличил, как он любит. Если меня вставило от просмотра записи, могу себе представить, как распирало Пашу вживую. Впрочем, это и на видео хорошо видно. Ты, кстати, мог навлечь на себя анализ Системы, но не волнуйся — я удалил всю информацию.

— Кроме той, что оставил себе.

— Разумеется. Теперь твоя... — Валерий рукой описал в воздухе круги, — речь, — он нашел слово, которое искал, — мой любимейший десерт. Буду наслаждаться им по вечерам.

— Приятного просмотра, — сказал Макс сквозь зубы, ему не нравилось все это.

— И вот что я подумал, Максим. — Валерий постучал пальцами по креслу. — Банкноты опасны и редки, запрещенный дефицит. А ты, твоя речь — сильнее банкнот. И ты рядом. Тебя можно слушать вживую, можно записывать. Ты — настоящее произведение искусства.

— Вы еще в футляр меня запихните.

— Нет, что ты! Я дам тебе все, что ты хочешь. Дам тебе рейтинг за то, что мы будем иногда общаться. И ты не будешь сдерживать себя в нашем общении. Если будет надо, я помогу разговориться, разойтись.

— Я не буду этого делать. — Макс был категоричен.

Чиновник кивнул:

— Я предполагал, что ты это скажешь. Но подумай. Возьми время, поразмышляй в тишине. Ты уникальный...

— Все уникальное рано или поздно тиражируется. — Макс не желал размышлять.

— В моем случае поздно. Сомневаюсь, что найду такого второго. Подумай. — Валерий взял паузу и повторил: — Подумай. Я раскопаю тебе все тайны, которые есть. Познакомлю с любимыми людьми, открою любые архивы. Посмотри на это как на дружбу. Дружбу с Богом, если угодно.

— На это я могу смотреть только как на дружбу с Пашей. Я — банкноту, а мне — давление и попытки навязать страдания.

— Баланс, Максим, баланс. Нужно что-то давать взамен.

Макс насупился, замолчал, уставившись в пол. Валерий спокойно ждал, сбивая изредка пылинки со своего костюма. Он не спешил.

Максиму вспомнилась одна история:

— Когда-то коровы были дикими. Их прадеды были дикими. Человек их одомашнивал. Им это нравилось: защита от хищников, много корма. Но с веками они превратились в скотину. У меня есть спираль, где дикое вольное животное с радостью в глазах постепенно превращается в домашний скот с тупым взором. Что-то мне подсказывает, Валерий Андреевич, что вы хотите провести меня тем же путем.

— Предвидел это. — Чиновник со вздохом встал. — Жаль. Ты ошибаешься, Максим. Я вижу, что твое желание отказаться велико. Скажу тебе: подумай. Время есть.

— Нет.

— В любом случае мы будем провоцировать тебя. Найдем книги, сделаем все, как там написано, и будем прокручивать перед тобой, чтобы ты взорвался, чтобы ты говорил... А мы все зафиксируем.

— Я не буду.

— Ты не сможешь молчать, Максим. Ты будешь реагировать. Один раз уже получилось, получится и еще.

— Я уйду от вас.

— Мой друг, — воскликнул Валерий, — наше присутствие необязательно! Все, что вызовет твое искреннее негодование, сработает. Ты даже не будешь знать, что это мы. Сложно, конечно, вызвать злость, но мы что-нибудь придумаем, что-нибудь придумаем. — Он похлопал Макса по плечу. — Пойми, такой шанс выпал. Я не упущу его.

— Вам пора. — Максим снял блокировку с комнаты.

Валерий окинул взором комнату, застегнул пуговицу пиджака:

— Да, я пойду. И все же я надеюсь, что ты выберешь дружбу и развитие. А не войну.

«История ходит кругами. Никогда не кончаясь, но всегда повторяясь. Ты обречен быть в этой спирали. Отчаянно ей сопротивляясь. На выбор: бороться или смириться. Остаться, сдать, остановиться. Но есть, по секрету, еще вариант — за историей можно со стороны наблюдать».

Клятва тайного общества, не масонов.

9. СТАРИК

Слыша про справедливость, Старик всегда улыбался. Он, не в силах передать словами свой опыт долгой жизни, молча разводил руками, а потом добавлял: все мы умрем, а вы о справедливости...

Да, они обязательно что-нибудь придумают, в этом Макс был уверен. Значит, надо реагировать, что-то предпринимать.

Дни шли, но никакого толкового решения не было. Все казалось либо глупым, либо невыполнимым. Для хорошей идеи не хватало информации, вводных данных.

В один из немногих вечеров, когда Рита, погружившаяся в свою командировку и оттого вечно где-то пропадающая, была дома, Макс спросил ее:

— Послушай, а кто рассказал тебе о Паше?
 — О Паше? — Рита отвлеклась от своих записей, наморщила лобик.
 — Когда я принес футляры, ты сказала, что тебе один знакомый по-
 советовал Пашу.

— Да... — Рита задумалась. — Тогда я не знала, что это Паша. Мне
 сказали, что есть один человек...

— Кто сказал, Рита?

— Дедушка один, мы в министерстве познакомились, в очереди.

— Дедушка? — Макс удивился. — Я почему-то думал, что кто-то
 из твоих подруг.

— Нет, занимательный такой дедушка, высокий, седоволосый, исто-
 рии интересные рассказывал.

Макса пронзило, он показал Рите Специалиста:

— Этот?

— Да...

— Мать моя Земля, как же все сходится! — Он закрыл лицо ладо-
 нями.

— Что, Максик?

— Сначала этот Старик дал тебе контакты Паши, а потом Паша от-
 правил меня к нему на анализ банкнот и попросил держать это в тайне.

— По-моему, это логично. Тема с банкнотами все-таки запрещен-
 ная. Круг посвященных мал.

— О да, более чем логично. — Макс задумался. — По-моему, я не-
 верно определил вершину треугольника.

— Что? — не поняла Рита.

— Думаю вслух, прости.

В один миг разрушился образ Старика. Мудрый, много знающий,
 хранитель времени и мира — обернулся хитрым пройдохой.

Следующим утром Макс стоял у двери Старика. Тот встретил его
 радушно:

— Максим, рад вас видеть. Новая порция вопросов?

— Это вы дали Рите номер Паши! — Макс обошелся без вежливых
 вступлений. — Вы с ними заодно. Вы такой же!

Старик окинул взглядом пустую улицу:

— Не здесь же, мой друг. Проходите в дом.

— Вы ошибаетесь, Максим. Я не из их круга, я не нюхаю купюры, —
 сказал Старик уже в нулевой комнате.

— Возможно, что не нюхаете. Допустим. Но вы помогаете им полу-
 чать банкноты!

— Профессия обязывает, Максим. Не будет их — не будет меня.

Старик сохранял спокойствие.

— Я вынужден им помогать, мой друг, прошу прощения, что не оз-
 вучил этот момент.

— Вы об этом умолчали сознательно. — Макс злился.

— Вы не правы, молодой Максим, я не придал этому значения. Вы не спросили, я не вспомнил. — Старик развел руками. — Я отвечал на все ваши вопросы, Максим. Забыл сказать, увы. Так ли это важно?

— В свете последних событий — да.

— Каких событий, мой друг?

Макс замолчал. Злость уходила, чему он был рад. Слова Старика успокаивали, переключали на рабочий лад, освобождали мысли.

— Они вас заставляют? — недоверчиво спросил Макс.

Старик вздохнул:

— Они не заставляют меня, Максим. Я сам помогаю им, по своей инициативе. Максим, они несчастные люди.

— В чем их несчастье? В том, что они получают удовольствие от банкнот?

— В том, что они зависимы. Вы рассказывали о тигре, представьте Мишку на коротком поводке. Так же и они.

— Вы помогаете им затянуть этот поводок покрепче. Вместо того чтобы снять.

— Я не знаю, как его снять, простите.

— Зачем вы сказали Рите про банкноты, про Пашу?

— Эти бедняги многое могут за купюры. Они зависимы, но они и влиятельны. Почему бы не направить их ресурсы на благо другим? Я помогаю всем. Паше — облегчение, Рите — путевка, вам — рейтинг.

— А вам?

— Мне? — Старик помедлил. — Мне спокойствие. Поверьте, молодой Максим, самое лучшее в жизни — ее тихое течение.

— У меня его больше нет.

— Я так понимаю, что-то случилось.

Макс в подробностях рассказал о своем выступлении и последующей встрече с Валерием.

— Теперь они хотят посадить на поводок меня!

Старик смотрел на Максима не дыша, не двигаясь, как на чудо.

— У вас дар, Максим. Тяжелый, но дар. Большая редкость в нашем мире.

— Насколько я знаю, дар всегда большая редкость, — неожиданно для себя огрызнулся Макс, злость снова овладевала им.

— Да, да! — воскликнул Старик. — Они правы. Вы, молодой Максим, действительно накапливаете это в себе.

— Что накапливаю?

— То, что и на банкнотах, — страдание.

— Я не знаю, что это такое.

— Вы остро переживаете за других. И эти переживания остаются в вас, накапливаются. Потом проявляются, например, в речах. Я думаю, это будет проявляться и в чем-то еще.

— Я не хотел бы этого. — Голос Макса дрогнул.

— В нашем мире страдания остались только на банкнотах. — Старик задумался. — Вы ведь пробовали банкноту, Максим?

— Да, случайно. Пока Пашу трясло, я взял его банкноту. Я не знал, как ее используют, и случайно немного вдохнул.

Старик пристально смотрел на Максима:

— Понравилось?

— Нет. Сумбур, сильная тяжесть, удушье.

— Банкнота послужила триггером. То, что жило где-то глубоко в вас, пробудилось, Максим.

— Оно не исчезнет?

— Я не знаю.

— Я знаю. Эти люди, Паша и Валера, не дадут этому исчезнуть.

— Боюсь, вы правы. Для них вы ценнейшая находка, увы.

— Вы должны помочь мне.

— Как?

— Я не знаю... — Максим покачал головой. — Их не изменить, не изменить меня...

— Вы правы, боюсь, компромисса здесь не будет.

Макс встал, прошелся по комнате. Он знал, что сказать, но решил взять паузу. Тянул время в надежде, что Старик придумает что-то лучше, но тот тоже молчал.

— Мы должны их изолировать... Либо я, либо они.

Старик вздрогнул:

— Мать моя Земля... Простите, Максим, не ругался лет сто.

— Я тоже когда-то не злился.

— Вы хотите решить вопрос радикально...

— Сами сказали: компромисса не будет. На чьей вы стороне?

Старик медлил с ответом. Макс решил, что это отказ:

— Если вы с ними, если я один, то я всех сдам Системе. Изолируемся вместе.

Специалист покачал головой:

— Я не с ними, Максим. Дело в другом... Понимаете, мой молодой друг... Я не вмешиваюсь. Я смотрю со стороны.

— Нельзя смотреть со стороны вечно!

— Не знаю... Максим, вы считаете, что они поступают плохо. Что страдания нельзя впускать в наш мир. И я соглашусь с вами... Но я не вмешиваюсь, — Старик тщательно подбирал слова, — и, возможно, поэтому я еще жив, говорю сейчас с вами, помогаю людям как могу. Пока я наблюдаю, я живу и буду жить долго, как только вмешаюсь, думаю, мои дни кончатся.

— И вы никогда не хотели вмешаться?

— Я не имею права. Понимаете, Максим, у меня только одна попытка. У меня нет второй жизни, как в игре. Я не могу рисковать, что-то пробуя. Не имею права распорядиться единственным своим ходом наобум. Мое действие должно быть безупречным. Это не нашатырь в нос — поможет, не поможет. Это точный укол адреналина в сердце. Только так.

Максим поник. Стройная логика, которую сложно сломать. Оставалось только попросить:

— Может, время такой попытки пришло?

— Может... — Старик встал. — Дайте мне время подумать, зайдите вечером.

Он приобнял за плечи Макса и ушел в другую комнату.

Макс вернулся вечером. Дверь была не заперта — так он ее оставил утром. Осторожно прошел внутрь дома, обнаружил Старика в нулевой комнате. Тот неподвижно сидел в темноте за столом, положив руки перед собой. Во мраке комнаты он казался манекеном.

— Добавить освещения? — негромко спросил Макс.

Старик мотнул головой, жестом пригласил Максима за стол.

— Может, вы и правы, — сказал он еле слышно. — Действительно, нельзя наблюдать вечно.

— Вы что-то придумали?

— Мы заключим сделку, молодой Максим.

— Между вами и мной?

— Да.

Старик помедлил, поднял взгляд на Максима, выдержал торжественную паузу:

— Вы заступите на мое место. Станете моим преемником.

— Ого...

— Вы многое знаете, Максим. А после всего случившегося, извините, вам уже не вернуться к прежней жизни.

— Да, я понимаю. Вопрос, какой будет моя новая жизнь.

— Я отдам вам в наследство все, что у меня есть, с условием, что вы продолжите мою работу. После моей... — Старик не смог сразу выговорить, сжал кулаки, — моей... смерти. У вас будет возможность отказаться. Но вы, молодой Максим, не откажетесь и примете мое наследство. Переедете в мой дом, получите доступ к моим контактам, к моей библиотеке, к моим трудам. Вам будет что изучать, поверьте. Хватит на век.

— Эта сторона сделки мне понятна. А что вы?

— Я, — Старик молитвенно сложил ладони, перебирая пальцами, — уведу их с собой.

— Куда уведете? — не понял Максим.

Специалист печально улыбнулся.

— Последний футляр, который мы не успели тогда посмотреть. Я позже просканировал. Там пустые банкноты, без запаха. Такое бывает, когда их напечатали, но не успели отдать людям. Хранились где-то в сейфе. Они бесполезны. О том, что они пусты, никто не знает, кроме нас. Для Паши и Валерия эти купюры будут хорошей приманкой. Я приглашу их на дегустацию, дам в руки банкноты и сниму защиту комнаты. — Старик громко хлопнул ладонями.

Макс все понял. Мысль о последствиях пробежала дрожью по его телу.

— Вы сказали про завещание. Но изоляция — это ведь не смерть?

— Неизвестно. Система еще никого не возвращала из изоляции. Фактически это смерть в нашем мире. Что будет со мной физически, я не знаю, возможно, буду жив.

— Система изолирует и за пустые банкноты?

— За любые открытые.

— Нет других планов действий?

— Подходящий момент, все удачно складывается.

— Вы уйдете, а я займу ваше место...

— Сами сказали, что нельзя вечно... быть. Уйти, оставив преемника, это, пожалуй, лучшее.

— Вы освобождаете меня от Паши и Валеры, но обрекаете иметь дела с такими же, как они, всю мою жизнь.

— Другие не знают, кто вы, Максим. Для них вы будете Специалистом.

Максим вдруг осознал, почему Старик скрывал свое имя.

— Скажете, как вас зовут по-настоящему?

Старик помедлил:

— Перед уходом.

Макс задумался. Решение казалось удачным. Он остается, Валерий и Паша исчезают. Жаль, что и Старик с ними. Максим этого не хотел. Да, он просил Специалиста помочь изолировать тех двоих, но не ценой собственного ухода. И не ценой жизни Макса — ведь она никогда не будет прежней. Но если подумать... Максим смирился с тем, что банкноты, как бы он ни желал, не оставить в прошлом. Слишком многое они изменили в нем. Осталось смириться с тем, что банкноты будут с ним всю жизнь.

— Давайте, что ли, чаю выпьем, — предложил Максим, — в знак подписания нашего договора.

Старик негромко рассмеялся:

— Я не тороплю, Максим. У вас есть время подумать. Но... Раз такой повод для чаепития, то достану-ка я свой любимый сорт. Включайте свет!

И добавил как бы между делом:

— Максим, решите, пожалуйста, как быстро снять блокировку комнаты без моего участия. Я буду занят за столом.

После ухода Макса Старик погрузил дом во мрак и зажег свечу. Маленькое пламя изредка лениво подрагивало в тишине, практически не освещая его задумчивого лица.

Во мне живут сотни тысяч страдавших душ, миллионы трагических судеб. Миллиарды криков о спасении плетут мое молчание. Я не нарушу его. Я буду их хранить. Я буду их помнить. И никогда, никогда не выпущу наружу.

10. BORIS OMAR GAUTAMA

Нет зависти, нет счастья. До радости лишь шаг, но направленья нет, никто не знает как. О чем мы говорили, о чем когда-то пели? Одни пришли в тупик, другие в нем сидели...

Макс с Ритой стояли напротив дома Старика.

— Зачем мы здесь? — Рита торопилась уйти.

— Да хотел тебе кое-что показать. — Макс был очень спокоен, даже меланхоличен.

— Ничего же не происходит?

— Скоро.

— Что скоро?

Макс не мог объяснить.

— Событие. Возможно, скоро произойдет событие, которое я не хотел бы пережить в одиночестве.

— Максик, ну какое одиночество? О чем ты? — Она искренне не понимала.

— Ты права. Что-то я преувеличиваю.

— Преувеличиваешь. А я опаздываю.

— Прости. Еще немного, скоро все закончится.

— Что? Ничего же не происходит.

Макс перевел разговор.

— Я уверен, что прадед мой прятал футляры не для того, чтобы я поднял свой рейтинг. Или чтобы их нюхали... Нет.

— Мы не знаем, зачем твой прадед прятал футляры, — согласилась Рита. — Но мы ими распорядились по ситуации. И я считаю, неплохо распорядились.

— Неплохо... — произнес Максим так, словно прошептал из последних сил «спасите...».

— Но ведь правда? — Рита не заметила тона Макса. — Рейтинг вырос, я допуск к проекту получила, ты, говоришь, скоро на новую работу перейдешь.

— Правда...

— Ну и что тут не так?

В это же время в доме Специалиста в закрытой комнате за столом сидели трое.

— Отчего бы и не пригубить! — Паша азартно потер ладони.

— Хорошо. Давай, раз ты просишь, изучим. Не зря же я зам по фундаментальной науке, — хмыкнул Валерий. — Только осторожно.

— Со всеми мерами предосторожности... выбирайте. — Старик надел перчатки, раскрыл футляр и развернул веером стопку банкнот — Паша и Валера взяли по одной. — Прошу приступать. Как говорили люди эпохи денег... let's go!

Мутантик Го, услышав эту команду, вылез из-под дивана, молниеносно подскочил на четырех лапах к панели управления комнатой, подпрыгнул и ударил пятой лапой по клавише разблокировки.

Дом Специалиста осветился яркими блестками. Они на пару мгновений повисли в воздухе и медленно опустились на землю. Над крышей бесшумно повис транспортер Системы. Окна дома распахнулись, и из них солдатиками выплыли тела Старика, Паши и Валеры. Они были пара-

лизованы. Руки прижаты, ноги вытянуты, головы прямо. Тела, медленно вращаясь, поднимались вверх.

Максим увидел глаза Паши — в них был страх; затем глаза Валерия — они пылали злостью. Специалист был последним, Макс искал его взгляд, но безуспешно. Глаза Старика были закрыты, лицо абсолютно спокойно. Казалось, что он находился в глубокой медитации. Максим увидел его ID — все, что говорил Старик о себе, было правдой. Звали его каким-то странным набором имен — Boris Omar Gautama.

Транспортер забрал тела, забрал Го, сжег стопку банкнот, развеял пепел и исчез. Все произошло в полной тишине меньше чем за минуту. Если бы Максим с Ритой не смотрели на дом, то, вполне возможно, и не заметили бы этой ликвидационной операции.

— Плохие люди хотели подбить нас на преступление. Но Система нас защитила, — прокомментировал Макс как мог.

— Плохие люди? — изумилась Рита. — Как это?

— Любители футляров.

— Вот что значит высокий рейтинг! Уберег нас от беды, — сказала Рита.

— Да, — согласился Максим, — жаль, Го тоже забрали.

— Как он там оказался?

— Пришлось отправить вместо меня.

— Они ждали там тебя? И ты мог вместе с ними...

— Да.

— Максик, какой же ты умница! — Рита обняла его и поцеловала в щеку. — Не переживай за Го, я сделаю тебе другого. И даже лучше.

— Спасибо.

— Это все, что ты хотел мне показать?

— Да. Это все...

— И об этом лучше забыть?

— Верно.

— Ладно. Я все поняла. — Рита снова поцеловала Макса. — Мне пора, надо готовиться — завтра перемещаюсь в Пантанал!

Она исчезла. Макс остался в одиночестве. От этого ему было не уйти, как бы он ни пытался. Надвигающаяся новая жизнь говорила об этом отчетливо. Возможно, принятие и смирение сделают ее чуть легче. И еще ему, кажется, стало понятно, зачем прадед спрятал футляры.

Некоторые знания нельзя передать словами. Их можно только прочувствовать. Если кто-то решит воскресить страдания, пусть вдохнет банкноту с кровью. И, придя в себя, он, я уверен, передумает.

Мне нужно все сохранить. История — это вселенная подсказок. Кто знает, что нам понадобится? Нужно хранить. Прошлое имеет ответы на вопросы, которые мы обязательно зададим в будущем.

В скором времени Максим переехал в дом Старика, приняв его наследство. Рита обосновалась в заповеднике на болотах заветного Пантанала.

Она сделала какое-то научное открытие, и ее рейтинг превзошел рейтинг Макса. Он снова стал для нее грузом, тянущим вниз. Об обещании сделать нового мутанта для Максима Рита помнила, но постоянно откладывала эту работу из-за большой занятости. Что поделаться, эпоха очередей.

Макс остался в полном одиночестве. Он хотел взять себе Мишку, но и в этом ему было отказано. Правда, Мишке разрешили навещать Макса. Тигр приходил часто и каждый раз первым делом осторожно принимался к пальцам Максима. Тот его успокаивал: «Никогда. Слышишь, никогда я больше не возьму их в руки». Но Мишка либо не понимал, о чем речь, либо не верил. А может, руководствовался принципом «доверяй, но проверяй».

Приходя в гости, Мишка лакомился тем, что Макс забывал на обеденном столе, — молниеносно сметал языком все подряд. После, мурлыкая, словно кот, валялся на диване, позволяя себя гладить.

Еще они вместе гуляли. Мишка был теперь единственным, с кем Максим мог обсуждать недавние события. И то не произнося вслух определенных слов. Сидя на безлюдной поляне под звездным небом, потрепывая загривок тигра, Макс вел с ним беседы:

— Не понимаю, почему боль и страдание под запретом. Почему это скрывают от нас? Кажется бы, об этом надо говорить, уроки проводить для детей. Может быть, даже спирали делать. Чего боится Система, что так усердно прячет от нас? А может... мы все такие, как Паша? Только сидит это в нас глубже. Когда-то, давным-давно, в нас заглушили радость от страданий других и стерли все упоминания, чтобы они не вырвались наружу? Тогда понятно, но так ли это? Мы же люди, Мишка. Как мы могли причинять страдания другим? То, чего не пожелаешь себе, никогда не сделаешь другому... И кто те люди, что избавили нас от банкнот и от страданий? Кто решил, придумал, сумел... Или это были не люди?

Не дожидаясь старости, Макс написал завещание и оставил там для будущих поколений пять описаний того, как найти банкноту (ту, с кровью), закончив каждое словами: «И если ты плоть от плоти моей, то найдешь это место».

P. S.

«Привет, дорогой наш уникальный друг. Рады сообщить тебе, что мы перемещены по ту сторону Системы, но живы. Правда, не все. Старик умер при транспортировке.

Здесь все не так, как у тебя, но жить можно. Плохие новости для нас: живое страдание здесь на каждом углу и оно не “уносит”.

Плохие новости для тебя: за сочувствие здесь бьют. В прямом смысле — причиняют физическую боль. И здесь нет защиты от нее, регенерации или блокировки. Ты будешь чувствовать все. В этом мире страдания много, а сочувствующих мало. И их здесь не любят.

Ждем тебя, Макс. Ты проколешься. Однажды обязательно ошибешься и пойдешь вслед за нами.

Твои ценители».

Анатолий СОБЕННИКОВ

ЗАПАХ ЧАБРЕЦА

* * *

Приду на улицу милую, а может быть, не приду,
туда, где акации желтые качаются, как в бреду,
туда, где они кончаются, где в трещинах вся стена,
где время со мной прощается и мама уже не видна.
Приду я туда не странником, которому не нужны
трофеи, они — отцовские, с далекой такой войны.
Но помню, мы были «фрицами», и снова была война,
а рядом была милиция, и нас берегла она.

* * *

Не там ли, родная, мы жили,
не там ли рожали детей?
Мы город сибирский любили
и быт наш без всяких затей.
Когда началась перестройка
и кругом пошла голова,
не там ли, родная, мы стойко
стояли не час и не два?
Стояли за мылом и хлебом
среди серых и окон, и стен.
Но были и солнце, и небо,
и ветер иных перемен.
Терпенье, родная, терпенье,
мы скоро уже отдохнем.
Так что же имеет значенье?
Быть может, тот город и дом?
Не знаю, родная, не знаю...
И выросли дочки уже...
В том городе — жизнь чужая
на нашем с тобой этаже.

* * *

Я помню запах чабреца
и вспышки молний дальних,
и цвета стали и свинца

у речки помню скальник.
И мать с отцом, и плеск воды,
и были все мы — дети.
И знали — в мире нет беды
и смерти нет на свете...

* * *

Мой город уснул, как в Неве синева,
и с нею уснули два каменных льва,
и с ними уснули цветы и кусты,
и руки воздели, как в храме, мосты!
Бессонный художник начал и основ
не ищет следов от затерянных снов.
Он вымоет кисти ночной синевой,
И город проснется, ведь город живой.

* * *

Это август, мой друг, он приходит за нами,
словно Невский проспект, словно поезд в метро,
облаками обнимет, как будто руками,
огурцами наполнит бабуле ведро.
Это август, мой друг, и осушат фонтаны
в Петергофе и в парке Победы фонтан.
Поплывут по Фонтанке неслышно туманы —
это август уходит в дожди и в туман.
Вечерами растут исполинские тени
и в кленовых аллеях густеет вино...
Это август прощально целует растенья,
у подъезда на лавке стучит в домино.

* * *

Нарисуйте меня и брата,
отца и бабушку с мамой.
Облака глядят виновато,
и растрескалась старая рама.
Сепией, умброй и охрой
напишите, художник-ветер,
как мамино платье сохло
на веревках из старой сети.
Нарисуйте мне сруб колодца,
в нем вода — тишина ночная,
как землю зеленой вьется
и сгорает трава степная.
Напишите, художник-время,
облетевшей листвой кизила,
как прощаюсь с друзьями всеми
и со всем, что со мною было.

Игорь ЛАДЫГИН
Юрий ГОНЧАРОВ

«ИВАКИНСКИЙ МЯТЕЖ»: ВЗГЛЯД СТО ЛЕТ СПУСТЯ

В истории Новосибирска есть не так уж много событий, которые, собственно, и формируют историю города, являются знаковыми для него. Одно из них, обросшее легендами и домыслами, — так называемый «Ивакинский мятеж», или «мятеж Барабинского полка» (декабрь 1919 г.), после которого через несколько дней началась история уже советского Ново-Николаевска — Новосибирска.

В «Сибирских огнях» данная тема затрагивалась четыре раза — в № 5-6 за 1923 г. (В. Вегман, «Областнические иллюзии, возрожденные колчаковщиной»), в № 5, 1927 г. (П. Парфенов, «Последние дни колчаковской власти»), в № 9, 2008 г. (А. Кретинин, «Единственный памятник белым») и в № 2 за 2010 г. (А. Камбалин, «3-й Барнаульский Сибирский стрелковый полк в Сибирском Ледяном походе»), — поэтому логично, что на страницах журнала продолжается исследование этих далеких кровавых событий.

* * *

В ноябре 1919 г. командование Восточного фронта белых отвело в тыл части 1-й армии (сформированной в Сибири в 1918 г.) для пополнения и подготовки к обороне от наступающей Красной армии. В Ново-Николаевск прибыли 1-й Новониколаевский и 2-й Барабинский полки 1-й Сибирской дивизии, а также другие подразделения. На эту линию обороны возлагались большие надежды после падения белой столицы — Омска.

Но 7 декабря 1919 г. в Ново-Николаевске ряд воинских частей под руководством молодого полковника А. В. Ивакина с оружием в руках выступил против режима Верховного правителя адмирала Колчака. Мятеж подавили, а многие его участники вместе с другими политическими заключенными были убиты и позднее похоронены в центре города — в сквере Героев Революции (ныне — Мемориальный сквер павших в годы Гражданской войны). Скульптурная композиция на братской могиле долгое время была составной частью герба Новосибирска.

Потом из истории, связанной со сквером, исчезли упоминания о мятежниках и экскурсоводы рассказывали лишь о революционных подпольщиках и коммунистах — членах городского Совета депутатов. Лишь относительно недавно вновь вспомнили о похороненных в братской могиле бывших белых и о самом мятеже. К столетию этого события вышло несколько статей и интервью, большинство из которых, к сожалению, не добавило ясности в описание мятежа, а некоторые скорее даже внесли путаницу. В данной статье на основе архивных документов и мемуаров авторы сделали попытку разобраться в подготовке и ходе мятежа, выяснить, кто им руководил, кто в нем участвовал и как мятеж был подавлен.

Итак, что было известно до настоящего момента? Произошедшее событие в отечественной литературе называлось «мятеж Барабинского полка», а суть мятежа передавалась в различной интерпретации слов бывшего главнокомандующего армиями Восточного фронта белых генерала К. В. Сахарова, написавшего в мемуарах: «Ивакин, не объяснив дела полкам, вывел их на улицу и отправился на вокзал арестовывать командующего 2-й армией генерала Войцеховского. Оцепили его поезд и готовились произвести самый арест, но в это время к станции подошел, узнавши о беспорядках, полк 5-й польской дивизии под командой ее начальника полковника Румши и предъявил требование прекратить эту авантюру, под угрозой открытия огня. Тогда Ивакин положил оружие, сдался»¹.

Все исследователи, описывавшие мятеж Барабинского полка, основывались на этом и подобных воспоминаниях (Иванова, Енборисова, Камбаллина). Надо отметить, что ход мятежа Сахаровым был передан верно, однако сам он, как и другие мемуаристы, непосредственно в момент мятежа в Ново-Николаевске не присутствовал и записал все с чужих слов. Поэтому, чтобы исследовать данное событие, необходимо обратиться к архивным документам и свидетельствам очевидцев, которые до сих пор не были опубликованы.

В исторической литературе в качестве руководителя мятежа указывается исполняющий обязанности начальника 1-й Сибирской дивизии А. В. Ивакин, поэтому стоит начать с его биографии, о которой ранее мало что было известно — большинство источников советской и постсоветской эпохи сообщают примерно следующее: «Ивакин Аркадий Васильевич, полковник, командир 2-го Барабинского Сибирского стрелкового полка, исполняющий обязанности начальника 1-й Сибирской стрелковой дивизии. Сочувствующий эсерам. 24 (26) лет. Бывший офицер Закатальского пехотного полка царской армии». Этим, как правило, информация и ограничивается...

Кто же он, полуполюгендарный полковник Ивакин?

Аркадий Васильевич Ивакин родился в пос. Мелекесс Симбирской губернии (ныне — г. Димитровград Ульяновской области) 12 февраля (по старому стилю) 1894 г. в семье мещанина г. Алатыря Ивакина Василия Ивановича и его жены Марии Ефимовны. Имел братьев и сестру². После окончания реального училища и Симбирской классической гимназии, 1 сентября 1912 г. Аркадий Ивакин поступил согласно прошению без экзамена в младший класс Казанского военного училища юнкером рядового звания на правах вольноопределяющегося 1-го разряда³.

Из характеристики юнкера Ивакина: «Не имеет физических недостатков, кроме близорукости. Умственные способности — средние. Нравственные качества: честен, правдив, скромнен, опрятен и прилежен... Характер: сердечный, отзывчивый, прямой, спокойный, впечатлительный, увлекающийся, легкомысленный, веселый, трусливый, наивный, податливый, экономный. Отношение к военной службе: любит военную службу и интересуется, старателен, добросовестно и внимательно относится к классным и строевым занятиям... Отношение к начальству: вежлив, но малодисциплинирован (штатский мальчик), критиковать не может. Отношение к товарищам: вежлив... дух товарищества усвоил правильно, товарищами любим, но влиять не может... не любит розни, наивен. Отношение к нижним чинам и служителям: вежливое»⁴.

¹ Сахаров К. В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918—1920 гг. — М., ГПИБ, 2017.

² Государственный архив Ульяновской области. Ф. 134. Оп. 19. Д. 11. Л. 81об. — 82.

³ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 571. Л. 52.

⁴ Там же.

**Юнкер Аркадий Ивакин.
Российский государственный
военно-исторический архив**

12 июля (по старому стилю) 1914 года в связи с началом Первой мировой войны Аркадий Ивакин ускоренно выпустился из училища подпоручиком по 2-му разряду в 164-й пехотный Закаतालский полк⁵, который в мирное время квартировал в родных местах Ивакина, в Симбирске.

Закаतालский полк сражался на Юго-Западном фронте, участвовал в Галицийской битве и Брусиловском прорыве — подпоручик Ивакин проявил себя храбрым офицером, был несколько раз контужен и ранен, однако часто, невзирая ни на что, оставался в строю. Ему удалось перевоспитать себя и практически полностью избавиться от недостатков, указанных в его характеристике во время учебы в военном училище. Ивакин был награжден орденами Св. Станислава, Св. Анны 4 степени с надписью «За храбрость», Св. Владимира 4 степени с мечами и бантом, солдатским Георгиевским крестом с лавровой ветвью; здесь необходимо отметить, что солдатский

«Георгий» присуждался офицерам исключительно решением нижних чинов, а это много значит!

В 1917 г., в 23 года, А. В. Ивакин уже в чине капитана командовал Ударным батальоном дивизии — такие батальоны формировались во многих частях из храбрых и опытных солдат и офицеров для использования в самых трудных операциях, поскольку основная часть личного состава российских полков после Февральской революции не горела желанием сражаться.

Во многих источниках отмечается, что Ивакин проникся эсеровскими идеями в годы Гражданской войны, но мы считаем, что это произошло гораздо раньше, поскольку вырос он в Поволжье, в городах, где были сильны эсеровские и социал-демократические веяния, учился в той же гимназии, которую окончили Керенский и Ленин. Кроме того, в 1917 г. Ивакин был избран председателем полкового комитета, а при советской власти возглавил Военно-революционный трибунал и Военно-революционный комитет дивизии⁶ — на такие должности, как правило, попадали политически грамотные офицеры, пользовавшиеся расположением солдат, имевшие левые убеждения и лояльные к революции. Таким образом, корни симпатий А. В. Ивакина к эсеровским идеям, скорее всего, находятся в юности и событиях 1917 г., при этом членство в партии социалистов-революционеров он впоследствии и вовсе отрицал.

После развала фронта Ивакин каким-то образом оказался в г. Ново-Николаевске Томской губернии, где в мае-июне 1918 г., после так называемого «белочешского мятежа», был мобилизован (по другим сведениям — поступил добровольно, как член подпольной антибольшевистской организации) Запад-

⁵ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 571. Л. 52.

⁶ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132.

но-Сибирским комиссариатом на военную службу и назначен помощником полкового командира во 2-м Ново-Николаевском Сибирском стрелковом полку армии Временного Сибирского правительства. Командиром полка в то время был бывший офицер 41-го и 53-го Сибирских полков полковник Я. Н. Перчук. В рядах полка, в августе 1918 г. переименованного во 2-й Барабинский, А. В. Ивакин сражался с красными частями в районе Байкала⁷.

С июля 1918 г. капитан Ивакин был командиром 2-го полка, 4 сентября (здесь и далее даты по новому стилю) произведен в подполковники⁸, а 6 сентября того же года — в полковники, со старшинством с 13 августа 1918 года⁹.

Далее, в ноябре 1918 г., полк (после торжественной встречи, банкета и отдыха в Ново-Николаевске) был направлен на Урал, где участвовал в победоносной для белых войск Пермской операции — в частности, в захвате Мотовилихинского завода¹⁰. За Пермскую операцию 20 апреля 1919 г. полковник Ивакин был представлен к ордену св. Владимира 3 степени, хотя, по мнению некоторых исследователей, он ожидал большего.

В обнаруженных источниках не упоминается о семейном положении А. В. Ивакина, поэтому можно утверждать, что он не был женат, — и на этом закончим описание биографии нашего героя, поскольку для характеристики его личности приведенных материалов, на наш взгляд, достаточно.

* * *

Истоки декабрьских событий 1919 г. в Ново-Николаевске находятся в 1918 г., в том времени, когда после правого переворота в Омске к власти пришел адмирал А. В. Колчак, ставший Верховным правителем, — эсеры не согласились с узурпацией власти, за которую они так долго боролись, и решили вернуть ее¹¹. Для этого было нужно решить следующие задачи: получить контроль над армейскими частями в ключевых городах, обеспечить межфракционное единство в собственных рядах, найти деньги и договориться о координации с другими политическими противниками режима адмирала Колчака. Эсеры, имея большой опыт борьбы с царским режимом, в ходе которого они использовали и армию, решили этим опытом воспользоваться еще раз¹². Необходимо было, чтобы не только часть офицерского корпуса, среди которого эсеровские идеи были достаточно популярны еще с 1917 г., но и целые подразделения в нужный момент выступили по команде заговорщиков против колчаковских властей. Совет партии эсеров, прошедший в советской Москве в июле 1919 г., даже решил «прекратить в данный момент вооруженную борьбу против большевистской власти... перенести центр своей борьбы на территорию Колчака, Деникина и др., подрывая их дело изнутри и борясь в передовых рядах»¹³. Что касается объединения усилий разных фракций партии эсеров и обеспечения деньгами, то помощь в этом, по данным колчаковской контрразведки, пришла из-за рубежа — эти во-

⁷ Ситников М. Г. Пермь пала. — Пермь, 2016.

⁸ Сибирский вестник, 1918, 4 сентября.

⁹ Сибирский вестник, 1918, 6 сентября.

¹⁰ Ситников М. Г. Пермь пала. — Пермь, 2016.

¹¹ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. — М., 2017, с. 124, 138, 145; Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920 гг. — М., 2007, с. 256, 261; Ефимов А. Г. С «ижевцами» и «воткинцами» на Восточном фронте. — М., 2013, с. 28, 40; Котомкин А. О чехословацких легионерах в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. — Москва, 2004, с. 576; Молчанов В. М. Последний белый генерал. — М., 2009, с. 227; Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914—1920. Документы и материалы в 2 т. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918—1920 гг. — М., 2018, с. 535, 539.

¹² Молчанов В. М. Последний белый генерал. — М., 2009, с. 227.

¹³ Ладыгин И. В. Ново-Николаевск в военном мундире. 1904—1920 гг. — Новосибирск, 2013, с. 128, 130, 131.

просы эсерам помог решить А. Ф. Керенский, выступивший координатором и связующим звеном между разными фракциями эсеров в Европе и в России. Существенную помощь оказал и Жан Лонге, внук Карла Маркса¹⁴. Они же, Керенский и Лонге, обеспечили поддержку финансистов и средств массовой информации, в результате чего все фракции эсеров, временно забыв разногласия, объединили усилия и даже организовали «Военно-Социалистический союз защиты Народовластия», в который потом вступило много колчаковских военных. Следующей задачей была координация действий со всеми противниками режима.

В конце 1918 — начале 1919 г. представители одной из фракций партии эсеров провели переговоры с большевиками на достаточно высоком уровне и наметили план общей борьбы с Колчаком. Это давно описано в исторической литературе, кроме того, нет сомнений, что и собрание эсеров в Москве прошло не без ведома советского правительства. В то же время местные отделения эсеров в провинции, проявляя активность и инициативу в вопросах сотрудничества с большевиками и меньшевиками, также достигали определенных договоренностей.

Нашли взаимопонимание эсеры и с руководством Чешско-Словацкой армии в России, которое, будучи социалистически ориентированным, не поддерживало ноябрьский переворот¹⁵. Заговорщикам удалось договориться также с бывшим офицером Чешско-Словацкого корпуса и австро-венгерской армии, командующим Сибирской армией белых Радолой Гайдой (Рудольфом Гейдлем), сыгравшим важную роль в свержении советской власти в Сибири в 1918 году¹⁶. Успешно наступающую армию сложно убедить в необходимости смены власти: победы укрепляют политические режимы, а ослабляют их поражения — поэтому для успеха заговора необходимы были и военные неудачи белых. По мнению ряда современников и историков, в поражении войск белого Восточного фронта виновен именно Радола Гайда — возможно, он по решению заговорщиков организовал эту катастрофу. В рамках данной статьи авторы не будут рассматривать и анализировать упомянутую версию, однако в итоге штаб генерала Гайды (а впоследствии и практически весь высший офицерский корпус 1-й армии генерала Пепеляева, в которую и входили части, участвовавшие в новониколаевских событиях) был вовлечен в заговор. Сам Гайда после отстранения от командования убыл во Владивосток, где продолжил борьбу с режимом Колчака¹⁷, что в итоге привело к так называемому «мятежу Гайды».

* * *

Во многих публикациях присутствует мнение, что события в Ново-Николаевске были личной инициативой Ивакина и местных эсеров, однако подпольные центры мятежников на основе территориальных отделений партии социалистов-революционеров, скоординированные между собой, были созданы во всех крупных городах. Все события, связанные с мятежами в Томске, Красноярске, Ново-Николаевске, Иркутске и Владивостоке, управлялись и координировались

¹⁴ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132. Л. 49—50.

¹⁵ Болдырев В. Г. Директория. Колчак. Интервенты. — М., 2017, с. 124, 138, 145; Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918—1920 гг. — М., 2007, с. 256, 261; Ефимов А. Г. С «ижевцами» и «воткинцами» на Восточном фронте. — М., 2013, с. 28, 40; Котомкин А. О чехословацких легионерах в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. — Москва, 2004, с. 576; Молчанов В. М. Последний белый генерал. — М., 2009, с. 227; Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914—1920. Документы и материалы в 2 т. Т. 2. Чехословацкие легионы и Гражданская война в России. 1918—1920 гг. — М., 2018, с. 535, 539.

¹⁶ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132. Л. 4.

¹⁷ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132. Л. 4; Иоффе Г. З. Колчаковская авантюра и ее крах. — М., 1983, с. 242—243; Серебрянников И. И. Гражданская война в России: великий отход. — М., 2003, с. 471.

из единого центра¹⁸. Новониколаевские заговорщики тесно контактировали с мятежниками из близлежащих городов — так, связным между новониколаевским и томским штабами был видный эсер П. Г. Лихачев. События в Ново-Николаевске — всего лишь часть плана всесибирского восстания эсеров против колчаковского режима в названных городах.

Чем был важен для мятежников Ново-Николаевск? Согласно плану, утвержденному Главнокомандующим Восточного фронта белых генералом Сахаровым, в районе Ново-Николаевска, Томска, Барнаула, Красноярска силами заранее отведенной в эти города по приказу главнокомандующего Восточным фронтом № 7632/оп от 8 ноября 1919 г. 1-й армии (в состав которой, напомним, входили 1-й Ново-Николаевский и 2-й Барабинский полки, участники описываемых событий) должны были быть остановлены наступающие войска Красной армии¹⁹, что укрепило бы режим А. В. Колчака. Многие белые офицеры и солдаты рассчитывали на это²⁰, но разложение и измена частей 1-й армии не позволили надеждам сбыться. Вот что писал в донесении генералу Сахарову начальник контрразведки при Ставке полковник Н. П. Злобин: «...Как на распропагандированную в духе эсеров можно указать на 1-ю Сибирскую стрелковую дивизию»²¹.

Руководителем восстания в Ново-Николаевске ошибочно считается полковник Ивакин, а на самом деле им был эсер Евгений Николаевич Пославский, возглавлявший комитет по подготовке мятежа²², тогда как полковнику Ивакину была отведена роль организатора и исполнителя военной части восстания.

Е. Н. Пославский родился в 1887 г. в Могилевской губернии в семье псаломщика, за государственный счет окончил духовное училище и семинарию, где и вступил в действовавший там эсеровский кружок. После семинарии Пославский поступил в Казанский университет на юридический факультет, а во время учебы стал членом партии эсеров, принял участие в забастовках, за что и был первый раз арестован. Находился в ссылке в разных районах Восточной Сибири, последний арест — в 1916 г. Был освобожден после Февральской революции, прибыл в Ново-Николаевск, где устроился работать в известный кооператив «Закупсбыт» и активно включился в работу новониколаевских эсеров. После провозглашения советской власти в Ново-Николаевске Пославский, войдя в состав подпольной организации, готовил антибольшевистский переворот (25 мая 1918 г.) — при его личном участии был арестован председатель исполкома новониколаевского Совдепа В. Р. Романов. Пославский даже был избран комиссаром Временного Сибирского правительства, но после ноябрьского переворота 1918 г. вышел в отставку и вернулся на работу в «Закупсбыт».

Е. Н. Пославский.
 Государственный архив
 Российской Федерации

¹⁸ РГВА. Ф. 21371. Оп. 1; Серебренников И. И. Гражданская война в России: великий отход. — М., 2003, с. 471.

¹⁹ Ефимов А. Г. С «ижевцами» и «воткинцами» на Восточном фронте. — Москва, 2013, с. 28, 40.

²⁰ Марков С. Пятьдесят лет тому назад // Великий Сибирский Ледяной поход. — М., 2004, с. 190.

²¹ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1 Д. 132. Л. 1—14.

²² РГВА. Ф. 21371. Оп. 1. Д. 2394. Л. 34—38.

В. Б. Колендо. Государственный архив Российской Федерации

Секретарем комитета по подготовке восстания до своего ареста была Ванда Болеславовна Колендо²³ — женщина из дворянской семьи, с дореволюционным партийным стажем, она являлась авторитетным членом партии, была связана с известной террористкой Марией Спиридоновой, вместе с ней участвовала в подпольной борьбе. В январе 1919 г. в Ново-Николаевске Колендо арестовывалась колчаковской контрразведкой, но затем по ходатайству влиятельных товарищей по партии была освобождена²⁴.

Как в событиях 1918 г., так и в период борьбы против советской власти в Сибири эсеры активно использовали финансовые и организационные возможности уже упоминавшейся организации «Закупсбыт» — многие новониколаевские члены партии и участники подготовки мятежа трудились в этом кооперативе. Довольно большое количество заговорщиков работало в городском самоуправлении Ново-Николаевска — среди членов организации был, например, секретарь Городской думы Ново-Николаевска К. К. Пиотровский, но при этом в одном из протоколов заседаний мятежников отмечалось, что городской голова (Скворцов) им «не сочувствует». Ну и часть эсеров находилась в подполье по причине попыток их ареста в начале 1919 г.

* * *

По плану мятежа основной ударной силой был расквартированный в Ново-Николаевске 2-й Барабинский Сибирский стрелковый полк, которым командовал полковник Ивакин, одновременно исполнявший обязанности начальника 1-й Сибирской дивизии, поскольку генерал Мальчевский, фактический начдив, был болен. Помимо этого, заговорщики рассчитывали на часть Ново-Николаевского полка и ряд других подразделений, чьи наименования будут раскрыты в следующих статьях.

В составе Барабинского полка было две ячейки заговорщиков — большевистская и эсеровская, возглавляемая самим Ивакиным. Значительная часть

²³ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 533. Оп. 3. Д. 2394.

²⁴ Там же.

офицеров (возможно, что все) также входила в состав заговорщиков — например, братья поручик и прапорщик Удрисы (сыновья видного эсера с дореволюционным стажем), прапорщик И. И. Большенцев, подпоручик Л. С. Беляев. Среди солдат и офицеров гарнизона распространялись эсеровские листовки: «Ни капли крови больше. Начнем с большевиками переговоры о мире в залитой братской кровью России. Этим мы сделаем для России больше, чем хочет кучка болтунов. Вникните, товарищи офицеры, солдаты, в эти отрывистые строки истерзанных душ от происходящих событий»²⁵.

Во главе большевистской ячейки состоял солдат Борис Яковлевич Овчуков, 1897 г. р., член партии большевиков с 1917 г. (в будущем — сотрудник НКВД в г. Омске)²⁶.

Накануне восстания в полк было «врито» много дезертиров, частично имевших конкретные большевистские убеждения, а частично примкнувших к мятежникам в ходе агитации накануне выступления. Новониколаевская контрразведка за подписью ротмистра Плотто доносила в Омск: «Во 2-м стрелковом полку открыто происходит агитация в пользу советской власти»²⁷. В 1-м Ново-Николаевском полку также были ячейки заговорщиков, но полк не был им подконтролен полностью.

Итак, в Ново-Николаевске эсеры создали сплоченный подпольный комитет, связанный с центром подготовки восстания и ячейками мятежников в близлежащих городах, взяли под контроль некоторые воинские части. Затем новониколаевские эсеры вошли в контакт с большевиками и договорились о совместной деятельности — в Ново-Николаевске в переговорах со стороны эсеров участвовал Пославский, а со стороны большевиков — Н. Г. Калашников (псевдоним — Г. И. Щеглов)²⁸.

Таким образом, «мятеж Барабинского полка» был заранее спланированной совместной операцией эсеров, большевиков и меньшевиков тоже — необходимо отметить, что осуществление подобных договоренностей вряд ли могло быть возможно без санкций вышестоящих руководителей сторон.

Какова же была цель мятежников? И какую власть они собирались установить? Планировалось поставить руководство большевиков перед фактом захвата власти и предложить им заключить мир для борьбы с Колчаком — для построения «народной демократической автономной сибирской республики», в управлении которой эсеры также принимали бы участие. А как на практике должна была реализоваться система управления после захвата города, можно увидеть на примере иркутского Политцентра.

Кто же боролся с заговорщиками? В основном — органы военной контрразведки и военного контроля: последовательными и непримиримыми противниками эсеров были 2-й генерал-квартирмейстер Ставки генерал-майор П. Ф. Рябиков (фактический руководитель противостояния), начальник контрразведки

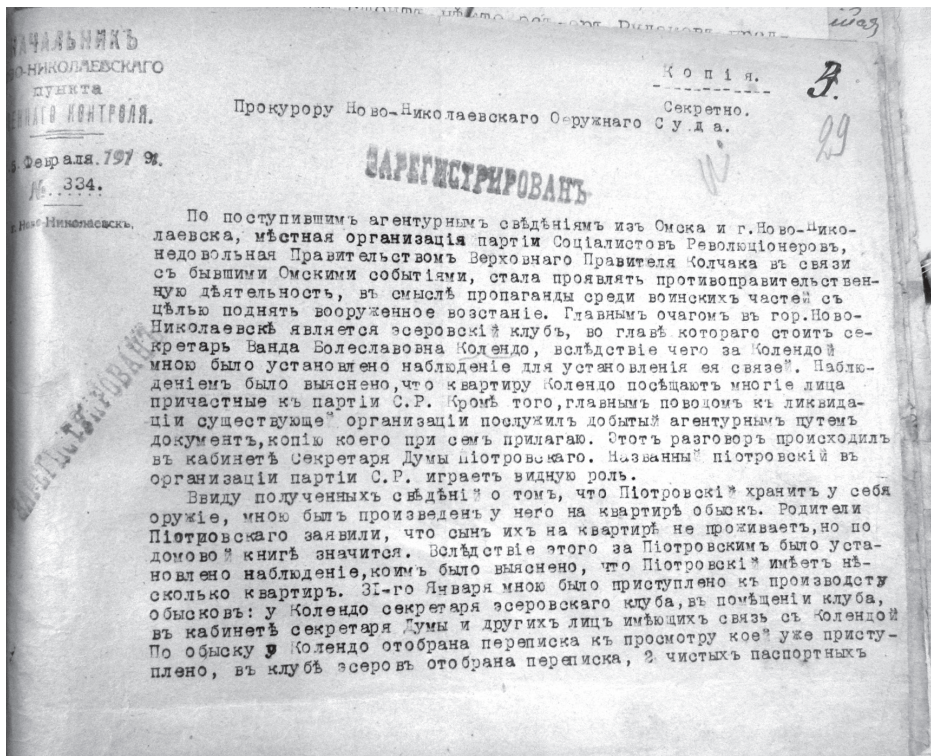
Б. Я. Овчуков.
Государственный архив
Новосибирской области

²⁵ Ладыгин И. В. Ново-Николаевск в военном мундире. 1904—1920 гг. — Новосибирск, 2013, с. 128, 130, 131.

²⁶ ГАРФ. Ф. 533. Оп. 3. Д. 1406.

²⁷ Ладыгин И. В. Ново-Николаевск в военном мундире. 1904—1920 гг. — Новосибирск, 2013, с. 128, 130, 131

²⁸ РГВА. Ф. 21371. Оп. 1. Д. 2394. Л. 27; Государственный архив Новосибирской области. П-3. Оп. 17. Д. 4357.

**Донесение ротмистра Посникова.
Государственный архив Российской Федерации**

при Ставке полковник Н. П. Злобин, его помощник полковник В. П. Иевлев, генерал-лейтенант Н. А. Лохвицкий, начальник контрразведки штаба 2-й армии капитан Н. А. Иванов, начальники новониколаевской контрразведки ротмистры Посников и Плотто.

Военной контрразведке стали известны планы заговорщиков на территории от Омска до Владивостока (в частности, в рядах новониколаевских мятежников был агент, передававший планы и протоколы заседаний) — о готовящемся восстании и его политических целях было донесено лично адмиралу Колчаку.

Одновременные выступления в сибирских городах намечались на 17—19 ноября 1919 г., но нигде, кроме как во Владивостоке, они не состоялись, так как в остальных местах были заблаговременно стянуты верные правительству части. У мятежников тоже были свои люди в контрразведке, что позволяло им принимать ответные меры вплоть до выявления и устранения осведомителей (например, были убиты двое агентов во Владивостоке и Иркутске, а ряд других после угроз перестали сотрудничать с контрразведкой).

Не все ключевые участники новониколаевского заговора участвовали в заседаниях комитета по подготовке мятежа, что позволило многим из них уцелеть, поскольку их фамилии не фигурировали в протоколах. Относительно участия в заговоре полковника Ивакина у контрразведки конкретных доказательств не было, но он был на подозрении.

В конце ноября 1919 г. Ивакин был вызван в эшелон к генералу Сахарову, находившемуся в Ново-Николаевске. Сахаров в лоб спросил, есть ли в его части люди, сочувствующие эсерам, на что получил прямой ответ: «Так точно, иначе и быть не может. Наша армия — сибирская, а вся Сибирь — эсеры»²⁹. Сахаров и

²⁹ Сахаров К. В. Белая Сибирь. Внутренняя война 1918—1920 гг. — М., ГПИБ, 2017.

оказавшийся тут же атаман Сибирского казачьего войска П. П. Иванов-Ринов провели с полковником воспитательную беседу — разговор у них не получился, но генералы взяли с Ивакина честное слово не допускать в распоряжение части штатских лиц и не стали его задерживать.

Находясь в Ново-Николаевске, командующий Восточным фронтом белых Сахаров уже понял, что никакой обороны здесь организовать не получится, — новому главному генералу Каппелю потом осталось только отменить приказ об операции в районе Ново-Николаевска...

По мнению контрразведки, заговорщики в Ново-Николаевске планировали выступить после того, как адмирал Колчак и основные части польских войск покинут город (подтвержденных сведений о планах арестовать Колчака в Ново-Николаевске, как указывается в ряде исторических работ, пока не обнаружено), а к городу приблизятся войска Красной армии. По мнению ряда исследователей, с наступающими войсками Красной армии была установлена связь (авторами пока подобные документы не найдены). Самого адмирала планировалось арестовать на станции Тайга; в случае неудачи русских частей это должны были сделать чехи (как и произошло в Нижнеудинске), а если бы не смогли и чешские войска, то арестовать адмирала должны были американцы³⁰.

Начальник гарнизона Ново-Николаевска полковник И. Г. Макри пытался убедить генерала Войцеховского начать аресты подозреваемых, но не смог...

По мнению авторов, учитывая то, что в Ново-Николаевске располагались многочисленные и хорошо вооруженные польские части (три стрелковых полка и один кавалерийский, артиллеристы, штурмовой, инженерный и запасной батальоны, жандармерия — всего более 12 000 солдат), мятежникам было необходимо каким-то образом заранее исключить возможность боестолкновений с поляками, которые на момент выступления еще могли быть в городе. Без нейтрализации поляков тем или иным способом начинать мятеж было бы безрассудством — силы были слишком неравны. И косвенные свидетельства в пользу этого существуют: в своих показаниях Пославский писал, что выступление поляков 7 декабря 1919 г. было «предательским»³¹, также офицер Барабинского полка И. И. Болыгченцев в автобиографии указывал на «предательское выступление» поляков³².

Это позволяет выдвинуть версию о том, что накануне мятежа с польской дивизией имелось некое соглашение: возможно, с поляками договаривались не только эсеры, но и их союзники большевики, поскольку в 5-й польской дивизии существовало мощное большевистское подполье (4-й польский полк весной 1919 г. даже взбунтовался, и другие польские части вели с ним бой, после которого 4-й полк был расформирован)³³ и для таких переговоров у большевиков были и возможности, и соответствующая агентура.

Со стороны новониколаевских большевиков польскую дивизию курировали многие подпольщики и агенты, а подходящим лицом, могущим вести переговоры со стороны командования Красной армии (лично либо через указанных лиц), представляется помощник командующего Восточным фронтом красных, член РВС 5-й Красной армии, поляк по происхождению Игнатий Леонович Дзевалтовский, революционер с довоенным стажем. Помимо того, что в его распоряжении были ресурсы разведки Красной армии, он обладал личными связями в Ново-Николаевске среди старших офицеров-поляков. Один из активных участников мятежа и вовсе был давно знаком с Дзевалтовским, а переговоры по

³⁰ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 132.

³¹ РГВА. Ф. 21371. Оп. 1. Д. 2394. Л. 34—38.

³² Государственный архив Алтайского края (ГААК). Р. 312. Д. 268. Л. 9—12.

³³ Dyboski R. Siedem lat w Rosji i na Syberji (1915—1921). — Krakow, 1922, p. 128. (На польском языке.)

времени совпали с переговорами между Антантой и правительством Пилсудского об установлении будущей границы между Польшей и РСФСР³⁴, поэтому вполне возможно, что в ходе переговоров стороны вели консультации с советским правительством, вследствие чего просьба большевиков о нейтралитете в Ново-Николаевске могла найти понимание у польской стороны.

Судя по упомянутым фразам Пославского и Большенцева, представляется, что сначала со стороны польской дивизии заговорщикам был обещан нейтралитет, однако накануне выступления поляками были взяты под стражу большевики из числа польских солдат и русских — их поместили на гауптвахту в Военном городке, где была расквартирована часть польских войск (связано это с провалом переговоров по границе или нет, авторы утверждать не могут). Заговорщики, поняв, что что-то пошло не так и арестовать могут их всех, а мятеж не удастся, были вынуждены начать выступление. Возможно, аресты произвела жандармерия, которая, например, не участвовала в договоренностях, — этот момент еще предстоит исследовать...

Итак, ранним утром 7 декабря 1919 г. мятеж начался!

К «барабинцам» присоединилась часть 1-го Ново-Николаевского полка, часть военно-топографического училища и большевистские подпольные рабочие дружины — мятежники захватили ряд стратегических объектов: комендатуру, гарнизонное управление, тюрьму и другие здания. На Военный городок с целью освободить арестованных товарищей и заблокировать польским частям выходы из городка напал отряд Бориса Овчукова, но проиграл бой польским частям — погибших овчуковских бойцов и нашли потом красные в овраге р. Каменки у Военного городка.

Основной отряд мятежников отправился на вокзал — арестовывать командующего 2-й армией генерала С. Н. Войцеховского. Вот как вспоминал об этих событиях начальник штаба 2-й армии генерал С. А. Щепихин: «Я сидел с Войцеховским и мирно беседовал. Около 12 ч. н. я прошел на вокзал, проверил коменданта (очередь лежала на шт.-капитане — начальнике отдела штаба) и пост, и снова вернулся к Войцеховскому. Около часу ночи вокруг поезда, при абсолютной тишине на станции вообще, послышались какие-то шорохи... Сначала я не обратил внимание, а затем встал и направился к выходу, желая проверить в чем дело. На ступеньках нос к носу столкнулся с комендантом поезда генералом Семеновым, который мне спокойно доложил: вагон командующего отцеплен от поезда, в голове и хвосте эшелона на путях поставлены пулеметы, какие-то вооруженные люди толпятся возле моего вагона со стороны пакгаузов, а одиночные вооруженные солдаты в папахах ходят между нашим эшелонем и первым польским с строгим окриком: “сидеть по вагонам смирно, иначе будем стрелять”»³⁵.

Мятежники отцепили вагон Войцеховского и попытались его укатить от эшелона, не зная, что самого генерала в вагоне нет. Начальник штаба генерал Щепихин в своих воспоминаниях писал, что полковник Ивакин среди мятежников на станции отсутствовал.

По распространенной версии «ивакинцы» забыли (или не смогли) отключить телефоны на станции, и генерал Войцеховский сумел связаться с полковником Румшей, начальником 5-й польской дивизии³⁶. На самом деле телефоны на вокзале были отключены, а Войцеховский вместе со своим начальником штаба проскользнули под вагонами и добрались до вагона Румши, так как польские эшелоны также стояли на ст. Ново-Николаевск. Румша, бывший кадровый

³⁴ Мельтюхов М. И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918—1939 гг. — М., 2001.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р6605. Оп. 1. Д. 10.

³⁶ Шиловский М. В. Новониколаевск осенью-зимой 1919 г. URL: <http://bsk.nios.ru/content/novonikolaevsk-osenuyu-zimoyu-1919-g.html> (дата обращения: 03.10.2020).

офицер Русской армии, дал команду дежурной роте, и поляки арестовали мятежников. Вот как описывал это со слов неких очевидцев Вс. Иванов: «Очевидцы рассказывали, что отряд этот (“барабинцев”. — И. Л., Ю. Г.) долго стоял на перроне в нерешительности. Так же точно держалась и охрана штаба 2-й армии. Но тут вмешался начальник штаба польской дивизии полковник Румша и арестовал всех чинов отряда. Схвачены были и другие барабинцы, в том числе полковник Ивакин»³⁷. Аркадий Васильевич был арестован полковником Макри.

Общие потери Барабинского полка в ходе мятежа прапорщик Большенцев оценивает в 19 человек офицеров и 100 солдат³⁸, полные потери других частей неизвестны, но всего было убито, повешено и расстреляно 33 офицера.

Почему Румша пришел на выручку Войцеховскому? У авторов имеются лишь предположения, которые нуждаются в дальнейшей проверке...

Кроме польских частей, в подавлении мятежа участвовали и русские подразделения, в основном из состава 2-й армии, оставшиеся верными Войцеховскому и адмиралу Колчаку³⁹, при этом личный состав частей в Ново-Николаевске разделался: одни солдаты и офицеры поддержали заговорщиков, другие — нет. Ряд полков узнал о мятеже вообще после его подавления, так как белые подразделения в виду нехватки помещений располагались в разных частях города и его пригородах. Ну а некоторые части заняли выжидательную позицию; например, спешивший для участия в восстании 3-й отдельный Образцовый егерский полк (на который очень рассчитывали мятежники) под командованием полковника Григория Ивановича Окунева (предположительно, он был завербован эсерами в Омске) остановился в пригороде Ново-Николаевска и не принял участия в боях, а его командир тайно отправился в город, чтобы выяснить обстановку. Причем пошел Окунев не куда-нибудь, а напрямик на явочную квартиру руководителя мятежа Пославского, где и узнал о провале, — еще одно свидетельство того, что выступление началось раньше намеченного⁴⁰.

Предположительно, 3-й Егерский полк должен был ворваться в Ново-Николаевск по железнодорожному мосту, предназначенному ко взрыву по плану офицера штаба 2-й армии полковника А. С. Кононова, но по вышеупомянутой причине мост полком захвачен не был, а позже, при штурме города частями Красной армии, он был подорван.

* * *

После разгрома боевых отрядов мятежников начались аресты, однако многим заговорщикам (в том числе и Пославскому) удалось скрыться.

2-й Барабинский полк по приказу Войцеховского был расформирован, многие его чины скрывались по частным домам и соседним деревням — так, например, участник мятежа офицер Барабинского полка прапорщик И. И. Большенцев прятался в погребах в пойме р. Каменки, а после взятия города Красной армией (14 декабря) вступил в ее ряды; так же поступил и прапорщик А. П. Быков. Несколько офицеров-барабинцев не пошли на службу в Красную армию и в итоге оказались в эмиграции.

В декабре 1919 — январе 1920 г. из уцелевших «барабинцев» был сформирован 2-й Советский Барабинский полк⁴¹, что также свидетельствует о заслугах «барабинцев» перед советской властью в ходе мятежа. Ново-Николаевский же полк расформирован не был и с другими частями белых продолжил отступление

³⁷ Иванов Вс. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток, 1994, № 12.

³⁸ ГААК. Р. 312. Д. 268. Л. 9—12.

³⁹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Дело № 20820.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. Р3917. Оп. 14. Д. 1131.

⁴¹ Ладыгин И. В. Новониколаевск в военном мундире. 1904—1920 гг. — Новосибирск, 2013, с. 128, 130, 131.

на восток, получившее потом название Великого Сибирского Ледяного похода. По воспоминаниям командира 3-го Барнаульского полка полковника Камбалина — в тайге полк сдался в плен к красным⁴².

Кадет Сибирского кадетского корпуса С. Марков, отступавший через Ново-Николаевск, позднее в эмиграции прямо обвинил все части из Ново-Николаевска в предательстве: «...До Ново-Николаевска шли с надеждой на восстановление фронта, рассчитывая на сибирские части... Но в Ново-Николаевске стало ясно, что сибирские части перешли на сторону красных»⁴³.

Арестованных участников мятежа, которых не убили сразу после его подавления, поляки разместили в новониколаевской городской тюрьме (по сведениям из вторичных источников — также и в городском арестном доме) — в частности, подпоручика Капустина, прапорщика Удриса, штабс-капитана Рушковского; там же полякам удалось собрать и часть заключенных, выпущенных накануне мятежниками.

Утром 9 декабря 1919 г. польский караул передал здание тюрьмы под охрану русским частям и, согласно воспоминаниям уцелевшего заключенного, вместо поляков на охрану заступили некие «анненковцы»⁴⁴ (однако во втором экземпляре воспоминаний этого же автора «анненковцы» не упоминаются). По воспоминаниям сестры заключенного тюрьмы Г. Н. Овечкина, «белобандиты» устроили расправу над заключенными большевиками и мятежными офицерами: уводили группами во двор и там убивали разными способами. Затем трупы были вывезены в овраг на Вагановской улице (ныне — ул. Фрунзе). Казнено порядка 100 человек⁴⁵ из числа политических (большевики, эсеры) и участников мятежа.

Списки заключенных были уничтожены при взятии тюрьмы мятежниками, поэтому, чтобы отделить политических — большевиков и «ивакинцев» — от уголовных, в тюрьме была произведена фильтрация. Мятежников из числа военных выдавала соответствующая форма, а среди одетых в гражданскую одежду были не только политические, но и уголовники. Согласно воспоминаниям другого уцелевшего заключенного, в тюрьму прибыл «комендант города, который любезно собрал нас в кружок, произнес речь. Многие из наших товарищей поверили его льстивым словам и открылись ему по душам, благодаря чему тот час же были отселены в отдельную камеру. ...Товарищи — назвавшиеся своим настоящим именем, около сорока человек, в ночь были заколоты в подвале тюрьмы»⁴⁶.

Убиты они были, предположительно, по устному приказанию начальника штаба 2-й армии генерал-майора С. А. Щепихина, а исполнили приказ чины Отряда особого назначения 2-й армии под командованием полковника И. Г. Макри и Ново-Николаевского конно-партизанского отряда под командованием помощника командира подпоручика Семенова⁴⁷. Практически все трупы, найденные потом красноармейцами, были изуродованы.

На взгляд авторов, уцелевший заключенный в своих воспоминаниях ошибочно назвал «комендантом» полковника Макри — он был начальником гарнизона города⁴⁸ (и метод фильтрации заключенных очень похож на то, как полковник Макри отделял коммунистов от прочих пленных во время Сибирского Ледяного похода на ст. Зима), но для штатского человека что комендант, что начальник гарнизона — по сути, одно и то же.

⁴² Забытый полк. Страницы истории 3-го Барнаульского полка Белой армии. — Барнаул, 2009.

⁴³ Марков С. Пятьдесят лет тому назад // Великий Сибирский Ледяной поход. — М., 2004, с. 190.

⁴⁴ Известия Барабинского уездного ревкома, 1920, № 13, 18 февраля.

⁴⁵ «Воспоминания ново-николаевской подпольщицы М. Н. Сухаревой-Овечкиной о событиях 1919 года, записанные ею со слов ее брата, заключенного ново-николаевской тюрьмы». Машинописная копия без даты с рукописными правками. Хранится в Новосибирской государственной областной научной библиотеке.

⁴⁶ Известия Барабинского уездного ревкома, 1920, № 13, 18 февраля.

⁴⁷ Архив УФСБ по Новосибирской области. Дело № 20820.

⁴⁸ Архив УФСБ по Новосибирской области. Дело № 20820.

Комендант Ново-Николаевска был снят со своей должности как не справившийся со своими обязанностями и сразу после подавления мятежа из города бежал⁴⁹.

Было назначено следствие по делу о мятеже, и создан военно-полевой суд под председательством генерал-майора Валериана Владимировича Семенова, генерала для поручений при С. Н. Войцеховском, а курировал следствие С. А. Щепихин.

Полковника А. В. Ивакина и других мятежников приговорили к смертной казни, однако в отношении Ивакина приговор был приведен в исполнение не посредством расстрельной команды. Согласно показаниям секретаря военно-полевого суда поручика Василия Михайловича Степанищева (до мятежа — адъютант коменданта Ново-Николаевска и одновременно помощник начальника контрразведки, курировавший тюрьму), после суда в купе к полковнику Ивакину зашел генерал-майор Семенов и дал ему револьвер с одним патроном. После того как Семенов вышел, Ивакин застрелился⁵⁰.

Авторы предполагают, что информацию об убийстве Ивакина при попытке к бегству распространило командование 2-й армии, чтобы избежать развития конфликта с генералом Пепеляевым, по прямому проводу потребовавшим освобождения полковника.

Жизненный путь Аркадия Васильевича Ивакина, крещенного в Ново-Никольской церкви, закончился в Ново-Николаевске, который в обиходе называли Ново-Никольском или просто Никольском... И в решении его судьбы принимали участие люди, которые тоже были связаны с Симбирском, как и он... Могила полковника Ивакина не сохранилась — предположительно, на ее месте теперь жилой дом.

Нанесенный заговорщиками в Ново-Николаевске и других городах удар в спину белому фронту стал причиной окончательной катастрофы антибольшевистского движения на Востоке и одним из факторов сокрушительного поражения режима адмирала Колчака.

Практически все мятежники из числа военных, оставшиеся в СССР, были расстреляны по так называемому «делу генерала Болдырева» в 1933 г., а участников мятежа из числа эсеров и большевиков пули настигли в разное время — в основном в 1920 и в 1937—1939 гг.

Данная статья не является законченной работой по исследованию «мятежа Барабинского полка», в ней приведены не все факты, обнаруженные в ходе исследования, — есть много вопросов, на которые необходимо найти ответы, и работа продолжается.

Авторы обращаются ко всем потомкам участников событий декабря 1919 г. в Ново-Николаевске — подпольщиков, солдат и офицеров Барабинского и Ново-Николаевских полков, заключенных — с просьбой откликнуться и выйти на связь для установления полной картины прошлого.

Р. С. В качестве приложения к данной статье публикуются воспоминания упоминавшегося генерал-майора С. А. Щепихина, начальника штаба 2-й армии, непосредственного участника событий.

Р. Р. С. Помощь в написании статьи оказали пермский исследователь М. Г. Ситников (ныне покойный), С. П. Березовский (г. Куйбышев Новосибирской области) и В. Ласкажевски (Польша).

⁴⁹ Архив УФСБ по Новосибирской области. Дело № 21222пф.

⁵⁰ Архив УФСБ по Новосибирской области. Дело № 20820.

Сергей ЩЕПИХИН

КОНЕЦ БЕЛОГО ДВИЖЕНИЯ В СИБИРИ

Сергей Арефьевич Щепихин (1 октября 1880 — 18 марта 1948) — уральский казак, участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн. Генерал-майор Генерального штаба. Участник Великого Сибирского Похода.

С 12.11.1919 г. — начальник штаба 2-й армии белых. С 27.01.1920 г. — начальник штаба Главнокомандующего Восточного фронта белых, затем начальник штаба войск Российской восточной окраины.

Награжден знаком отличия военного ордена «За Великий Сибирский Поход» 1-й степени (удостоверение № 4, приказ командующего войсками Российской восточной окраины Генерального штаба генерал-майора Войцеховского С. Н. № 213 от 27.04.1920 г.).

В мае 1920 г. генерал Щепихин С. А. оставил свой пост и выехал из Читы в Китай, затем отправился в Константинополь.

Проживал в Турции, впоследствии — в Чехословакии, где занимался литературным трудом. Автор воспоминаний о Гражданской войне. В апреле 1933 г. часть своих рукописей передал в США, в архив Гуверовского института мира, войны и революции при Стэнфордском университете. Умер в Праге, похоронен на Ольшанском кладбище.

Публикуются фрагменты неизданных воспоминаний (Прага, 1930; источник — Государственный архив Российской Федерации). Орфография и пунктуация подлинника большей частью сохранены.

...27 ноября вечером прошли мост и втянулись к Николаевскому вокзалу. Лишь на другой день, к обеду нас подали к самой станции на второй путь. Одновременно с нашим приходом в Николаевск эшелон Сахарова вышел на восток.

Сахаров нам оставил ориентировку следующего характера:

1) Штаб Главнокомандующего будет на ст. Тайга; здесь же или на ближайших станциях к Востоку расположатся эшелоны Верховного, — во всяком случае Верховный армию не покинет.

2) От ст. Тайга магистраль временно закупорена чешскими эшелонами...

* * *

... Тут опять п-ка Макри донесение: в городе тревожно; Барабинцы волнуются (это полк Ивакина, армии Пепеляева, гарнизон Николаевска).

Среди населения шнырят подозрительные типы! Через агентуру Макри, наконец, выясняет, что в полку получен приказ Пепеляева арестовать Войцеховского, что одновременно будут арестованы Колчак и Сахаров на с. Тайга. Цель арестов — провозглашение какой-то Земской Сибири, где орудовать предполагают братья Пепеляевы: в руках одного должна быть сосредоточена высшая власть, а в руках другого — гражданская. Откуда вынырнул другой брат, мы

не знали. Пепеляевых я и в глаза никогда не знал — это детище гражданской войны — один — шт.-капитан, другой — учитель. Отца ихнего, бригадного командира 11 Сиб. див. в Омске я знал еще до войны.

Что делать? Доложил Войцеховскому. Он вызвал Маκρι, но последний не смог убедить камандарма, и все осталось по-прежнему. Маκρι по несколько раз в день бывал у меня и все настаивал на своем. Тогда я приказал начальнику охраны штаба шт.-капитану быть наготове. Команда, состоящая из молодых солдат, помещалась с нами в одном эшелоне. Маκρι уверял, что люди ненадежны и предложил своих охранников. Я отклонил это предложение, указав ему пристальней следить в городе за казармами. Где был Ивакин никто не знал, и он на мои повторные приглашения не появлялся. Но он без сомнения был в городе. На всякий случай я все сведения Маκρι передал начальнику польской дивизии Румше. Польские эшелоны занимали все пути на станции и комендатуры станции. В городе их не было вовсе. Вели себя поляки тихо, с нами и вообще с русскими не общались. Я, гуляя между эшелонами, приглядывался к их жизни. Размещались они очень широко, особенно семейные. Семейный офицер обычно занимал половину американской теплушки; в другой помещался дежурный с несколькими солдатами-приятелями; в центре была прикладная, где был сложен багаж и всякого рода запасы. Нужды в продовольствии поляки не испытывали, и часто мы у них покупали продукты; больше всего масло сибирское в бочонках из Барнаула и мороженое мясо. Наш эшелон располагался так:

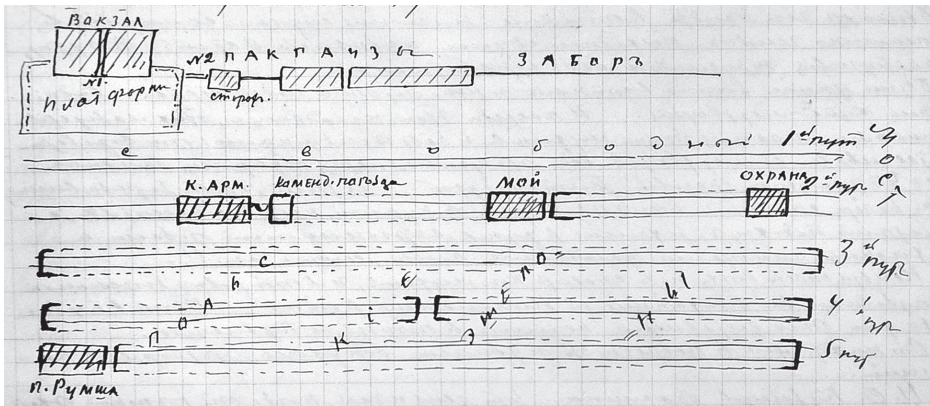

Рисунок расположения эшелона из рукописи С. А. Щепихина.
Государственный архив Российской Федерации

Выход с путей, окруженных заборами, как это обычно бывает на всех станциях, был или через здание вокзала (№ 1) через калитку возле самой платформы (№ 2).

Платформа сильно выдвигалась над путями и была с боков обнесена железной решеткой. На вокзал у входа со станции обычно стоял наш пост и пост от поляков; в дежурной комнате два коменданта: русский и поляк. Ночью нашего коменданта заменяли по очереди офицер моего штаба, дежуривший заодно и при телеграфе; польский комендант уходил спать в вагон. На платформе никого, особенно ночью. Калитка (№ 2) на ночь запиралась, и ключ был у сторожа, помещавшегося рядом с калиткой в будке. Станция, платформа и весь промежуток между штабным поездом и пакгаузами освещался полные сутки: у станции свет был сильный, ослабевая в направлении хвоста эшелона. Район между нашим и польскими эшелонами был в мраке.

В ночь с 6-го на 7-е Декабря, после ужина в вагоне Войцеховского, публика вся разошлась спать: жена чувствовала себя не совсем хорошо и легла

спать в нашем вагоне (пятый от головы); я сидел с Войцеховским и мирно беседовал.

Около 12 ч. н. я прошел на вокзал, проверил коменданта (очередь лежала на шт.-капитане — начальнике отдела штаба) и пост, и снова вернулся к Войцеховскому. Около часу ночи вокруг поезда, при абсолютной тишине на станции вообще, слышались какие-то шорохи... Сначала я не обратил внимание, а затем встал и направился к выходу, желая проверить в чем дело.

На ступеньках нос к носу столкнулся с комендантом поезда генералом Семеновым, который мне спокойно доложил: вагон командующего отцеплен от поезда, в голове и хвосте эшелона на путях поставлены пулеметы, какие-то вооруженные люди толпятся возле моего вагона со стороны пакгаузов, а одиночные вооруженные солдаты в папах ходят между нашим эшелонем и первым польским с строгим окриком: «сидеть по вагонам смирно, иначе будем стрелять». Охранная рота при вагоне вылезать боится, хотя люди все проснулись и во всяком случае без своих командиров, дежурящих на станции, они ничего предпринять не решаются. На вокзал пройти нельзя — при входе на платформу стоит пост и никого не пропускает...

Я доложил Войцеховскому, предложил ему выйти тихо из вагона и ждать, пока я выясню подробности.

Своего ординарца Рыкова я послал немедленно к полковнику Румша доложить ему о случившемся и получить у него разрешение временно посадить к нему в объект Войцеховского.

Сам я прошел к себе в вагон, разбудил адъютанта пр. Жданова и приказал ему, не будя жену, никого в вагон не пускать, распереть двери. Как ни тихо я с ним беседовал, но жена услышала и сразу, инстинктивно решила одеваться.

Я прошел через вагон и на второй площадке увидел вооруженного часового. «Что ты здесь делаешь? Я начальник штаба армии!» Часовой стал смирно и доложил, что его сюда поставил старший. Я открыл дверь на пакгаузы, взял руку солдата под мышку и осторожно его вытолкнул, помогая спуститься по обледенелым ступенькам вагона.

У дверей стояло человек двадцать вооруженных солдат и те накинулись с расспросами на часового. Шума особенного не было, так как солдаты неизменно говорили шепотом и вполголоса. «Что вам здесь угодно?», «Кто вас сюда вызвал?», «Ступайте по домам?». Солдаты вытянулись и один за всех отвечал: «Мы здесь по приказанию п-ка Ивакина, кого-то, сказывали, будем арестовывать. Если прикажете, мы, слушаюсь, уйдем. Да вот идут и наш капитан».

«Вы чего здесь галдите, расходитесь по вагонам. Никого не впускай и не выпускай» — грубо приказал капитан. «Чего? Я начальник штаба армии».

— Вот вас-то мне и надо. Ребята, хватай его! — крикнул капитан.

Я вынул револьвер.

«На штыки его!» — иступленно крикнул капитан.

Я захлопнул и запер дверь и по внутреннему ходу через площадку прошел в офицерский вагон. Там уже никто не спал. Я приказал всем быть наготове — одеться, вооружиться и по первому моему требованию выйти из вагона. Коменданту приказал установить наблюдение за пришедшими — никто не выйдет (отцепит?) из вагона, и ждать распоряжений. Сам я вышел в темный промежуток в сторону польского эшелона, и мне навстречу вынырнул Рыков с докладом, что п-к Румша просят меня и командующего в свой вагон. Я пошел к вагону Войцеховского. У вагона трудились человек десять солдат, стараясь спихнуть вагон с места. Распоряжался все тот же капитан.

Около полуроты вооруженных людей стояли возле платформы. Пулеметчики подпрыгивали возле пулемета, но ничего не предпринимали против нас — очевидно считали, что это свои, а капитан так был занят пустым вагоном, что ничего не замечал вокруг. Адъютант командующего оставался в вагоне и смотрел в окно — свет в салоне был потушен.

Увидев меня, адъютант показал рукой место, где между польскими вагонами стоял Войцеховский. Мы с ним нырнули под первый польский эшелон, затем под другой и очутились на нейтральной почве. Цель к вагону п-ка Румши нам показал Рыков.

Румша со своими штабными встретил нас любезно и приказал подать чаю. Войцеховский рассказал в чем дело и какой силы банда. Румша выслушал внимательно и серьезно и сказал: «Это штучки старого знакомого Ивакина. Он собирался арестовать Колчака и Сахарова... Капитан, возьмите дежурную роту и наведите порядок!..»

Через полчаса Румша доложил, что порядок наведен. Мы поблагодарили и отправились к себе. На душе было скверно; мы мрачно молчали.

— Заметили Вы, С. А., улыбочки польских офицеров? — сказал Войцеховский.

— Да, но все же поведение Румши считаю рыцарским! — ответил я.

Спать мы не ложились. Снова чай. Пришла жена. Я занялся разбором дела. Оказалось следующее. Начальник охраны штаба, по-видимому, знал заранее о готовящемся покушении, так как сам напросился у генерала Семенова на дежурство по станции, чтобы не быть в эшелоне. Когда я приказал за ним послать, его не нашли — он бесследно исчез. Вот под чьей охраной мы находились.

Команду я приказал разогнать, отправить в обоз при первом же случае и заменить охранниками Макри. Поляки, по рассказу Семенова, очень быстро покончили с Барабинцами. Рота выстроилась на платформе, и офицеры приказали очистить путь — Барабинцы беспрекословно повиновались и все смылись в город. Попытки со стороны Семенова задержать Барабинцев не удалось. Польский командир этого не позволил, опасаясь, видимо, кровопролития. Так мы ни одного свидетеля и не получили. Я отправился на вокзал с целью переговорить с Макри, но провод был испорчен.

На заре явился сам Макри и доложил, что в городе так же было выступление — Ивакин вывел полк на улицы и хотел его вести на вокзал. Задержанная вышла из-за ораторов, которые призывали полк к энергичным действиям: «Арестуйте штаб армии, а генерал Пепеляев в то же время арестует Сахарова и Колчака — вот Вам и конец гражданской войны... Вы вот сейчас же пойдете по домам; большевики тоже устали и будут рады прекращению братской войны... Они мстить никому не будут, не бойтесь, только расквитаются с генералами, которых мы выдадим революционному суду...» — «Ура!» «Да здравствует Революция».

Затем Макри рассказал, что он со своей охранной ротой пытался задержать полк, открыл стрельбу... стрельба на вокзале не была слышна! Вообще в эту тревожную ночь не было сделано не одного выстрела... Я думаю, что Макри сильно все приукрасил. Ведь он так жаждал генеральский чин!

Барабинцы днем были все в казармах и ожидали репрессий... Макри послан был в полк пригласить к командарму Ивакина... Ивакин без сопротивления сдался: «Я не хочу навлекать на солдат гнев командующего. Я всю кашу заварил, я ее буду расхлебывать».

Около полудня Ивакина привезли ко мне в купе. Это был бравый офицер; ниже среднего ростом; рыжеватый блондин; худой и стройный. Вошел и представился. Я придвинул ему стул. Он сел и, вынув из кобуры револьвер, положил его ко мне на стол. Оказалось, что он получил категорический приказ Пепеляева произвести арест Войцеховского. Только одного, не касаясь штаба. Арестованного приказано было доставить на ст. Тайга, однако к этому времени Пепеляев предполагал арестовать Колчака и Сахарова.

— А дальше?

— Дальше мы думали объявить прекращение гражданской войны и мир с большевиками.

— Кто еще знал об этом?

— Никто кроме меня. Солдатам я объявил в последние минуты и приказания отдавал именем Верховного.

— Вам известно, что ни Колчак, ни Сахаров Пепеляевым не арестованы?

— Не знаю, думаю, что еще не арестованы, но их ареста надо ждать с минуты на минуту, — уверенно ответил Ивакин.

— Знаете, что Вас ожидает?

— Да, расстрел! Я на это шел, но сорвалось. Что ж судьба!

Ни один мускул не дрогнул на его лице...

— Вы что же убежденный эсер или большевик?

— Нет, я никогда им не был, но случайно наши дороги сошлись.

Я передал Ивакина Войцеховскому, а сам пошел на телеграф.

Пепеляев уже знал о неудачном выступлении, о его аресте и требовал освобождения, иначе он, Пепеляев, не ручается за спокойствие частей первой армии. Я ответил, что Ивакин находится в полном распоряжении Войцеховского и с ним будет поступлено по закону военного времени.

— Если хоть один волос упадет с его головы, вся 2 армия за него ответит и в первую очередь Вы и Войцеховский! — задорно сказал Пепеляев. Я обозлился такой наглости. Человек намеревался своего же белого генерала арестовать и выдать большевикам на расстрел, а этот тип еще и угрожает.

«Что касается волос, генерал, то ручаюсь, что ни один не упадет, а вот насчет головы затрудняюсь дать ответ... и дальше не трудитесь ходатайствовать за него, так как этим набрасываете сильную беду и на себя — не было ли все это инсценировано Вами... у нас есть кое что по этому вопросу...»

Пепеляев, ничего не ответив, отошел от аппарата, а на другой день арестовал Сахарова. Колчака на ст. Тайга уже не было. Капшель и Войцеховский послали свой протест против ареста, но Верховный рассудил иначе: Сахарова сменил; предложил пост Дитерихсу, а затем Капшелю.

10.II. Капшель выехал на ст. Тайга... выручил Сахарова и занял от него пост Главнокомандующего. Перед отъездом в Н. Николаевске было небольшое совещание, на котором было решено: всякий план удержаться на линии р. Обь надо оставить; постараться за Обью привести части в порядок и в этом порядке возможно быстро пройти через Томск в Кузнецкую тайгу. Всякое попечение об эшелонах беженцев, что застряли к западу от р. Обь, оставить: их уже не спасти, но им надо честно заявить, что все, кто не желает оставаться у большевиков, должны пересечь на сани. Лишь больные будут доставлены на правый берег Оби и здесь распределены по лечебным учреждениям Николаевска и Томска...

**«ХОЧУ БЫТЬ ДОМА
ВО ВСЕЙ СВОЕЙ РОДИНЕ,
А НЕ В ОДНОМ УГЛУ...»**

*Из переписки Валентина Курбатова
и Валентина Распутина*

*В. Распутин — В. Курбатову
07.08.1995, Иркутск*

Твои письма пришли с перерывом дней в пять-шесть, но с тех пор минуло недели две, а может быть, и больше, как я получил последнее. Но тут уже вмешалась не одна моя лень, которой я предаюсь во всю ивановскую, а кое-что поинтереснее. Это кое-что — случившийся со мной удар, выбивший меня из памяти примерно на час. Нечто подобное со мной уже бывало, но слабей и короче, и, возвращаясь в память, я себя сразу находил, а тут еще потребовалось время, чтобы вспомнить, кто я и где я. Это произошло на даче, и хорошо, что сразу отыскались врачи. Поначалу решили, что это инсульт, из породы шадящих, но теперь пришли к выводу, что это, скорей всего, тромб мозгового сосуда. Позволено даже не ложиться в больницу. Но напугали жену, что необходимо находиться в состоянии покоя; я и сам люблю находиться в этом состоянии, однако с женой мы расходимся в понимании покоя, а потому покоя нет, начинаю бунтовать и рваться за ягодой. Но беда в том, что мы слишком долго прожили вместе, и все мои хитрости, даже приготовления к ним, она знает назубок.

Летом не работал. Я это и предвидел и не особенно огорчаюсь. Поэтому ничего нового к книжке больше, вероятно, не добавлю. Издательство молчит, а я в Иркутск не взял ни фамилии редактора, ни его телефона. Что молчит — может быть в порядке вещей, поскольку договаривались мы возобновить отношения в октябре. Но сейчас все ненадежно. Мне не хотелось бы, чтобы ты делал напрасную работу. Я, кажется, давал тебе телефон редактора — может быть, при удобном случае позвонишь? Я даже не помню в точности (тоже говорил тебе), что они собираются брать. «Живи и помни» — да, рассказы — да... и, кажется, «Пожар». Память свою я давно пустил по ветру, а тут и последнюю, видимо, вытряхнуло. Пусть тебя не гнетет это предисловие, говори, что считаешь нужным по поводу последних рассказов, а остальное у тебя есть. Если я даже скажу тебе, что будет и будет ли, в начале сентября, когда я собираюсь съездить в Москву, ты успеешь, можно ведь потянуть и до ноября.

А рассказы... в дополнение к прошлогодней подборке в «Москве» («В одном сибирском городе», «Сеня едет» и «Россия молодая») два рассказа в 7-м номере «Москвы» и тот, который ты читал в 8-м «Нашего современника».

Один рассказ из последних в «Москве» тебе, наверняка, «не придется». Так и аттестуй его. Я доверился в нем тому, куда меня повело, а написав, не стал прятать. Я почти никогда ничего не писал по «воле», все по «безволию», а оно тоже сдает.

Никак не могу согласиться с тобой в полном оправдании В. П.¹, что бы он ни говорил и ни делал, широтой его могучего таланта и полнотой жизни. Мне кажется, что ты невольно поддался «задаче» — и выполнил ее, находя необходимые доказательства. Доказать можно все, что угодно, когда задаешься такой целью. Ни зла, ни обиды у меня на Астафьева нет, и я искренне надеюсь, что если проживем еще, то и сойдемся, и сдружимся. Но делать это придется заново, потому что того В. П., которого я знал, у которого немало взял и который как человек и как талант был целен и здоров, — того Астафьева уже нет. «Не сотвори себе кумира» — вот о какой заповеди он запомнил. После Толстого, на которого ты ссылаешься как на авторитет, не оглядывавшийся на так называемое общественное мнение, это не кажется тебе столь большим грехом... А вред? Если он прав в своей «органической правде», то ведь правы и черниченки, и нуйкины, и окуджавы, ибо он сознательно рядом с ними встал, рассылая проклятия и требуя расправы. До того и Толстой не доходил. Толстой в споре не участвовал, он поставил себя земным богом и устанавливал законы самовластно. В. П. полагает, что талантом все оправдается и талант из любого кривого положения его выведет и выпрямит, что он не может быть неправ, ибо достиг положения, когда и неправда превращается в правду, если смотреть на нее из вечности. Если [из] последней вечности-то смотреть, то и государство, действительно, только зло, и Россия избилась и никому больше не нужна. Но до вечности-то еще дотянуть надо. Как бы ты отнесся к священнику, который проповедует в храме, что Бога нет? В. П. сейчас со своей кафедры делает то же самое: обязанный от зла спасать, он не оставляет своему читателю никакой надежды. Ты смотришь на его роман с высоты вечности, а те, кто подхватили его и представили к долларовой оплате, ценят совсем по-иному — как оружие, стреляющее по своим. И не ты ли, бросаясь защищать истязаемое пропагандистской сворой тело, говорил, что отказываться от своей истории, какой бы она ни была, смерти подобно... В. П., живший и участвующий в ней, отвергает ее с матом.

Всю жизнь, ты пишешь, осматривался, не договаривал — теперь требуется выговориться. Да уж так ли оглядывался и осторожничал? Кажется мне, что мы и тут поддаемся внушению. Да в тех условиях творилось больше и значительней — потому что чуяли, искали и внимали, фигура умолчания перед читателем таяла, как снежная баба. Не сказал ли тот же В. П. о войне в «Пастухе и пастушке» безжалостней и четче, чем в романе? Но — не истязая героя и читателя. Не говорили ли многие из нас в те «сумерки просвещения» полезней и одухотворенней, чем теперь, когда свет бьет со всех сторон, все известно и все понятно?! Да от этого ярко бьющего света ничего не видно и еще меньше понятно, хочется в укрытие, в тень, в Запрет. Не я говорю — великие говорили, а действительность подтверждает, что на свободном-то полностью выпасе искусство и отравляется. А сострадание превращается в один из пунктов распорядка дня.

В. П. решил, что ему все можно, и ты потворствуешь: ему с его талантом, поднимающимся в необжитые высоты, действительно, все можно. Но если можно великим, если им это прощается и превращается в знаки величия,

¹ Астафьев Виктор Петрович (1924—2001) — выдающийся российский писатель.

если это к тому же щедро оплачивается, то почему нельзя невеликим?² Одним можно по величию таланта, другим по малости. А ответственность — штука, которой распоряжается одна лишь вечность, ну и гуляй трын-трава по некогда великой русской литературе, величие которой нынче приобретает другой нравственный знак.

Это-то как раз и есть идти по течению, а не против, как ты говоришь. Поэтому что то направление, к которому примкнул вольно или невольно Астафьев, победит. И не столь большие для этого теперь потребуются сроки. Монархист Пушкин, кликуша Гоголь, реакционер Достоевский — уж если они были смяты и прокляты, что говорить о нынешних тормозилках! Недолог их испуганный ропот!

Заканчиваю, Валентин. Надеюсь, не обидел ни тебя, ни Астафьева. В. П. я продолжаю любить, но с болью. А с тобой, чует мое сердце, нам еще предстоит поспорить о размерах правды.

*В. Курбатов — В. Распутину
19 марта 1996, Псков*

Ну, каково дома, Валентин? Помогают ли стены закончить новые рассказы? Работается ли? Я чего-то вылетел из ритма и никак не соберусь. И потом меня все несет втягиваться то в один конфликт, то в другой. Теперь особенно в дела Пушкинского заповедника, где все вверх дном, где все разорвано в клочья, потому что слишком много держалось на Гейченко², а тут и он помер, и матушка-система, которая еще могла по инерции поддерживать порядок, пока оглядится новый директор. А теперь времени ни у кого нет и никто не хочет терпеть друг друга ни одной минуты, требуя, чтобы другой немедленно думал так же, как он, иначе на него разом слагается бумага в министерство, администрацию, президенту, патриарху.

И временами видно, как каждая сторона тоскует по своей «чрезвычайке»: расстрелять бы подлеца-противника — и никаких забот, а тут войой, доказывай, терпи. Я получаю по шее отовсюду и всякий раз даю себе слово отступить и заниматься «своим делом», но уж, глядишь, опять пишу письма. Звоню, еду, чтобы опять получить по морде там и тут. Всё то же. Лета жду — уеду в деревню, спрячусь и примусь думать о высоком и вечном. Слава богу, скоро картошку можно готовить для посадки, земельку копать, а там, глядишь, и сенокос поспеет, и уж вот там-то меня никто в городе не найдет.

Разве вот в Красноярске свидимся. Виктор Петрович придумывает какой-то библиотечно-писательский семинар в Овсянке, клянчит деньги и собирается позвать тебя и Белова³, и меня, грешного. И за его бодростью и размышлениями о книжном деле России я слышу тоску навоевавшегося сердца, которое ищет опоры в некогда родных сердцах. Хорошо, если бы это так и было принято и тобой, и Василием Ивановичем. Потом разойтись будет не поздно, но упустить возможность собраться, как встарь, никак нельзя.

Он когда-то сам первый протестовал, когда я говорил о вашей неразлучности, а вот повоевал-повоевал и понял, что все вы друг другу написаны на роду и никуда деться друг от друга не можете, потому что в народном сердце теперь навсегда втроем прописаны.

² Гейченко Семен Степанович (1903—1993) — писатель-пушкинист.

³ Белов Василий Иванович (1932—2012) — выдающийся российский писатель, один из крупнейших представителей деревенской прозы.

Впрочем, найдет ли еще деньги-то — президентские выборы съедят все, что возможно и невозможно. Больно уж много кандидатов — на всех не напасешься.

Увидишь Валу Сидоренко⁴, кланяйся. И Мише Трофимову⁵ — тоже... Я очень люблю того и другого, несмотря на глубину своего вероучительного падения. Авось когда-нибудь они меня и простят, догадавшись, что за Христа можно не только оторвать голову ближнему, но и любить этого ближнего, даже не соглашаясь с ним в политических взглядах.

Обнимаю тебя и теперь уж в Москве жду. Таково непостоянство характера — из Москвы гоню тебя в Сибирь, а уедешь — жду не дождусь возвращения.

В. Распутин — В. Курбатову
15.04.1996, Иркутск

Собрался вчера, в Велик день, написать тебе, но такая грусть-тоска нашла да полезла в письмо, что пришлось его оставить. И поехал на коллективную Пасху, которую каждый год собирает наш Владыка, но и там было невесело. А между тем получил от тебя второе письмо, и если не ответить теперь, то уже и не отвечу, как не однажды случалось.

Все меньше я удивляюсь «великосидению» или даже «великолежанию» Савелия⁶ — до того не хочется ни выходить, ни делать. Так бы лежал и лежал. Читать есть что, а размышлять не хочется. Притом лучше лежать в Иркутске, а не в Москве — там неуютно. Да вот беда: надо охлопатываться пропитанием, а потому суетливой жизни пока не избежать.

Из Москвы я улетел на день раньше, и воспользоваться бесплатным военным самолетом, как собирался, не пришлось. Скончалась мать, было не до бесплатного. Десять дней провел в Братске, затем вернулся в Иркутск и в изнеможении лег в больницу. И только накануне Пасхи выписали, так что «родные стены» оказались в этот раз неласковыми. До того накололи меня, что жду не дождусь, когда мне станет лучше, а потом хорошо.

В больнице в вечерние часы можно было даже что-нибудь и черкать карандашиком, но не черкалось. Смерть матери, хотя мы ее ждали, произвела впечатление. Двадцать с лишним лет назад, когда похоронили отца, смерть его воспринималась острее, но то, что острее, и сходит быстрее. Здесь же словно в меня, в старшего, передана была очередность околевания, и я явственно почувствовал, что она во мне, потребуется, вероятно, время, чтобы приспособиться к этой тяжести. Боли нет, а именно вошедшая властно и по-хозяйски тяжесть. Двигаться тяжело, говорить — тоже. Надеюсь на дачу, там должен потихоньку размяться.

Книги Юры Селивёрстова⁷ я не взял. Торопился, успел лишь позвонить Кате и извиниться.

Теперь о возможной акции примирения, которая могла бы произойти в Овсянке и которая, конечно, не могла обойтись без твоего влияния на В. П. и неоднократного, вероятно, напоминания. Ох, боюсь я, Валентин, как бы из этого не вышло противоположное. Белов, я думаю, и не поедет: провода-то

⁴ Сидоренко Валентина Васильевна (р. 1950) — известная иркутская писательница.

⁵ Трофимов Михаил Ефимович (1936—2019) — иркутский поэт.

⁶ Ямщиков Савва (Савелий) Васильевич (1938—2009) — известный художник-реставратор, историк искусства, писатель.

⁷ Селивёрстов Юрий Иванович (1940—1990) — художник, философ.

ведь оголены с той и другой сторон, и соприкосновение накануне ли выборов или сразу после выборов опасно. В. П. не удержится, чтобы не отвесить свой обычный «поклон» коммунякам, которые виноваты во всем, но особенно виноваты в том, что произошло после 91-го года, а Белов не удержится возражать. Я более покладистый человек, но не удержусь и я. Хотя встреча и Овсянная, но по цели она будет похожа на Римскую. А та никого не примирила, кроме В. П. с Баклановым, несмотря на совместную декларацию. А в окружении вызвала обозление, вспомни статью Т. Годуновой, и не только ее. По сути ты прав, но то, что должно произойти, пусть происходит естественно (и уже происходит), всякая публичность здесь может быть только вредна.

Все, в конце концов, можно и отбросить, и забыть, и есть, сказанное тобою, во имя чего что должно сделать, — но «...не утерпит» один, затем другой...

Вале Сидоренко я твои слова передал. А от себя попенял за дерзость молчания. Она ответила благоволящим тоном: «Я ему напишу». Вот уж в ком гордыни-то! Устраивает, предположим, какое-нибудь «событие» (епархиальное), колотится изо всех сил, а сама на него не идет. Чтобы замечено было не присутствие, а отсутствие, чтобы спрашивали друг друга: «А что с Валеёй, где Валя?», а потом названивали ей, но дело она возле нашего Владыки делает хорошее и хорошо. Написала хорошую повесть; если не разругаемся до моего отъезда, то привезу для «Москвы» или «НС».

У меня лежит восемь (одну оставлю) твоих книжек. Или отправлю почтой, или привезу. В Москве буду к середине мая. Собираюсь там дожить до выборов, проголосовать за коммуняка и, если не произойдет ничего чрезвычайного, тогда уж и вернуться. Подгадал бы к тому времени военный самолет!

*В. Курбатов — В. Распутину
25 апреля 1996, Псков*

...Я и сам понимаю всю сложность возможной овсянской встречи, но и знаю, что не делать такой попытки — значит потакать злу. Кажется, они переносят встречу на август, чтобы мерзость выборов могла отодвинуться. А что выборы — мерзость (при всех исходах), видно уже сейчас по взаимному количеству грязи. В победе Зюганова я почти не сомневаюсь именно потому, что ненависть к нему выходит за все пределы. Бесплатные цветные газетки, рисующие его чудовищем, сделают свое дело. Во всяком случае, сделают его в провинции, как ни пугают старух, что он закроет церкви, и как сами попы уже ни подсюсюкивают властям в этой лжи.

Ну это — бог с ним. А вот что ты зиму пролежал — это горе и горе. Хорошо хоть бы с пользой. Поправился бы хоть как следует и на год-другой позабыл про больницы. Жалко, что лето опять будешь в Москве. В деревне оно как-то здоровее. Правда, в твоей деревне от политики не спрячешься — народ вокруг дошлый. Да, впрочем, теперь, кажется, и ни в какой деревне не спрячешься. Если уж даже в монастыре не укроешься. Я был на страстной неделе и в Пасху в Печорах — только поворачивайся, все про выборы норвят спросить. Хорошо хоть служб не отменяют, и там успеваешь прийти в себя.

Очень понимаю и то, что ты пишешь о маме. Сам я каждое утро радуюсь, что она рядом, дивлюсь ее юмору и свету — при ее-то жизни, радуюсь таланту, который в каждом движении, в том, что она вяжет, в том, как смотрит кино, как вспоминает, как говорит о своих подружках. («А у твою дому чуть не все девки

мово — 13-го году, все из одной деревни. Все толстые и зовут Тонями»). Как складывает стихи про комара, которого убила ночью... И боюсь заглядывать в будущее, торопясь наглядеться и нарадоваться. И в тысячный раз думаю, что жить надо одним домом и на своей земле, а то дед у меня лежит в одном углу России, отец — в другом, брат — на Украине, так что и на могилу не съездишь. Я уж не говорю о дядьях, тетках, двоюродных братьях. Ни роду, ни племени. От этого больше всего Россия и болеет, а не от дурных политиков и идей. Вернее, идеи и политики до этого довели, а теперь и не знают, как собрать. А уж чего собирать — прав ты: давно не народ, а одно население.

*В. Курбатов — В. Распутину
3 января 1997, Псков*

...Спасибо за спокойное и твердое письмо. Видно, мы по-настоящему друг с другом и не говорили. Не о чем нам с тобой спорить — мы до звука согласны в целях и разве методы видим разные. Да и люди вокруг разные, и каждый из них по-своему красит «нашу» идею, и тут надо просто на полчаса дольше поговорить, чтобы эти оттенки перестали мешать. Мы вон с Семочкиным⁸ иногда в письмах начинаем бог знает в чем друг друга подозревать, а съедемся — начнем пушить друг друга и вдруг на полуслове с удивлением увидим, что пора обниматься.

Что это помрачение общей подозрительности и расхлябанность слов, потерявших ось, привели к несогласию-то. А повернешь слово как следует, вернешь ему настоящий смысл, и тут и видно, что сердце бьется одно. И я ведь, когда кричу о том, что не наше дело по президиумам сидеть, не к «середине» зову — это уж надо или машиной быть, или совершенно равнодушным человеком, чтобы в таком месте устроиться. Я только хочу, чтобы истину не «обуживали» до партийных границ. Она непременно окажется шире, и, сделав ее слишком «нашей», ты начинаешь увечить ее, а заодно и себя, и не заметишь, как сделаешься невольником этой узости, когда тебе уже «товарищи по партии» в сторону и шагу не дадут ступить, сочтя всякий такой шаг предательством. А дело-то не в нас, сужая истину, мы страшно вредим и без того уже потерявшей голову Родине. Они ведь нас как раз в эту узость и загоняют, провоцируют, постепенно расширяя свое поле и вытаптывая на нем все живое и родное, что мы могли бы спасти, когда бы не страшились быть шире, потому что чего же страшиться, когда это наша земля и наше всё, что в ней и что надумано о ней. Когда это чувство «нашего» крепко, то можно и ошибаться, и делать неловкие шаги, но сбить человека все равно будет нельзя и передернуть его карту тоже, ибо он везде искретен. Вот только об одном этом я и твержу год за годом и одного этого и хочу — быть дома во всей своей Родине, а не в одном углу, куда меня медленно затолкают опытные софисты другой страны.

И у Астафьева не один редактор «Огонька» был, которому я как раз слово-то не дал на «круглом столе», а много добрых людей из Костромы, Перми, Челябинска, Красноярска, Иркутска (Г. Машкин⁹). И звал-то Виктор Петрович и тебя, и Василия Ивановича¹⁰, и Носова, и Лихачева, и Солженицына. Конечно, было, наверное, там не без расчета и не без честолюбия, но все опять же зависело

⁸ Семочкин Александр Александрович (1939) — историк, архитектор, писатель, краевед Гатчины.

⁹ Машкин Геннадий Николаевич (1936—2005) — прозаик.

¹⁰ Белова.

бы от интонации разговора, от того, как и о чем заговорили бы собравшиеся. Хотя, конечно, теперь уже ясно, что ничего такие разговоры не дают, что непременно или на «разборку» съедут, или на «крутые места», но и это говорит не о времени только, но и о нашей усталости от неверия в побуждения друг друга, а в конце концов и о потере ответственности перед той же Родиной (прости, что я будто на риторику съезжаю — не риторика это), потому что, когда ответственность эта есть, куда угодно поедешь и с кем хочешь станешь говорить и дела не унизишь. А ведь то, что мы умудрились окончательно развести «лагеря» — это нам нигде не простится. Надо и о неприятии говорить не в «параллельных» изданиях, а принародно и лицом к лицу, веря, что искреннее слово будет и услышано искренне, и понято верно. Хотя и сам уж так устал, что начинаю тоже думать, что это романтизм. А не хотелось бы так думать, потому что это равносильно смерти.

Ну, на бумаге всего не скажешь — только измучаешься. Как у тебя расписание-то? Теперь в Москве будешь? — Авось я к началу февраля соберусь. Пока письмо доберется, уж и святки, поди, отойдут. С Крещением тебя! Пошли Бог крещенской чистоты и Святого Духа бедным русским водам.

*В. Курбатов — В. Распутину
6 октября 1998, Псков*

Жесткость твоего молчания говорит, что трещина между нами не затягивается и все мои доводы кажутся тебе слабостью вредны, если не опасны для русской традиции. Но уж тут, видно, ничего не поделаешь — мы и в церкви, и в мире на многое глядим по-разному. Для меня это естественно и отрадно, потому что говорит о Господних путях в понимании родного и о живости этого родного, которое полно и непредсказуемо, как человек. Горько будет, если мы начнем оттенки и расхождения делать поводом к противостояниям между своими — тогда «эти ребята» перехлопают нас порознь, потому что возьмут числом и монолитностью. Загонять же болезнь внутрь — это для церкви растить в себе тайный протестантизм, а для культуры бесконечное деление на микроскопические фракции. К этому нас, по существу, и подталкивают, заставляя, если перевести в политику, Зюганова идти против Анпилова, Анпилова — против Союза офицеров и т. д. Тут мертвый может схватить живого и утащить в могилу. А надо жить, и жить дома, и ширить этот дом.

Впрочем, что я все одно и то же, о чем у нас с тобой переговорено все на десять ладов. Нечего говорить — мне больно до физической боли сердца, что ты отдаляешься, и это уже не заживет. И еще эта книга, невольная ставшая между нами. С какой бы радостью я ее писал, будь время, будь деньги для поездок в Иркутск, в Аталанку, в Братск, чтобы всех видеть, со всеми говорить, теревить политиков, читать переписку, заглядывать в архивы.

А без этого, что ж, на старом очерке творчества не выедешь.

Из «Детской литературы» не звонят, и я так и не знаю, вышла ли там твоя книжка и вышел ли Шукшин, которого я составлял следом, и сам не могу телефонов найти. Я уж и не знаю, где теперь ты, но думаю, что готовящийся в Москве Русский собор вызовет тебя. Вот и тут то же — Ганичев¹¹ все обещает позвать меня, Поздняев¹² твердит о необходимости диалога, а как доходит до

¹¹ Ганичев Валерий Николаевич (1933—2018) — писатель, общественный деятель, председатель Союза писателей России с 1994 по 2018 г.

¹² Поздняев Михаил Константинович (1953—2009) — поэт, эссеист, журналист.

дела — предпочитают не ослаблять рядов, хотя никакая это не монолитность, а именно утаивание трещины, оттого она только шире и шире, а движение мертвее, хотя бы внешне и обманывало единством, — собирать одних «своих» — это не значит что-то решать: это значит прятаться от существования проблемы и от половины своего (своего!) народа, потому что мерзавцы видны и так, и о них заботы нет.

В. Распутин — В. Курбатову
07.11.1998, Москва

Дорогой Валентин, наконец-то собрался написать тебе, воспользовавшись пролетарским праздником и тем, что телефон молчит. Этот телефон и следовавшие за ним действия за десять дней опустошил меня полностью. И если бы легче было в Иркутске! Там нельзя отказать, потому что все вокруг — друзья-приятели, здесь — потому что даю обещания, полагая, что через полгода уже ничего не может быть. Ан нет — жизнь все же кипит и пустодела меньше не становится.

По последнему твоему письму, кроме того, что сказал по телефону, добавить почти нечего. Мы с тобой можем не соглашаться друг с другом, можем даже поругаться, хотя до сих пор этого, кажется, не было, но до разрыва дело, думаю, никогда не дойдет. К чему? Я знаю, что ты всегда искренен, слава богу, была возможность в этом убедиться, и ничего плохого замыслить не можешь. Ругай ты меня — ну и ладно, это будет не со зла, остерегай — это не может быть оскорбительным. Почти вся моя позиция — жизнь по большей части инстинктами, чувствами, я знаю, этого недостаточно, и, даже когда не соглашусь с тобой, то, что требуется, возьму. К тому же ты как критик, как человек художественного и одновременно аналитического ума, в лучшем положении, чем я: ваше перо уверенней, не изнашивается долго, поскольку питается сразу с двух сторон, и если ты скажешь в свое время, что сердечный хлад у меня достал и до пера, — я и тут не обижусь. Выслушивать такие вещи будет неприятно, но они неизбежны. А если и не скажешь — почувствую в молчании.

Поэтому я не мог обидеться на тебя и за то, что ты отказался от книжки. Я бы сам от нее с радостью отказался, и надеюсь, ты веришь, что я не лукавлю, но Иркутск заплатил за нее деньги, уже два года тербит меня за нее, и я оказался невольным заложником этой книги, которая ни мне не нужна, ни тем более кому-то еще. Н. С. Тендитник¹³ сейчас дописывает ее, я просил Н. С. об этой работе скрепя сердце, ибо администрация, мне кажется, уже начинала подозревать меня, не присвоил ли я ее деньги вместе с издателем. Не приведи Господь доживать до юбилеев — унижение за унижением.

О предыдущем письме. Я, Валентин, до того письма не знал, что Астафьев будет в Ясной Поляне, и от поездки туда я отказался не из-за Астафьева. Очень не хотелось никуда ехать, особенно в многолюдное собрание нашего брата-писателя, очень не хотелось ничего говорить. Да и сказать было нечего, как, чувствую заранее, нечего будет сказать о Пушкине. Тот и другой для меня — это громадное целое, могучее и духовное, и отколупывать от них крошки, тщиться эти крошки объяснить, обнаруживать и насиловать свою бедность! — тяжело это. Очень хорошо хоронили Г. В. Свиридова¹⁴ — в полном молчании, ни одной речи. А в колготне, в толпе ни Толстого, ни Пушкина не почувствовать. Сто лет

¹³ Тендитник Надежда Степановна (1922—2003) — иркутский литературовед, критик.

¹⁴ Свиридов Георгий Васильевич (1915—1998) — выдающийся российский композитор.

назад после юбилея Пушкина Меньшиков написал блестящую «неюбилейную» статью, которая называлась «Клевета обожания». В будущие годы будет то же.

Что касается поездки в Овсянку — тяжело мне там было бы. Там как раз было бы что сказать, но не нужно было бы говорить. Нам с В. П. лучше оставаться врозь. Прочел я его 15-ый том и убедился в этом. Все между нами было бы неискренним и ненужным. В. П. дышит не извне, а изнутри себя.

Не писал я тебе долго по одной причине, по главной — по своему разгильдяйству. Ездил, кроме того, в деревню, ездил в Братск, сочинил рассказ и переписывал его раза четыре. Но уж коли сразу не вышло, не вышло и на четвертый. Дальше мучить не стал и поставил точку. Уже здесь, в Москве, кое-что поправил и хочу отдать Володе Толстому¹⁵, чтобы хоть отчасти оправдаться перед ним.

Ганичев говорит, что для толстовской премии Володя деньги достал (или достает). Я ему, Володе, еще не звонил. И не знаю, продолжает ли выходить «Ясная Поляна». Жду, что, быть может, позвонит сам. Был на днях Белов Василий Иванович, сказал, что тоже что-то передает для «Ясной Поляны». Заодно сообщил, что с Мишей Петровым¹⁶ поссорился, поскольку тот в своем журнале не признает (или плохо признает) православие. В. И. после операции, довольно тяжелой, которую я перенес раньше, и на многих сердит. В том числе и на себя, считает, что это большой грех. Мы с Володей Крупиным¹⁷ его успокаивали, но он не успокаивается.

В. Курбатов — В. Распутину
22.09.2000, Псков

Как твои глаза? Отмучился ли наконец с операциями?

Мы у Марии Семеновны и Виктора Петровича часто вспоминали тебя, и ты, верно, икал. Все было достойно и по-человечески. Два дня мы пожили с В. П. в Овсянке, и он дал мне прочитать три последних рассказа. Они все оказались светлы, как встарь, и это более всего обрадовало меня. Немножко, правда, присочиненные, но на это В. П.: «А где я тебе возьму реальное-то добро? Вот и сочиняю, чтобы самому ухватиться, потому что уж очень надоела чернуха чужая, а более всего своя» (дословно!). Я просил Л. И. Бородину¹⁸ связаться и, может, выпросить рассказы-то.

Потом съездил в Ясную Поляну, где на этот раз все было немного бес-толково. Обычно-то солнце, первая осень, улица, лошади, беседы в саду многое спасают, а сейчас дождь загнал в тесноту крошечного зала (других на усадьбе нет), и все напряглось, стало учено и скрытно, досадно, потому что попробуй о Толстом внятно-то поговори, если тут и церковь, и «не убий»... Да и состав был случаен, как он случаен сегодня везде, потому что размываются границы прежних устойчивых понятий, вытачиваются исподволь. Одно мне было утешение — соседство Миши Петрова, который мне совершенно брат по сердцу, и так мы друг другом и загораживались. Да и Толстой все же всегда держит интонацию семьи и тем собирает нас в живое тело. В Красноярск второй раз не поеду. Сил нет. Да и веры в дело. А без этого ехать грех.

¹⁵ Толстой Владимир Ильич (р. 1962) — известный журналист и эссеист, с 1994 г. — директор музея-усадьбы «Ясная Поляна».

¹⁶ Петров Михаил Григорьевич (1938—2015) — писатель, с 1991 по 2002 г. — издатель журнала «Русская провинция».

¹⁷ Крупин Владимир Николаевич (р. 1941) — писатель, публицист и педагог, видный представитель «деревенской прозы».

¹⁸ Бородин Леонид Иванович (1938—2011) — писатель.

В. Курбатов — В. Распутину
19 июля 2001, Псков

Звоню в Москву — молчание. Звоню в Иркутск — молчание. А там, в Иркутске-то, беда за бедой. И как раз ведь в твоей избе на Ангаре, где дача-то, поди, в воде плавала. И выплыла ли? И где ты сам был в эту пору? И как сейчас — поправили, обжили? В городе-то летом ведь много не наживешь. Делами задавят.

А я тоже в деревне спрятался. Один молодой писатель псковский подарил дачку. Какие-то у них там несчастья творились, и они бросили ее семь лет назад. Вот и отдал. А там шесть соток и вполне крепкий домик. И вот я кулак и землевладелец. Сажу у открытого окна в сад, где старые голые яблони, как секвойи, упираются в небо, и листва только на самой вершине. Весенние морозы сбили цвет, и яблочек не будет, но вершины и без них прекрасны.

Батистовые бабочки летают меж ситцевых лепестков картофельных цветов, слепни прошивают воздух, как пули. Им кто-то сказал, что насекомые, по мировой науке, в своей массе превышают массу всего остального животного мира, включая и рыб. Так что они чувствуют этот мир своим и садятся на тебя прямо и зло, мгновенно втыкая жало, уверенные, что ты не пикнешь... Дураки, про количество узнали, а про качество нет — хлоп его по лбу — и нет его. Масса их, видите ли.

В Москве-то когда будешь, Валентин? И встретимся ли все-таки этой осенью в Ясной Поляне? И главное — здоров ли ты? При нынешних-то разливах, а сейчас еще и при чудовищной жаре — за 30!.. Я вон от колодца не отхожу — до речки сто метров, да их пройти надо, а тут хватать ведро и — на себя, и, пока второе достаешь, это уже высохло. «Лишь только напоить да освежить себя — иной в нас мысли нет» (А. Пушкин).

Чего-то пытаюсь читать и даже писать, но все через силу — и мозги плаваются, и всякое слово, равно и свое, и чужое — пусто и вяло. Ниоткуда ни весточки, словно все сморилось вместе с природой. Все яснее видно, что с литературой в старом смысле все кончено. Осталось производство, рынок, где все одинаковы — интеллектуалы и массовики. Всяк печет свой товар на рынок, не слыша общего, не чувствуя материнского голоса всей литературы. Каждый наособицу.

А союз наш бедный только по одному имени союз. Это я особенно по Пушкинскому празднику видел, и каждый глядит на себя, и не то что на общей поляне, а в малом собрании где-нибудь в библиотеке видно, какие все чужие друг другу. И читатели это видят первыми. Хотя все кажется, что при общем сознании беды еще можно было напрячься и поправить дела. Но кажется это все реже и реже.

В. Распутин — В. Курбатову
06.08.2001, Иркутск

Прости ты меня, многогрешного, за молчание. Стал я поддаваться хандре, а она вяжет по рукам и ногам, и лучше теперь понимаю Савелия, который не хочет никого ни видеть, ни слышать. Но и твое первое письмо было нерадостное, а второе пробудило меня тем, что есть, оказывается, люди, да еще и из литераторов, которые дарят поместья. Ну и ну! Теперь, выходит, и у тебя хоть маленькая, да Ясная Поляна, ты и без нее много работал, что же теперь ты наво-

рочаешь! Литературы не стало, я с тобой в этом согласен, но поддегивать-то ее, вытаскивать-то ее из небытия кому-то надо, а ты и в этом деле не сложил руки.

Мне же отчитаться за лето не в чем, сплошная тягомотина, а в ней даже и суета была тяжелая. Через две недели лечу в Москву, а на следующий день в Калининград-Кенигсберг, где богатым изданием за счет железной дороги выпустили мой двухтомник. Это, разумеется, наложило обязательства как перед дорогой, так и перед издательством. Затем книжная ярмарка, а после нее хочу все-таки дня на два съездить в Ясную Поляну. Но никуда не хочется и ничего не хочется, хоть заваливайся в спячку. Все чаще вспоминаю свою мать, свою Нину Ивановну, которая весь последний перед кончиной год была в дремотном состоянии. Сидит с открытыми глазами, а ничего ей уже не надо было, и даже ела столь помалу, что непонятно, чем и держалась. Естественная смерть — это все-таки не прерывание жизни, а медленное засыпание, постепенное отрешение от всего, что составляет жизнь. Вот так же и бабушка моя уходила. И как хорошо, что не надо ей было ни в Кенигсберг, ни в Москву и что некорыстные ее обязанности были серьезней моих.

Дачу мою, слава богу, не заливало, поскольку она выше плотины, которая является еще и регулятором стока. Но сейчас опять льют непрерывные дожди, и все мои грядки лежат в воде. Впервые за неделю вот только сейчас, на последней строке, выглянуло из кромешной тьмы солнце. Твое имя, видимо, там в почете. Надо было мне давно сесть за это письмо.

В. Курбатов — В. Распутину
2 марта 2002, Псков

Савелий сказал, что ты в Москве, и мне захотелось перекинуться словом. Собираюсь «в натури» приехать, да когда еще соберусь. Звали на какой-то пленум кинематографистов, чтобы поговорить об общем состоянии культуры, и дорогу обещали оплатить, но оказалось, что они собираются в начале первой недели Великого Поста, а я уж много лет эту первую неделю провожу в родной церкви и обыкновения этого менять не хочу. Вот разве пораньше выпадет оказия. Или уж к середине поста. <...>

А Савелий меня радует. Чувствуется, что теперь он выбрался основательно, потому что без больницы, естественным порядком. И то, что тяжелейшая весна, в которой и здоровому человеку жизнь не мила, бессильный прорыв его прежней молодой энергии — верный знак, что он теперь Отечеству послужит и обабившаяся без него жизнь опять почувствует его крепкую руку. Говорят, и Никита Михалков обрадовался и зовет его обратно в Фонд. <...>

Догадываюсь, что весна и тебя не радует. А ты в окно не гляди. Включил лампу на столе, сочинил удобное время дня или ночи — и работай себе. Бог с ней, с улицей — на нее если выглядывать, слова не напишешь. А ей только того и надо, чтобы окончательно стыд потерять.

Каждому по потребностям. Эхма...

В. Распутин — В. Курбатову
21.06.2002

Сладким согласием отозвалось мое сердчишко на твое последнее письмо, на то, что отдался ты грядкам и находишь в этом занятии утешение. Я уже два месяца ничем иным и не занимаюсь. Убедился окончательно, что никакой я не

писатель, не литератор, если не тянет меня к письменному столу и, чтобы не подходить к нему, готов я окончательно выйти в поле. У первого в околотке появились у меня огурцы, зацвели кабачки, всякая там зелень растет пышным цветом на выставочных грядках. Светлана приехала в изобилие¹⁹. Ты еще считаешь своим долгом озира́ть литературный процесс и обозревать, где там сорняк и где полезный знак, а мне уже все равно стало. Не нашими потугами засеивается то поле и не нашими выпальвается.

Я даже на письма не отвечал. Обидел Савву, он мне четыре или пять газетных вырезок, а я только-только на шестую соизволил оглянуться. Он-то входит во вкус общественной жизни, а мне она обрыдла. С большим опозданием узнал о кончине Евгения Ивановича Носова. Вот от этого известия очень больно стало, и до сих пор уже несколько дней щемит сердце. Ненадолго же разошлись в уходе два друга — Астафьев и он. Но и смерть их постаралась развести. Ни по радио, ни по TV о Носове ни гу-гу, а о том, как хоронили Астафьева, ты знаешь.

Вот тебе тема для серьезной статьи, с которой ты справишься лучше других, потому что и основательней, и умнее, и совестливее других. О том, как живые распоряжаются мертвыми. Можно не брать ни Окуджаву, ни Высоцкого, почтенных множественными памятниками, это все дело суетное и неприличное, а вот о своих поговорить полезней. И с Шукшиным, и с Рубцовым, и с Вампиловым что хотят, то и делают. Ни прозаика, ни поэта, ни драматурга у них не отнять, но личности перевираются с радостью и гадостно. Из убийцы Рубцова сделали страдальцу и объявили ее по таланту не ниже, чем Рубцов; Шукшин, как полагается, пьяница и бабник (чего стоит одна книжка о нем, полная домислов, Тамары Пономарёвой²⁰). Вампилов таков же. Но с Вампиловым поступили, мне кажется, гнусней всего. Фонд его имени паразитирует на нем, выдумывая, что бы еще сочинить и организовать для звучания. Вампиловский театральнй фестиваль, а он проходит у нас, кажется, уже четырежды, собирает, похоже, самые срамные постановки и по Вампилову и по пост-Вампилову. Области это обходится в огромные деньги, и расходуются они для развращения вкусов и нравов. Святые имена служат наклейкой для низкосортного товара.

Чем кончаются такие внимание и любовь — известно. После всего натужного и чрезмерного наступает полное небрежение. Сейчас проталкивается полное, академическое, с вариантами и поправками, собрание Вампилова. Зачем? Читайте, ставьте, любите и цените вы окончательный текст, на то он и окончательный, для того автор и правил его несколько раз, все остальное, в конце концов, можно оговорить в примечаниях.

Ты сказал об издании, посвященном прощанию с Астафьевым. Это, видимо, из того же порядка торопливости и, возможно, бестактности. Недолго ждать, когда объедают в том же роде Виктора Петровича погуще.

Яснополянское издание о ваших встречах возле Льва Николаевича (Володя прислал мне два альбома, но они будут иметь продолжение), конечно, совсем в другом роде. Но и они не понравились мне: много одних и тех же лиц, как в семейном альбоме, много случайного и даже ненужного. Володе надо что-то менять в этих встречах, не делать их во что бы то ни стало, как, кажется, и мне в иркутских встречах.

¹⁹ Распутина Светлана Ивановна (1939—2012), супруга писателя.

²⁰ Пономарёва Тамара Алексеевна (1939—2008) — писатель, общественный деятель. Автор книги «Потаенная любовь Шукшина» (2001).

Собирался я уже нынче прекратить их, но убедили меня продолжать еще в этом году и в будущем до круглого счета: в будущем году будет десятая. Попробую собрать тех, кто был на первой, и на этот [раз] попрощаться. Хорошее дело не стоит превращать в мозоль. Надеюсь, и ты выкроишь в 2003-м неделю на Иркутск. А возможно, тебя пригласили и нынче на 65-летие Вампилова. А был ли с Бурляевым²¹ в Рязани? В Иркутске он теперь бывает каждый год, открывает здесь «Эхо “Золотого витязя”», отдают ему для этого кинотеатр.

В. Распутин — В. Курбатову
29.07.2002

Накапал на тебя Савва в письме, которое отправляю одновременно с этим: везде-то он, т. е. ты, поспевает — и в Турцию, и на фестиваль документального кино, и на презентацию книги, и на Алтай, и на Волгу — не может такой неутомонный человек быть русским, наверняка есть в нем или немецкая, тевтонская кровь, или бурбонская. Не чета нам, тунгусам, засыпающим и на олене, и на пешем ходу.

А между тем, сонный, сонный, а сам же я тебе и подсунал на днях новую работу. Звонят из какого-то издательства, где замышляется какой-то биографический словарь: «Кто мог бы о вас написать?» — «Мне все равно», — говорю. «А кто писал?» Называю тебя. «А он согласится?» — «Не знаю». — «Ну так мы узнаем». Спросили телефон, я сказал. А потом стыдно стало. Если не звонили еще и если недосуг заниматься такой мелочевкой (а конечно, недосуг) — отказывайся со спокойной душой. Если даже и согласился, да не до того — тоже откажись. Мы, и особенно я, заездили уже тебя, поневоле в Турцию сбежишь, или на кинофестиваль, или на открытие памятника.

Толя Пантелеев²² передал кассету об открытии памятника в Петербурге, но я никак не удосужусь ее посмотреть. Со всякой видеотехникой я не в ладу, только недавно обнаружил, что у сына в нашей квартире, и даже в моей комнате, водится видеоприставка, но оказалось, что нет к ней привода. Но это еще не все, Валентин. Стыд сказать и грех утаить: стал я владельцем компьютера. На мой взгляд, несерьезного, этакого плоского, как небольшой «дипломат», но, говорят, ценного и нашим братом, передовым писателем, чрезвычайно ценимого. Я такой у Толи Кима²³ видел, он приезжал с ним в Переделкино и шлепал по алфавиту, как маэстро на фортепиано. Я же, поглядев, отнесся к этой штуке чрезвычайно снисходительно. А мне возьми и подари ее Братский лесопромышленный холдинг-молдинг, тот самый, который пять лет назад давал деньги на издание двухтомника в издательстве «Современник». Так что я теперь тебе не родня: я писатель-компьютерщик, а ты шарикоручник. Ни по одной клавише я, правда, еще не стукнул, да едва ли и стукну, но дело не в этом, все равно я себя теперь чувствую писателем XXI века. Так-то!

Живу на даче, но едва ли не через день мотаюсь в город: то одно, то другое. Наконец-то приехала Мария и до конца августа будет с нами. Вместе с нею, наверное, и полечу дней на десять. Пообещал быть в Тобольске. Давно обещал, но, по своему обыкновению, все оттягивал, дальше оттягивать неприлично.

²¹ Бурляев Николай Петрович (р. 1946) — актер, кинорежиссер, с 1992 г. президент фестиваля «Золотой витязь».

²² Пантелеев Анатолий Сергеевич (р. 1949) — прозаик, основатель газеты «Провинциальная хроника» (г. Выкса).

²³ Ким Анатолий Андреевич (р. 1939) — прозаик, драматург и сценарист.

А вот в огороде мои труды не пропали даром. Полное изобилие. Про вкус мяса уже не вспоминаем, все с грядок. Не справляясь, принимаемся уже и раздавать, благо у Светланы родни — как пчел в улье. А вот после этого надо будет возвращаться в Москву и покупать одну морковку за три рубля. А мне к тому же опять прикидываться писателем.

Но, погоди, вот освою компьютер и буду тебе отправлять письма, во-первых, в четкой печатной прописи, а во-вторых, в художественном оформлении.

В. Курбатов — В. Распутину
11.08.02, Псков

Я-то уж давно «писатель XXI века» и уж, кажется, только тебе да Савве Ямщикову ручкой-то и пишу, а остальным уж давно на компьютере. Слава богу, не научился еще сочинения сразу на компьютере писать, как большинство нынешних молодых. Чего, говорят, время-то тратить на двойную работу. Сразу р-раз на экран, а оттуда в журнал. Сегодня написал, а завтра напечатали. Оттого все время чувствуешь в написанном сегодня какую-то гонку, белую горячку, словно никто друг друга не дослушивает и все кричат наперебой.

Но для деловой почты это, действительно, удобно, как и для просмотра журналов — выписать-то возможности нет, а так открыл «Журнальный зал» — и смотри, чего там насочиняли в толстых журналах. Надо чего из прошлых лет, тоже пожалуйста, не надо на полку лезть (если еще есть на полке-то). Я выучился двум-трем самым простым операциям и больше не учусь, мне и того хватает с избытком.

Получил ли ты уже приглашение от Владимира Ильича? Пожалуйста, приезжай, Валентин. И о словаре поговорим. И так повидаемся. Да заодно и весь белый «литературный свет» увидишь — и свой, и басурманский. В. И. зовет В. И. Белова, Битова, Бондарева, Амарэджиби²⁴, Чиладзе²⁵, Матевосяна²⁶, Личутина²⁷, Аннинского²⁸, Бондаренко²⁹, Мишу Петрова, Петю Краснова³⁰, Володю Карпова³¹. В общем, всех, всех, так что там как на ладони вся карта, и сразу видно, кто и чего... И враги, и друзья, и общие тенденции, и куда все правится. После этого будет понятно, чем живет в особенности молодая часть аудитории. А работать надо на нас. Нам уже себя не переделать, и мы свое отворчим да на покой, а им держать страну, язык, культуру, душу. Так что тут надо видеть [не только] «свое», а и «ихнее».

Я поеду в Ясную дня на три пораньше, чтобы помочь Володе.

И очень буду ждать тебя там.

(Окончание следует.)

²⁴ Амарэджиби Чабуа (1921—2013) — грузинский писатель.

²⁵ Чиладзе Отар Иванович (1933—2009) — грузинский писатель, драматург.

²⁶ Матевосян Грант Игнатьевич (1935—2002) — армянский писатель.

²⁷ Личутин Владимир Владимирович (р. 1940) — писатель.

²⁸ Аннинский Лев Александрович (1934—2019) — критик, литературовед.

²⁹ Бондаренко Игорь Михайлович (1927—2014) — писатель.

³⁰ Краснов Петр Николаевич (р. 1950) — писатель.

³¹ Карпов Владимир Васильевич (1922—2010) — военный прозаик, публицист, общественный деятель.

Андрей ТИМОФЕЕВ

ФИЛОСОФИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

Главы из книги

Традиция — это воплощенная в творчестве философия искусства.

Татьяна Глушкова

ВВЕДЕНИЕ

1.

В современном мире человек, всерьез занимающийся осмыслением литературы, находится как бы между двух огней.

С одной стороны — с каждым днем появляется все больше книжных обозревателей, блогеров, рекомендательных критиков, для которых важны актуальность темы, способность заинтересовать и понравиться широкому читателю. Эти авторы совершенно искренне считают, что критика есть искусство занимательно писать о книгах. В области популяризации явлений литературного процесса они делают полезное дело. Однако, постепенно набирая вес и аудиторию, вторгаются в профессиональную сферу вместе со своими любительскими представлениями о художественном творчестве. А сама эта среда и так полна медийных личностей, выдающих свои дилетантские рассуждения за серьезные выводы, а также тех, для кого литература — лишь повод поговорить об общественных, политических и иных проблемах. Все это провоцирует серьезный кризис профессионализма в современной критике.

С другой стороны — к текущему моменту развития литературоведение как наука превратилось в разветвленную сеть

специфических областей, обнимаемых теми или иными теориями (лингвистическими, постструктуралистскими и т. д.). Формально овладев аналитическим аппаратом одной из таких теорий и не обладая целостным представлением о литературе, можно производить впечатление профессионала, демонстрировать наукообразность в своих исследованиях, ссылаться на авторитеты и т. д. Такой псевдопрофессионализм, пожалуй, даже опаснее «наивных» рассуждений о литературе.

Для автора этой книги отличие профессионального критика заключается не только и не столько в образованности и умении анализировать текст, сколько в том, что можно назвать волей к объективности. Широкий читатель оценивает художественное произведение в категориях: «нравится», «тронуло», «отозвалось», опираясь на переключку с собственным жизненным опытом (если речь не идет о чтении ради одного только развлечения). И это здоровый способ восприятия читателя. Профессионал же понимает, что в разговоре о литературе важен не личный эстетический вкус или сходство взглядов на мир, а определение подлинного значения произведения и его автора в мире художественной литературы. Субъективное впечатление критика может служить пищей для интуиции, но никогда не под-

меняет результат исследования. И потому даже когда такой критик излагает субъективный взгляд на литературу, он верит, что в данный момент выражает объективность. Это придает его словам значение, но подразумевает и ответственность за полученные выводы. Дальнейший поиск может привести к коррекции взглядов и оценок, к признанию собственных ошибок — это естественный процесс. Но цель этих коррекций остается прежней — поиск объективности и формы ее наилучшего выражения.

Однако объективность — всего лишь риторическая фигура, если нет критериев проверки или методов ее определения. Естественно, речь не идет о математически точных критериях — это просто неадекватно в данном случае. Однако внятные методы изучения понятия художественности и ее оценки в каждом конкретном случае могут и должны существовать. Предлагаемый мною в этой работе метод связан с анализом наследия русской критики и обнаружением тех общих положений, которые постепенно выкристаллизовались в истории мысли о литературе и стали в той или иной степени общепринятыми.

Дело в том, что на протяжении веков ведущие русские критики не только исследовали текущее состояние словесности и общества, а еще и поднимали вопросы принципиальные. Например, что такое литература; как она связана с жизнью и ее идеалами; что является мерой художественности; как примирить непосредственность изображаемой в произведении жизни с требованием эстетической целостности и субъективным авторским взглядом на мир; как подходить к изучению языка и стиля художественного произведения и т. д. Исследуя эти вопросы от момента их постановки до момента разрешения, потом от момента первого разрешения до последующих проверок в новых исторических реалиях, мы обретаем целостное живое знание, которое можно назвать философией литературы.

Положения философии литературы далеко не всегда и далеко не сразу могут

быть формализованы в конкретных выводах. Изначально они живут и развиваются непосредственно в художественной практике, передаются от поколения к поколению как интуитивно признаваемые принципы творчества, а потом смутно угадываются, начинают облекаться в логические формулировки и далее передаваться уже как предание. Иначе говоря, философия литературы — это осознанная традиция, вернее, та часть ее живого потока, которая принципиально может быть осознана.

Будучи однажды открытыми, те или иные положения философии литературы зачастую фиксируются и становятся исходными точками для дальнейших исследований. Так, например, после Берлинского мы не можем игнорировать неразрывную связь литературы с жизнью. После Аполлона Григорьева не можем говорить о прямом соотношении литературы и нравственности. Исследования психологической достоверности, впервые начатые критиком Павлом Анненковым, доведенные до высочайшего уровня Константином Леонтьевым¹ и далее — исследователями XX в., например Лидией Гинзбург², уже не перестанут быть одними из ключевых в анализе литературы. Представление о личности формы художественного произведения («образ автора») не может быть заменено безличностной эстетической соразмерностью после открытий Бахтина и Виноградова. Вопрос о языковой или внеязыковой (надязыковой) природе художественной речи не может игнорироваться после работ Вадима Кожина и Петра Палиевского. Беллетристика и художественная литература не могут не быть разделены после «закрывающих вопрос» статей того же Кожина и Ирины Роднянской. Вещественная и психологическая природа образа не может быть подменена схемой после «Образа и схемы» Михаила Лобанова и т. д.

¹ Имеется в виду работа «Анализ, стиль и веяние. О романах гр. Л. Н. Толстого».

² Имеется в виду книга «О психологической прозе».

Впрочем, как любое живое знание, философия литературы не представляет собой строгую и неподвижную систему. Иное поколение мыслителей приходит, чтобы поставить некоторые из ее положений под сомнение или даже опровергнуть, исходя из задач и запросов своего времени. Независимо от исхода этой борьбы, в ней всегда обретается новый опыт, позволяющий глубже понять литературу, ее традицию и ее современное состояние, и в конечном счете обогатить собственно саму философию литературы. Эта работа — попытка взглянуть на историю русской критической мысли как на процесс накопления такого опыта.

Автор вполне отдает себе отчет, что сама идея существования объективного знания о художественности (а не просто представлений, меняющихся от одного исторического периода к другому) является существенным допущением. Однако предлагает принять это допущение и пройти вместе путь возможного обретения такого знания. В крайнем случае мы просто лучше поймем русскую критику, откроем для себя новые грани творчества наших больших критиков — и это тоже немало.

Кому адресована эта книга?

В первую очередь критикам и людям, занимающимся исследованием литературы.

Полноценный итог деятельности критика — указать на вершины в современной литературе и объяснить, почему значительны именно эти писатели и именно эти произведения³. Но, чтобы решить эту задачу, нужно иметь объемный взгляд на литературу и владеть профессиональным

³ Для меня всегда был показателен в этом смысле пример Аполлона Григорьева. В своей статье «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» он исследует литературный процесс первой половины XIX в. и называет четырех писателей: Пушкина, Грибоедова, Гоголя, Лермонтова (и еще одного критика — Белинского) — и ни в одном имени не ошибается и никого значительного, по сути, не пропускает. Можем ли мы повторить это сейчас? Кто способен сказать о художественных вершинах последних десятилетий с такой точностью?

инструментарием. В этом исследовании особенное внимание будет уделяться методике критической деятельности: терминам, которые можно плодотворно использовать, например, григорьевский «допотопный» талант или глушковский «образ поэта» (в отличие от «образа автора»); важным тонкостям в различии понятия «внутренней формы слова» в контексте стилистики или в контексте поэтики; различиям критериев оценки беллетристики, жанровой и собственно художественной литературы и т. д.

Само по себе овладение методикой не является самоцелью — литературная критика не может сводиться к механистической проверке на соответствие тем или иным критериям. Встречаясь с явлениями первого ряда, критик исходит не только из существующих методов или изначально заданных подходов, ему необходимо открыть для себя и читателей неповторимый художественный мир крупного писателя, а не просто соотнести текст с теорией. Однако не имеет смысла изобретать велосипед: зачастую многие вещи хорошо описываются в рамках существующих терминов и критериев. Зачастую «память» точного термина хранит в концентрированном виде результаты напряженных исследований, так что, пользуясь точным термином, мы уже используем ценный опыт прошлого, настраиваем соответствующую оптику. Конечно, каждый новый исследователь «оживляет» термин, наполняет его своим содержанием, и для подобного «оживления» нужна плоть конкретных произведений. Там, где это возможно, я постараюсь приводить уместные в данном случае примеры из современной литературы. В любом случае важно подчеркнуть, что конечная цель данного исследования — не академическая, а именно прикладная.

Также эта книга обращена к самим писателям.

Настоящие писатели живут своими озарениями, следование готовым рецептам (пусть даже великих предшественников) для них вряд ли продуктивно: автор,

попавший в плен влияния, ограничивает себя всевозможными долженствованиями, не ищет свой путь, а движется в чужом русле. Изучение классиков (как писателей, так и критиков) для писателя может быть плодотворным, только если приводит к творческому восприятию их опыта. Так семейные традиции могут сковывать человека предрассудками и искусственными установками, а могут обогатить, дать опору и понимание жизни. Отношение писателя к традиции есть ощущение (иногда безотчетное) созвучия, сопричастия к единому потоку жизни, связывающему его и предшественников, открытие внутри себя того же нравственного камертона, той же меры отношения к схожим явлениям. Традиция не предопределяет жизнь писателя, как опыт семьи не предопределяет жизнь человека, не лишает собственных эмоций, воли, выбора, не мешает проживать собственную яркую жизнь, совершать новые открытия, осуществлять личный поиск и (более того!) накапливать опыт, который может оказаться ценен для следующих поколений и традиции русской литературы и жизни вообще⁴. Да, предмет жизни писателя — не знание о том, как писать или как жить, а, собственно, сама жизнь, и поэтому зачастую писатели воспринимают опыт не столько путем уяснения формализованных истин, сколько непосредственно из художественных произведений или из жизни. Однако и концентрированный в мысли опыт может быть полезен современным писателям: положения философии литературы, почерпнутые из этой книги, смогут направить их интуицию в поиске решения непосредственных художественных задач, расширить горизонты сознательного в творчестве.

Однако надеюсь, что основная аудитория книги — это все-таки читатели, профессионально не связанные с русской литературой, но интересующиеся ею.

⁴ Мы делаем здесь акцент именно на русской литературе, потому что традиция — во многом категория национальная. Впрочем, отдельный писатель может быть особенно чуток к опыту литературы других стран.

Литература не есть что-то оторванное от жизни, скорее ее концентрат, принявший художественную форму, и потому, познавая художественность, мы познаем бытийное содержание самой жизни. Эта книга — приглашение погрузиться в мир смыслов и пройти вместе двухсотлетний путь самосознания русской литературы. Далее я буду пользоваться для изложения местоимением «мы»: это не столько дань академической манере научного изложения, сколько ощущение совместного прохождения пути автором и его читателем. Побудить читателя к рефлексии (в процессе которой он может получить и иные выводы, нежели автор данной книги, — почему нет?) было бы для меня большой радостью.

2.

Прежде чем перейти к непосредственному разговору, нужно сделать еще несколько замечаний.

Литературная критика много раз за свою историю оказывалась между двумя крайностями: одна из них заключается во взгляде на литературу как на явление прикладное, а другая — как на вещь в себе. Впервые это противостояние обнаружилось в 1860-е гг. в борьбе «демократов» и сторонников «чистого искусства» и несколько раз обострялось в дальнейшем. Автору этой книги необходимо выразить свое отношение к этой «альтернативе», чтобы больше не заниматься опровержением наивных заблуждений, выходящих из этих крайностей.

С беспощадной интеллектуальной честностью прикладной подход к литературе выразил еще Дмитрий Писарев⁵: ценность художественного произведения состоит исключительно в его содержании, и критика имеет право оценивать любой текст с точки зрения отношения к содержанию. Литература — только повод говорить о политических, социологических, нравственных проблемах. Хрестоматийным воплощением

⁵ Дмитрий Писарев, «Разрушение эстетики».

этого подхода в то время стали статьи Николая Чернышевского, самая известная — «Русский человек на randevу». С точки зрения исторической интуиции вывести из «слабого человека» тургеневской «Аси» предостережение дворянству и рокот предчувствия грядущих потрясений в России — гениальное прозрение, с точки зрения литературной критики — неадекватность предмету рассмотрения, потому что в «Асе» никакого рокота и предостережения нет. Подобный подход определял «критический мейнстрим» 1860—80-х гг. (наиболее серьезным представителем его был Николай Михайловский), нашел воплощение в марксистской критике начала XX в. (Георгий Плеханов, Анатолий Луначарский), обрел могущество в советский период, стал единственно возможным во время идеологической борьбы 1980—90-х гг. (между «либералами» и «почвенниками») и распространен до сих пор.

Отношение к литературе как к явлению прикладному дало русской критике огромную внутреннюю свободу, позволив вырваться за рамки профессиональной сферы, привело к теснейшей связи литературного процесса с общественными мыслями и идеями, напитало его гражданским пафосом. В итоге литература в России приобрела такое социальное значение, что ключевые переломы истории объяснялись влиянием художественных произведений на общество (например, рассуждение Василия Розанова о «вине» золотого века литературы XIX в. в русской революции⁶ или мнение о вкладе «Нового мира» Твардовского в оздоровление советского общества от сталинизма и одновременно — в будущий развал Советского Союза⁷)⁸.

⁶ Василий Розанов, «С высоты тысячелетней пирамиды».

⁷ Первое у Владимира Лапшина, например, в книге «Новый мир во времена Хрущева», второе — у Михаила Лобанова, например, в книге «В сражении и любви».

⁸ Мы не беремся сейчас оценивать правоту этих суждений, нам здесь важно, что влияние литературы и литературной критики было таким огромным, что эти предположения имели под собой почву.

С другой стороны — этот подход привел к обмельчанию критики, превратил ее в актуальную публицистику, оторванную от художественной плоти разбираемых произведений. Но самая главная проблема такой критики — невозможность понять своих гениальных современников, а значит — невозможность осознать глубину тех процессов, в которые могла проникнуть интуиция большого художника (например, отмеченное Розановым и Мережковским⁹ параллельное существование в 1860—80-х гг. Тургенева, Толстого, Достоевского и актуального «критического мейнстрима», бессильного хоть в малейшей мере осмыслить творчество этих крупных писателей; а говорить о возможности осмысления в 1930—50-х гг. Андрея Платонова вообще невозможно).

Мы можем сочувствовать Чернышевскому и Писареву, пострадавшим за свои искренние убеждения, они могут быть симпатичны нам своей страстью и жаждой истины, но суждения их не имеют для нас значения — для философии литературы, необходимой для осмысления современного ее состояния, они бесполезны. Глубокое уважение в нас может вызывать работа редакции «Нового мира» Твардовского или борьба за национальное самосознание Михаила Лобанова или Юрия Селезнева — но опять-таки ценность эта личная и историческая, но не литературная. И потому в рамках нашего исследования мы будем очень мало говорить о работах, где художественная литература является лишь поводом для исследования других важных областей человеческой жизни (например, критические высказывания того же Писарева о Пушкине, Чернышевского о Тургеневе, Владимира Лапшина о Солженицыне¹⁰, Игоря Золотусского

⁹ Василий Розанов, «Легенда о Великом Инквизиторе»; Дмитрий Мережковский, «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы».

¹⁰ Владимир Лапшин, «Друзья и враги Ивана Денисовича».

о Бондареве¹¹ и т. д.). Тогда как пристальное внимание будем уделять статьям, которые решают принципиальные вопросы художественного творчества, даже если посвящены лишь одному писателю (таковы, скажем, статьи Аполлона Григорьева о Пушкине¹², Николая Страхова о Толстом¹³, Михаила Бахтина о Достоевском¹⁴, того же Михаила Лобанова о Платонове¹⁵ и т. д.).

В тот момент, когда литература перестает быть собственно литературой, она теряет и большую часть своего прикладного значения, становится обессиленной тенденциозностью, или актуальной публицистикой, или игрой. И потому вопрос о художественности важен и с точки зрения влияния литературы на ту область жизни, которая может быть для кого-то важнее собственно литературы.

Также невозможно согласиться и с подходом к литературе как вещи в себе, развивающейся изнутри себя. Примеры такого подхода вообще редко можно встретить в русской критике. Скажем, чужд он был даже противникам Чернышевского и Писарева — Александру Дружинину, Павлу Анненкову, которых ошибочно называли приверженцами «чистого искусства». Полемика этих авторов с «демократической критикой» имела целью не утверждение собственного взгляда, а лишь протест против прикладного подхода к литературе («дидактики»). Борьба с дидактикой за утверждение художественности зачастую полностью игнорировала общественный контекст (за что получала справедливые упреки), однако была исторически справедлива как стремление исправить крайность («естественно, что, чтобы выпрямить прут, его нужно гнуть в другую сторону»¹⁶).

¹¹ Игорь Золотусский, «Почерк войны».

¹² Аполлон Григорьев, «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина».

¹³ Николай Страхов, «Война и мир. Сочинение графа Л. Н. Толстого».

¹⁴ Михаил Бахтин, «Проблемы творчества Достоевского».

¹⁵ Михаил Лобанов, «Образ и схема».

¹⁶ Александр Дружинин, «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения».

В рамках той же «борьбы с дидактикой» можно рассматривать спор символистов и Розанова с Михайловским, Антоновичем, Зайцевым и другими наследниками «демократов»¹⁷ или серию выступлений критиков против беллетристичности советской литературы в 1960—70-х годах¹⁸. Сколь распространен был прикладной подход к литературе, столь же напряженным было противостояние ему.

По-настоящему же подход к литературе как вещи в себе был реализован только русской формальной школой, для которой «предметом науки о литературе является не литература, а литературность, то есть то, что делает данное произведение литературным произведением»¹⁹. Попытка построения специфического знания о литературности как таковой привела «формалистов» к созданию отвлеченного учения о форме как о совокупности приемов, а также к отказу заниматься проблемой художественной ценности вообще. Позднее, в середине XX в., подобный подход был характерен для структуралистских теорий, также стремившихся создать учение о художественной литературе как о некоей замкнутой области, подчиненной строго установленным (обычно с помощью естественных наук) законам. Подробнее мы рассмотрим эти попытки и принципы, на которых они строятся, во второй части нашей книги. Сейчас же заметим, что литература настолько сильно связана с многообразием внешнего по отношению к ней мира, с его общественными проблемами, происходящими в нем процессами, что, не учитывая этого (или воспринимая содержание исключительно как мотивировку, как формалисты), можно построить только некое обособленное самоценное знание, совершенно

¹⁷ Например, Василий Розанов, «Счастливым обладателем своих способностей», и др.

¹⁸ Виктор Чалмаев, «Насущные проблемы прозы», Михаил Лобанов, «Бессильная красота», Ирина Роднянская, «О беллетристике и “строгом” искусстве», и др.

¹⁹ Роман Якобсон, «Новейшая русская поэзия».

неадекватное сути того, что оно берется описать²⁰.

То, что мы называем философией литературы, объединяет положения и подходы, предметом которых является собственно художественная литература и именно она, однако сама художественная литература не существует в самоизоляции, на нее непосредственно влияет множество других сфер человеческой жизни. И это влияние должно непременно учитываться философией литературы как один из существенных моментов.

Еще одному виду критической деятельности нужно отдать должное и оставить его за рамками нашей книги — это исследование литературного процесса.

Литературный процесс включает в себя все, что существует в профессиональной и медийной среде: эстетические направления; враждебные друг другу писательские группы; дискуссии между этими группами и направлениями; талантливые авторы и те, чье творчество станет явлением культурной жизни, пусть даже художественная ценность его минимальна; книги, вышедшие большими тиражами; литературные премии, заметные публикации в толстых журналах или на электронных ресурсах и т. д. Литературный процесс похож на огромный котел: что-то в нем интересно, а что-то, как мелкий пузырь, лопается и исчезает. Его явления могут быть достаточно хорошо изучены, они объективны не потому, что объективна их ценность, а потому, что они существовали либо в информационном, либо в профессиональном поле.

²⁰ Сравним, например, в книге Павла Медведева «Формальный метод в литературоведении»: «Боязнь оторваться от имманентной действительности литературы ради иной, только отраженной в ней действительности, не должна приводить к отрицанию наличности этой последней в художественном произведении, как это делается в русском формализме, или к недооценке ее структурной роли в нем, как в формализме европейском. Это пагубно не только с точки зрения внеположных искусству (относительно внеположных) общеметодологических и социологических интересов, но и с точки зрения самого искусства: ведь недооценивается один из важнейших и существеннейших структурных элементов его, вследствие чего искажается и вся его структура».

Исследователь литературного процесса занимается тем, что каждого нового автора «помещает в контекст», задает ему место внутри этого «котла»: анализирует списки финалистов различных премий, отслеживает тенденции книжного рынка, находит тематические и эстетические связи между творчеством разных авторов. Это исследование не предмета, которым должно заниматься профессиональное сообщество, а исследование самого профессионального сообщества. Такая деятельность может быть полезна, однако автору этой книги она чужда.

Собственно, вся эта книга посвящена обретению подходов, позволяющих понять, что же является по-настоящему художественной литературой, кто из существующих авторов представляет ценность как большой писатель. Чтобы в конечном счете извлечь этих авторов из контекста, обосновать их значительность и из найденных «вершин» сложить подлинную картину современной литературы (вовсе не совпадающую с текущим состоянием всего литературного процесса).

Также мало интересует нас критика как информационная война. Конструктивная полемика, целью которой является совместный поиск истины, может и должна присутствовать в критике, однако информационная война ставит целью не обретение истины, а победу любой ценой. Она требует особых методик: риторических приемов, умения уязвить оппонента, обесценить и маргинализировать его позицию. Информационная война бывает оправданна, особенно в моменты острых общественных противостояний (например, между «почвенниками» и «либералами» в 1980—90-х гг.). Однако и этот вид критической деятельности автору данной книги чужд.

3.

Несмотря на явную ориентацию на объективность категории художественности, автор этой книги вполне понимает, что ни одно полноценное критическое исследование не существует в отрыве от

текущих задач литературы и науки о ней. Для современной критики в целом характерны: хаос мнений, отсутствие признаваемых подавляющим большинством профессионалов принципов и критериев анализа художественного текста, а также — переживание этого факта как неконструктивного, требующего работы по преодолению, по созданию объемного представления о литературе, соответствующего имеющемуся у нас опыту, в том числе литературы недавнего времени. Автор видит эту книгу как свой посильный вклад в борьбу с энтропией и поиск контуров будущего целостного знания.

По понятным историческим причинам последние тридцать лет литературная критика занималась не столько построением, сколько осмыслением ситуации разрушения и невозможности существования единых подходов к литературе. Особенно острыми были в этом смысле 1990-е гг., когда «культурное время... поставило под сомнение не состав судейских коллегий... а саму определенность эстетического суждения, различие удачи-неудачи в художественной деятельности»²¹. В связи с распадом старых критериев художественности возросло значение писательской индивидуальности, критика стремилась к пониманию каждого конкретного текста (зачастую без какой бы то ни было оценки его), художественные авторитеты утрачивались, раздавались требования построения так называемой «горизонтальной иерархии». Новая реальность требовала от критики смены парадигмы (что происходило в «либеральном» лагере, зачастую трагически²²) или ожесточенного сопротивления (в лагере «патриотическом», восприни-

мавшем происходящее вокруг буквально как апокалипсис²³). Возникали новые жанры критического высказывания, направленные не на осмысление, а исключительно на продвижение литературы (зачастую имеющие коммерческую мотивацию): сначала газетная критика, а потом огромный пласт книжной блогосферы. Все это происходило на фоне общемировой тенденции на «разрушение больших систем», так что ситуация в целом не располагала к возможности создания единой системы критериев и подходов²⁴. В «нулевые годы» появилось несколько молодых критиков²⁵, пытающихся противостоять общей тенденции распада, однако их деятельность была проникнута волюнтаристским пафосом, недостаточным для кропотливой работы по созданию полноценной критической системы (им был ближе жанр манифеста, а не серьезного научного исследования).

Пытаясь подступиться к обретению целостного понимания художественной литературы и осмыслить опыт крупных критиков прошлого, мы должны учитывать, что в истории литературы бывали периоды растерянности, периоды заостренной полемики, а бывали периоды обобщения достижений предыдущих этапов и создания объемного учения. Последним таким учением, по видимому, нужно считать «классическое советское литературоведение» 1960—70-х гг., созданное группой советских критиков и литературоведов (в основном имевших отношение к ИМЛИ), таких как Вадим Кожинов, Петр Палиевский, Сергей Бочаров, Леонид Тимофеев, Ирина Роднянская, Лидия Гинзбург. От

²¹ Ирина Роднянская, «Гамбургский ежик в тумане».

²² Например, Сергей Костырко, «О критике вчерашней и «сегодняшней». По следам одной дискуссии», Ирина Роднянская, «Герменевтика, экспертиза, дегустация, санэпиднадзор», Наталья Иванова, «Пейзаж после битвы», Владимир Новиков, «От графомана слышу», и др.

²³ Например, Вячеслав Лютый, «Случайные черты», Ирина Стрелкова, «Литература в отсутствие критики», и др.

²⁴ Пожалуй, единственное объемное концептуальное знание в русском литературоведении этих десятилетий представлял журнал «Новое литературное обозрение», но и он оставался целиком в постструктуралистском поле.

²⁵ В основном группирующихся вокруг явления, названного ими «новым реализмом».

того периода нам остался ряд теоретических сборников (трехтомник «Теория литературы» (М., 1963), «Слово как образ» (М., 1964), «Современная литературная критика. Вопросы теории и методологии» (М., 1977))²⁶, выпуски научного журнала «Контекст», учебники по теории и истории литературы (Л. Тимофеева, Б. Бурсова, В. Кулешова). Исследования эти вобрали в себя опыт нескольких десятилетий советской мысли: они оттолкнулись от крайностей «формализма», воспользовались плодами работы серьезных ученых первых советских десятилетий, например Григория Винокура и Виктора Виноградова, напитались идеями вновь обретенного Бахтина и т. д. Отчасти они даже учитывали опыт «классической» русской критики второй половины XIX в., созданной Аполлоном Григорьевым, Николаем Страховым, ранним Василием Розановым и примыкавшими к ним, но не занимавшимися непосредственно литературоведением общественными мыслителями Константином Леонтьевым, Николаем Данилевским и т. д. И потому период «классического советского литературоведения» будет предметом самого пристального нашего внимания.

Это вовсе не значит, что мы изначально некритично станем относиться к работам теоретиков литературы 1960—70-х гг., однако их деятельность во многом созвучна нашим попыткам построить философию литературы как единое целостное знание. Критика этого периода особенно замечательна тем, что оставила нам несколько статей, «закрывающих вопрос» в той или иной области поэтики (именно в силу свойственного тому периоду стремления обобщать и систематизировать). И потому даже в

первой части нашей книги, посвященной русской критике XIX в., мы будем упоминать работы советских литературоведов 1960—70-х гг. (например, «О беллетристике и моде в искусстве» или «Слово как образ» Вадима Кожина или «Литература в поисках реальности» Лидии Гинзбург). Конечно, можно было бы ограничить разбор того или иного положения философии литературы анализом только «закрывающей вопрос» статьи, однако в этом случае потерялось бы множество акцентов и деталей, утратилась бы острота проблем, связанных с разрешением этого вопроса (которые сами по себе содержат много ценного опыта). Поэтому каждое положение философии литературы будет разбираться нами подробно и последовательно от первых подступов до итогового разрешения.

Особенно отметим, что советское наследие интересует нас безотносительно идеологических оценок. Альтернатива «советское — антисоветское», значимая для литературного процесса 1990-х гг., на данный момент окончательно утратила свою конструктивную остроту и не имеет для нас интереса. Признавая важность общественных вопросов, властно вторгающихся порой в художественный текст (и признавая это вторжение значимым фактом философии литературы), автор этой книги категорически против того, чтобы вносить тот или иной конкретный идеологический момент в осмысление понятия художественности²⁷.

Итак, сделав все необходимые замечания, приступим.

(Продолжение следует.)

²⁶ Кроме того, менее важные, но нуждающиеся в упоминании: «Методологические проблемы современной литературной критики» (М., 1976), «Актуальные проблемы методологии литературной критики. Принципы и критерии» (М., 1980), «Проблемы теории литературной критики» (М., 1980) и др.

²⁷ Кстати, именно в этом, по нашему мнению, проблема осмысления наследия советского литературоведения в современной «патриотической» критике: помня этих авторов и даже в каком-то смысле сакрализуя их (например, Вадима Кожина, Михаила Лобанова, Петра Палиевского, Татьяну Глушкову), она не может абстрагироваться от их общественных заслуг, творчески подойти к их наследию и развить его в современных обстоятельствах.

Михаил ГУНДАРИН

СОЛНЦЕ ВСХОДИТ И ЗАХОДИТ

Главы из новой книги о писателе Евгении Попове

ЧЕЛОВЕК ИЗ СИБИРИ

Сибирь. Родня

Наш герой родился 5 января 1946 года в Красноярске. Старом, опорном городе Сибири. Сибирь — вот одно из ключевых слов, необходимых нам для описания поступков, странностей и достижений Евгения Попова. Да и характера его прозы, конечно, густо замешенной на сибирской бытовой и языковой культуре. Которая, как было понятно давно, отличается от культуры общероссийской.

Еще в 80-х годах позапрошлого века сибирский публицист и общественный деятель Николай Ядринцев писал: «Нам остается еще указать на одну черту местного характера, отмечаемую путешественниками и этнографами. Этою чертою, отличающею русское население на Востоке, признают “наклонность к простору, воле и равенству”. Нельзя сказать, чтобы это воспитание индивидуальной жизни прошло бесплодно. Оно закалило местный характер, приучило к труду, самостоятельности и самодеятельности. Такому обществу предвидится впереди не разложение, а развитие».

Книга Ядринцева называлась многозначительно: «Сибирь как колония» и вызывала резкое неудовольствие тогдашнего начальства. Правительство публициста преследовало; при советской власти его не печатали, хотя называли улицы его именем. Сегодня идеи Ядринцева и других так называ-

емых «сибирских областников» поднимают на щит те, кто считает, что Сибирь серьезно отличается от России. А сибиряк — от жителя среднерусских равнин. И это должно быть как-то учтено в общегосударственной политике (чего не было никогда — и вряд ли будет, увы).

Несомненно, что первоначально население Сибири формировалось и пополнялось двумя категориями русских людей — теми, кто был настолько социально активен, что не мог сидеть на своем клочке земли, «под барином», и рвался к чему-то большему. В Сибири, напомним, не было крепостного права. А еще теми, кому сибирский транзит был предоставлен властями — опять же за их чрезмерную активность.

Третьим составляющим элементом народа Сибири стали местные жители. В большинстве своем они охотно ассимилировались с пришельцами, культурно, религиозно и лично. Оттого у сибиряков сплошь и рядом просвечивает в лицах нечто монголоидное, а обладатель Ф. И. О. Иван Иванович Иванов частенько оказывается, например, стопроцентным якутом.

...Он пожирает
Очами чудные красы:
Тунгуски черные власы
Кругом повиты аргуланом;
Он, разукрашенный моржаном,
На стройном девственном челе
Горит, как радуга во мгле.
В ее устах не дышат розы,
Но дикий огненный ургуй
Манит любовь и поцелуй...

Это стихотворение малоизвестного сибирского поэта по фамилии, что характерно, Бальдауф, приведенное Ядринцевым, потом отзовется в произведениях одного из сомнительных альтер эго Евгения Попова — Н. Н. Фетисова. Да и в родословной нашего героя, как увидим, без «тунгусок» (в широком смысле) не обошлось.

Повышенная социальная активность наряду с отмеченными публицистом самостоятельностью и самодеятельностью оставались основными чертами сибиряков и в XX веке. Несмотря на массовый террор, дикий уровень жизни и попытки тотального контроля всего и вся, которые, кажется, к 1946 году достигли своего апогея.

Но в том все и дело, что в самой глухой тьме сибиряк во все времена мог отыскать свой, частный огонек и не дать ему погаснуть. Этот огонек мог называться «книга», или «водка», или «семья», или просто «что хочу, то и ворочу» — но за него сибиряк во все времена был готов биться.

Итак, отец Евгения Попова, Анатолий Евгеньевич, родился в июле 1910 года в с. Рождественском Казачинского района Красноярского края. Сегодня уже известно, что в семье священника. Однако подробности до конца неизвестны. Сам Анатолий свое происхождение скрывал. В советские времена такие сведения прятали особенно тщательно, да так, что уже потом было и не отыскать. Имеются, например, сведения о том, что настоящий дед нашего героя был расстрелян в 1919 году...

Как сказано в романе «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» (1998), «сам я уже много лет знал от пьяницы дяди Вани из Енисейска, что моего дедушку убили “красные” за то, что он был священником в большом сибирском селе К. на юге К-ского края, и что отец всю жизнь скрывал этот губительный для него факт биографии, числясь по анкетам “сыном учителя”».

«Учителем», чьим сыном записывал себя Анатолий, был его отчим Василий

Анисимович Федосеев, один из основателей Красноярского пединститута. Федосеев болел туберкулезом и умер перед войной. Евгений Попов вспоминает, что увидел фотографию Федосеева на стенде портретов основателей института — когда пришел туда заключать договор с директором (дело было во время работы в Художественном фонде). Директор института договор заключить отказался, а от соблазна напомнить ему, чьего внука он видит перед собой, благоразумно отказался сам Попов.

Вообще же, по отцовской линии Евгения Попова можно считать сибиряком с незапамятных времен. Были в роду и представители малых сибирских народов, вроде «тунгуски» из процитированного стиха.

Отец героя в 1927-м окончил восемь классов девятилетки, затем — Красноярский гидромелиоративный техникум (1931). После службы в армии с конца 1934 года был инспектором и техником Красноярского управления гидрометслужбы. Однако самым важным для него оказалось не это.

Анатолий Попов с детства увлекался спортом. Был заметным игроком в футбол и хоккейной команде красноярского «Динамо». В этом качестве известен особо продвинутым фанатам красноярского спорта и сегодня. Ну а где команда «Динамо» — там и НКВД. Весьма образованный по тем временам (техникум!) Попов-старший стал офицером. Служил в МВД в звании капитана во время войны (на фронте не был), потом была командировка в Караганду на несколько лет (по сути — просто ссылка, которую он отбывал со всей семьей). С 1953 года Анатолий Попов работал в Красноярске в системе исполнения наказаний.

Карьеры не сделал. Крепко выпивал. В какой связи находятся эти два факта — сказать сложно. То есть пил из-за неудач по службе или не давали хода из-за столь распространенного порока? Или сыну священника ненавистна была сама служба?

В итоге — ранняя смерть от инфаркта, всего-то в 50 лет.

Как вспоминает сам Евгений Попов, он видел огромный том отцовского «дела» в красноярском МВД в 1961 году, когда его туда вызывали оформлять пенсию. Показали том — и спрятали, на руки не выдали. Ни тогда, ни после.

Предки по линии матери носили фамилию Мазуровы, прибыли в Сибирь в конце XIX века из-под Таганрога. Крестьяне. Жили в ближнем к городу селе Емельяново (теперь тут Красноярский аэропорт), затем в самом городе.

Мать героя Галина Александровна родилась 8 марта 1918 года. В 1937-м окончила в Красноярске десятилетку, поступила в Красноярский пединститут, не окончила, работала в Красноярском управлении гидрометслужбы, потом в детских садах, в начале 60-х в дошкольном секторе гороно... Умерла в 1970-м. Тоже, конечно, рано. Инсульт.

С отцом они вступили в брак 13 июля 1939 года. Помимо Евгения, у них была дочь Наталья (старше героя на 8 лет).

Как можно предположить, отношения с отцом были противоречивы — вряд ли ему нравилось увлечение сына литературой, проявившееся достаточно рано. Но, будучи человеком добрым — или слабым? а где проходит грань? — Анатолий Евгеньевич в его дела особо не вмешивался. Сам же герой много раз в своих рассказах вспоминает, как ударил пьяного отца палкой, чего тот вовсе не почувствовал (ну, не на это ли и расчет был?). «Кроткий пьющий... офицер системы» — так назовет он своего отца много позже. Что, конечно, сразу вызывает в памяти другую пару «отец — сын» — также служащий в исправительной системе отец-Савенко (хоть и не пьющий особо) и его беспокойный отпрыск. Видимо, примета времени, в котором количество военных, а также з/к и их охранников было огромно: не то чтобы Лимонов и Попов стали теми, кем стали, из-за своих отцов. Будущие разрушители устоев не могли избежать такого родства просто по теории вероятности.

Много лет спустя Евгений Попов в одном из интервью скажет: «Я родителей вспоминаю с нежностью, несмотря на то, что у отца были крупные, как ныне выражаются, “проблемы с алкоголем”. Мы жили в Красноярске в каких-то жутких квартирах с сортиром на улице, но у нас в доме было много книг. Родители не притесняли и не обижали меня, поощряли мои увлечения (фотография, музыка, потом — сочинительство). Мне была предоставлена полная свобода, в этом, очевидно, и заключалось “семейное воспитание”. Родители любили меня, а я — их». Похороны отца описаны в одном из самых трагических и трогательных рассказов Евгения Попова — «Пение медных».

Но, помимо отца с матерью, маленький Женя Попов общался с большим количеством своих родственников — тоже, само собой, коренных сибиряков. Было у кого учиться этому самому сибирскому характеру!

Яркий эпизод произошел во время карагандинской командировки отца. Он описан не раз, приведем вариант из раннего рассказа «Сын офицера» (1963). «Бабка моя была седая и вздорная, она не любила никого на свете, а пуще всего Сталина. Только из принципа она набивала ведро вареной картошкой, морковкой, хлебом и относила в сарай, где заключенные все это съедали. Раз она повесила на окно кулек с сахаром. Соседка Захарова заметила это, и отцу вlepили строгий выговор на партийном собрании.

Отец после собрания крепко выпил с офицерами и ночью выговаривал бабке, но она ничего не ответила, а только поджала губы, да и то потому, что он был единственным человеком на земле, которого она любила. Бабка забилась в истерику, когда он пришел как-то весной пьяный, весь извалянный в коричневой глине, без фуражки, с окровавленным лицом. У него до самой смерти оставался на лбу маленький шрам-самолетик, и он был единственным человеком на земле, которого любила бабка».

Речь идет о Марии Степановне, матери отца, которой пришлось потерять двух мужей, повидать на своем веку немало — и уж Сталина ей любить было точно не за что. Однако, за редкими исключениями, вроде описанного выше, она никак своих чувств не проявляла (впрочем, среди своих в выражениях особо не стеснялась). Потому и сумела пережить тирана, хотя всего на несколько месяцев.

В своем романе «Душа патриота, или Различные послания к Ферфичкину» (1983) Евгений Попов повспоминал своих многочисленных родственников, и родных, и двоюродных-троюродных, что называется, от души. И их образы крепко запоминаются читателю, наводя на размышления и сравнения со своей родней. Вот, например, двоюродный брат матери дядя Коля, виртуозный бильярдист и ловелас, его жена и другая родня по этой линии: «Он говорил тете Маше, что едет в командировку, и она собирала ему чемодан. А потом его однажды во время командировки в далекий город Таганрог (!)... встречают в Татарской слободке у мясокомбината, где дядя Коля вышел утром из деревянного домика, утопающего в белых сибирских снегах, и, солидно ступая подшитыми валенками, в телогрейке-фуфайке, ясно, невинно глядя на окружающий мир, направился с двумя пустыми ведрами к ближайшей водоразборной колонке, стилой, с наледью. Тут его и встретила на беду тети-Машина подруга, донесла ей о встрече. Тетя Маша схватила бельевую веревку и побежала в сарай-дровяник. Никто не удивился. Она даже петлю не успела связать, как ее из этой петли вынули. Она вешалась и вешается каждую неделю, но ничего, пока что и до сих пор жива, дай ей бог здоровья!..

Тетя Маша тоже была на войне. Войну она вспоминала с женским веселием, любила петь лирические песни М. И. Блантера, Б. А. Мокроусова и В. П. Соловьева-Седого, а в минуты особого праздничного подъема, тут же переходящего в упадок, всегда исполняла неприличные куплеты про старушку и кон-

ный полк. Куплеты эти она называла “гусарскими”. Ее свекровь, мать дяди Коли, баба Таня, моя троюродная бабушка, тоже трудилась по медицинской части Красного Креста и Полумесяца, была сестрой милосердия в Первую мировую войну, знавала полярника Папанина. И муж ее, дед Вани, мой не прямой троюродный дедушка, тоже служил фельдшером. В 10-е годы нашего бурного века он выехал на холеру со своим ночным горшком, “ночной вазой”, как этот предмет деликатно именуют в ценниках, и малограмотная деревенская хозяйка, сибирская баба, сварила ему в этом горшке вкусные пельмени, ошибочно приняв “вазу” за новомодную городскую кастрюльку. Деда Ваня блевал».

Родно спланивала и необходимость держаться вместе, помогать друг другу в условиях, когда от чужих помощи ждать было нельзя. И — к сожалению — коммунальный быт, невозможно, немислимо тесный по нашим сегодняшним представлениям.

После возвращения из Караганды никакой квартиры офицеру МВД не дали, несмотря на многочисленные рапорты. Семья с двумя детьми пополнила собой своеобразную семейную коммуналку. В половине небольшого одноэтажного дома (разумеется, с печным отоплением и всеми удобствами на улице — даже за водой приходилось ходить на водокачку) жили восемь человек: две бабушки Жени, он сам, его тетя с сыном, ну и отец, мать и сестра. Подросткей сестре выгородили нечто вроде комнаты — натянули брезент до потолка... Были еще и жильцы, про которых с грустной иронией повествует рассказ «Как съели петуха» (были еще в этом домике, прямо в кухне, и другие постройки, например клетка-курятник). «Жили они недружно, но спали всегда вместе. И привыкли, да и деваться им обоим было некуда, так как жилплощадь их являла собой отгороженное фанерой пространство размером два на три, равняется шести квадратным метрам. Правда, фанера была до самого потолка. Тут уж ничего не скажешь».

При всем при том это не была, конечно, классическая коммуналка. В такой успела пожить бабушка героя, причем ее соседом был не кто иной, как знаменитый летчик Водопьянов (отдельных квартир, как видим, не хватало даже советским знаменитостям). Ну, конечно, столичных вариантов «48 комнаток — одна уборная» в Сибири все же не было. Тем не менее коммуналкам посвящен гневный пассаж нашего героя в романе «Подлинная история “Зеленых музыкантов”» (1998): «На мой взгляд, “коммуналка” — одно из самых дьявольских изобретений большевиков. Поселить людей с их индивидуальными “интимностями” в одной квартире, где они имеют “равные права” в виде единственного сортира на десяток семей, означало обресть их на медленно прогрессирующее безумие в виде подмешивания мочи в борщ ненавистных соседей, устройства дюжины индивидуальных выключателей для жалкой, полуслепой общественной лампочки, фантазмагорических адюльтеров, заканчивающихся доносами в КГБ».

Повторим: принципиальная разница с близким родственным общением была в том, что всерьез «своим на своих» обижаться было не принято. И нелепо думать, что обходилось без конфликтов — разрешаемых, впрочем, чаще всего опять же «по-родственному». Вот пример — трагикомический сюжет про деда Пашу, считавшегося в родне шутником и мистификатором. «Он раздавил моего котенка. Это произошло так. У соседей окотилась за печкой кошка Мурка, и мы взяли себе котенка.

То есть — деда Паша был грузный мужчина, весьма еще крепкий в свои тогда (1956, 76 лет) годы, имел короткую стрижку цвета “соль с перцем”, шубу хорошую, баранью, осенью надевал стеганый бушлат полуморской, летом — чесучовый пиджак, рубашку украинскую навывпуск, расшитую петухами, опоясанную крученой веревкой с кистями. И всегда ходил деда Паша в сапогах, которыми топал отчаянно, под ноги совершенно не интересуясь глядеть.

Вот вам и весь сказ. Был котенок, и нету котенка. Пришел деда Паша, топнул сапогом, не интересуясь глядеть под ноги — и нету котенка. Даже и не пикнул котенок.

— Старая падла! Дерьмо! Кулак срачный! Порт-Артур хренов! — мысленно шептал я деде Паше, глядя на него с детской ненавистью.

А деда Паша заулыбался и мне говорит:

— А вот посмотри, что у меня там в шубе в карманах есть, я шубу на вешалку повешал, у меня там в шубе в карманах, ты посмотри, что там в шубе в карманах есть...

— Вы, деда Паша, зачем мне котенка раздавили?

— А? Что? — Деда Паша наконец-то поинтересовался взглянуть себе под ноги и отчего-то совершенно даже не смутился.

— Вишь какой махонький был, — сказал он с некоторым даже укором, после чего ушел из кухни в комнату пить чай из чайного стакана и водку из граненой стопки синего стекла».

История с несчастным романским котенком (про которого мы даже точно не знаем, был он или нет на самом деле) вполне адекватно описывает сибирский характер. Нет заданных размеров — но не бывает и берегов. Сибирь!

Говорит Евгений Попов

«...Тетя Ира мне рассказывала, что во время войны у них в Красноярске эвакуированные квартировали, из Ленинграда. Сдружились. Через год они признались: “Уж мы первое время все плакали, плакали... Думали, что нас к евреям поставили. Только потом разобрались, что русские”. Я происхождение своей семьи по материнской линии довольно четко проследил. Они, имевшие фамилию Мазуровы, сами были переселенцы, крестьяне из окрестностей Таганрога. По неведомой причине явились на телегах в конце XIX века в село Емельяново, там, где рядом те-

перь знаменитый международный аэропорт того же названия. В окрестностях Таганрога жило много крестьян-греков, отчего, наверное, и моя “черномазость”. Когда меня один литературный тип из так называемой “русской партии” в начале 80-х пожалел, сказав, что мне из “метропольцев” хуже всех пришлось, потому что я полукровка, я ответил ему, что будь во мне хоть капля еврейской крови, то давно бы уехал на “историческую родину” или в США, но увы — русский я, русский, товарищ! “Товарищ” все понял, поверил, проверил, после чего мне тут же по вечерам повадились звонить пьяные анонимы, попрекавшие меня тем, что я “Шукшина жидам продал за мацу”. Все это прекратилось мгновенно, как только я сказал, что записываю все это на магнитофон и на днях передам в КГБ. Магнитофона у меня тогда не было, а сейчас он мне не нужен. Свобода ведь у нас...

А по отцу... У меня папаша когда напивался, то очень сильно грустил: “Я-то думал, что я донской казак, а оказывается, я тунгус”. Дело в том, что мои предки по отцу оказались в Сибири в незапамятные времена, чуть ли не вместе с Ермаком Тимофеевичем прибыли, может, чуть позже. Поселились на севере... Енисейск, Туруханск, Ворогово... Красноярска тогда еще не было. Они были казаками, разбойниками и священниками. Их фамилии были Краснопеевы, Поповы. Один из дальних предков женился на местной *ясашной татарке*, так тогда в Сибири русские называли всех инородцев. Перед этим ее окрестив. Говорили, что она была из национальности *кетты*. Отсюда у меня и “сибирская морда”. Да и старшая моя сестра Наташа “прямо как нерусская”. Это не диво для Сибири, которая такой же “плавильный котел”, как США. Они не были узкоглазыми, а походили на американских индейцев, уникальным своим языком, кстати, тоже. Столицей у кетов был и есть Туруханск. Сейчас кетов осталось 1492 человека, если не меньше, включая меня и моего сына Василия. Моя любимая жена Светлана, коренная

москвичка, ненавидела, когда я в пьяном виде объявлял себя кетом и намекал, что кеты имеют космическое происхождение, что Тунгусский метеорит был послан, чтобы увезти их *обратно*, да разбился. Я по церковным книгам определил обоих прапрадедушек, а дальше следы *родовы* теряются, что не удивительно. Деда Паша сбежал в Бурятию, чтобы не раскулачили. Мой отец, сначала известный футболист и хоккеист красноярской команды “Динамо”, а в конце жизни крепко пьющий майор МВД, всю жизнь скрывал, что он сын псаломщика из села Казачинское. Он умер, когда мне было 15 лет, и с тех пор я живу на свои деньги. У меня первая запись в трудовой книжке — 1962 год. Впрочем, я обо всем этом писал в романе “*Душа патриота*” и других своих сочинениях».

Первая бутылка

В упомянутом уже не раз романе «*Душа патриота*» главный герой говорит о себе так: «*Меня зовут Евгением. Моего отца звали Анатолием. Деда — Евгением. Прадеда — Анатолием. Про него я уже совсем ничего не знаю, кроме того, что и он был священником, как дед Евгений. Гипотетический пра... был, наверное, тоже Евгением. Или Анатолием. Пра... теряется, как пловец в одиноком море. Услышав, что один из пра... был женат на тунгуске, ясашной татарке, я понял, откуда это генетическое, переданное по отцовской линии: расхристанность бытового поведения и толерантность к спиртным напиткам, дающая возможность пить долго и не спиваясь, пьянея то от малых, то от больших доз в зависимости от личного настроения в период пьянки. И это не мелочь, это очень важно! В нашем деле мелочей нет! Русский и водка — это очень важная тема, да только кто теперь русский и что теперь водка?»*

В девятнадцатом веке, по свидетельству Ядринцева, все было примерно так же — разве что с национальным самоопределением вопроса не возникало.

В Сибири пили все, включая учителей гимназий: «В коридорах и на окнах артель учеников ставила часовых, чтобы предупреждать пьющих в коридоре водку учителей о появлении инспектора. Тут было не до науки!»

Без темы алкоголя в рассказе о жизни и творчестве нашего героя не обойтись. В его геологическом прошлом (а на момент начала жизни — будущем) настоящими учителями жизни выступали легендарные «алданские бичи». Пившие все, что можно было отнести к алкоголю даже с большой натяжкой. А в остальное время размышлявшие, где достать спиртное.

Пили помногу в московском андеграунде, где Попов окажется почти на десять лет, с середины 70-х. В том числе и легендарный Венедикт Ерофеев, с которым Попову довелось тесно пообщаться. Пили и продолжают пить доблестные представители отечественной словесности, с которыми Евгению Попову приходится иметь дело как президенту Русского ПЕН-центра (но уже не так пьют, не так...).

В общем, русское пьянство — это факт, и факт неоднозначный. Евгений Попов любит цитировать свою фразу, с которой вполне была согласна Белла Ахмадулина: «Алкоголизм погубил Россию — водка спасла». Ну и конечно: можно быть писателем, не притрагиваясь к спиртному, таких примеров сколько угодно. Однако таким, как Евгений Попов, — наверное, все-таки нельзя.

Об алкогольных мотивах в его прозе можно легко написать диссертацию. Правильнее даже будет говорить об «алкогольном мифе Попова». Тут и знаменитые «Пять песен о водке» (в названии, естественно, явная издевательская пародия на «Три песни о Ленине» Дзиги Вертова), максимально сжато, но глубоко дающие панораму провинциальной жизни позднего Союза. И алкогольная утопия, в которую попадают герои рассказа «За жидким кислородом». Наконец, виртуозная травестия вечной темы «алкоголь и вдохновение» в рассказе «Вне культуры». Ну и как забыть «Плешивого мальчика»,

своего рода эмблему писателя, который летит «по небу полуночи» следующим образом: «Он был пьян. Он качался в воздухе и терял золотые стрелы. Они падали на землю, косые и вертикальные, как дождь». Именно так должен был начинаться первый сборник Попова, составленный из ранних рассказов и в 1970 году отвергнутый (с такой-то заставкой!) всеми издательствами. (Кстати, лирический герой рассказа, давшего название сборнику, также растворяется в алкогольной утопии, путь в которую описан чрезвычайно красочно: «Я раскупорил десять бутылок и слил вино в канистру, которая не пахла бензином, керосином, тавотом — веществами смазочными, машинными, механическими; она пропиталась смуглой «Лидией», водкой, дешевым коньяком «Арагац», криками “Эй, поди сюда”, тюльпанами и гвоздикой».)

Разница с другой легендарной книгой «про это» — «Москва — Петушки» — колоссальна. Герои Ерофеева попадают в алкогольный ад. Герои Попова — в русскую нирвану. И это не случайно.

«Пора, наконец, признать со всей суровой прямотой — не любят в России не пьющих водку и другие алкогольные напитки людей... Не любит Россия трезвых и понимать их не желает — печень у них или не печень».

«Увы, но большинство русских пословиц восхваляет пьянство и удаль, а любимой песней моего народа является описание того, как один прибалтненый алкаш, которого правильные воры непременно осудили бы за “беспредел”, с похмелюги “замочил” в Волге иностранку благородного происхождения.

Пьян да умен — два угодыя в нем.

Или любимая песня маленького В. Ульянова:

Богачу-дураку и с казной не спится.

Бедняк гол, как сокол, поет-веселится».

(«Подлинная история “Зеленых музыкантов”»)

В общем, не зря вышедшая в США первая книга Е. Попова имела вполне говорящее название «Веселие Руси».

Вряд ли кто сомневается, что в алкогольной утопии не раз побывали не только его герои, но и сам автор. Любознательному, активному подростку, выросшему в сибирском городе, да еще среди такой родни, что называется, в самой народной гуще, раннего знакомства с алкоголем, конечно, было не миновать. Тем более что алкоголь всегда входил в состав литературной традиции. Входит, надо заметить, и до сих пор, хотя молодые поэты и прозаики пьют меньше — просто у них есть больше возможностей для проведения досуга с удовольствием, да и пользой для своих литературных занятий.

А тогда... «Все друзья моего отца, насколько я их помню, были спившимися альпинистами, футболистами, хоккеистами. Один был саксофонист. Он играл в кинотеатре “Совкино”, и меня к нему хотели отдать в ученики, но потом сочли, что у меня слабые легкие. Остались лишь фамилии Гунька Цыбин, Ваня Маевский, Алеша Задоя, Костя Зыкин. Они все исчезли. А куда — мне решительно неизвестно» («Подлинная история “Зеленых музыкантов”»). Пить — но держаться, не тонуть в этой нирване окончательно, соблюдать — нет, не меру (какая мера для сибиряка!), но свое направление.

Вот парадокс: хотя в 50—60-е в Сибири пили, кажется, все, того алкогольного кошмара, который опустился на страну в 70-е, все же не было. Очевидно, что тогда кроме пьянки было в жизни еще что-то — надежда на то, что окружающий мир все же изменится. Может быть, еще шел импульс от Победы. Или от разоблачения культа. Или от великих строек 60-х... Потом это исчезло. «Безвременье вливало водку в нас», — скажет в 70-х еще один знакомый Попова.

Так вот, мужчины пили водку. Женщины — «красненькое». Упаси бог, не сухое, которое народ сибирский скорее презирал. Красненькое — это портвейн.

Ну и шампанское на Новый год, это уж как заведено. В деревнях женщины за просто пили и водку... Коньяк был продуктом для немногих — в народе считалось, что он клопами пахнет. Да и дороже он водки был почти в два раза. У коньяка была вполне определенная социальная предназначенность — его пили спекулянты, воры, профессора, руководящие работники...

При том что каждый день помногу пили только пьяницы. Может быть, еще и «богема», те немногочисленные в Сибири сограждане, которым с утра каждый день на работу ходить было не надо. Остальные находили как минимум праздничный повод — ну или отмечали настоящие праздники.

Абсолютно ничего криминального родители не видели в том, что подросток мужского пола начинает понемногу выпивать. Разве что скажут: деньги зарабатывать сам. Наш герой так и делал. Работал грузчиком. Получал крохотные гонорары в газете. Наконец, устроился, еще учась в школе, в геологическую партию (об этом в следующей главе).

Соответственно, денежки у него на выпивку водились. Да такие, что оставалось на угощение друзей старшей сестры, так называемых «стиляг», с которыми Попов водил развеселую кампанию, несмотря на существенную разницу в возрасте. Вот характерный случай.

Завалилась компания стилиг в ресторан «Енисей». Денег, как всегда, было мало, поэтому взяли много портвейна — и совсем чуть-чуть закуски, какого-нибудь сыра с хлебом. Пока ждали это изысканное угощение, наш герой достал из школьного портфеля, который был у него с собой, тетрадки и стал готовить уроки... Можно представить себе это зрелище! Портвейна было так много, что выпили не весь, одна бутылка оказалась в том самом портфеле, где, к несчастью, и разлилась, придав всему содержимому соответствующий вид и аромат. Несмотря на ужасное похмелье, Евгения с утра

растолкала мать и отправила в школу с сакраментальной фразой: «Вот как вчера пил, так сегодня в школу иди». И он даже пошел — но одноклассники указали как на его внешний вид, так и на то, что представляли собой залитые вином учебники и тетрадки. Поэтому он предпочел из класса гордо и без объяснения причин удалиться, причем уже после того, как начался урок. И такое случалось, скажем так, достаточно регулярно. При этом наш герой продолжал учиться, читать книги, пробовал писать.

Да и выпускной вечер в красноярской средней школе № 20 запомнился прежде всего огромным количеством спиртного, которое предприимчивые школяры прятали в унитазах бачках — и потом периодически удалялись в туалет, чтобы принять очередную дозу... Напились все безумно. Универсальный способ, который, поди, в ходу и сегодня.

Зато наркотики обошли красноярского подростка, как и все его поколение, стороной (что сегодня, увы, представить почти невозможно). И Попов разделяет точку зрения, согласно которой наркомания так бурно развернулась именно после того, как в горбачевские времена водки достать стало невозможно. Иначе было в годы его позднего детства. «Образно говоря, в те годы нормальные люди “черемок не шабили”, “колеса” не глотали и “на игле не сидели”. Я анашу пробовал два раза в жизни. Первый раз в институте, совместно с А. Э. Морозовым, Б. Е. Трошем и “Красным крепким”, после чего все мы сильно блевали, второй раз — уже будучи “писателем” — вместе с водкой, классиком Фурдадыкиным и колдуном Ерофеем, после чего все мы тоже блевали. Не пошло, знаете ли... И слава Богу, что уберег Он от этой несомненной заразы. Подлость перестроенного “антиалкогольного указа” еще и в том была, что наркомания начала свое победное шествие по России» («Подлинная история “Зеленых музыкантов”»).

А вот какой была его первая — легендарная — бутылка.

Говорит Евгений Попов

«Все правители России, за исключением Путина, перманентно боролись с пьянством и всегда проигрывали. На памяти моей жизни они делали это три или четыре раза. Может, даже пять. Сейчас бороться с пьянством бесполезно, потому что сейчас люди стали меньше пить, хотя спиртного в магазинах хоть залейся.

Мне было пятнадцать лет. У моей бабушки по матери в ее деревянном доме, где мы все тогда жили, вечно находили приют всякие *клерикальные элементы*. Монашка Анфюшка из разоренного большевиками женского монастыря, про которую мой двоюродный брат Саша утверждал, что видел у нее хвост, отсидевший и сосланный нищий по прозвищу Деда, который приезжал на Пасху из ссыльной деревни побираться. Он плакал, вспоминая своих детей, которых убили немцы. Однажды он умер у бабушки на сундуке, велел отдать мне и брату собранные на паперти монетки.

На них мы и купили бутылку портвейна “Лидия”. С непривычки оба опьянели, и я стал задирается с прохожими, а брат меня окорачивать. Когда я начал курить, не помню. Последнюю сигарету выкурил 6 июля 2009, когда меня хлопнул инфаркт».

Сказки, письма, фотографии

«Читать я начал в четыре года, а вскоре начал и писать. Сначала, так сказать, бессознательно, просто как всякий читающий мальчик. Но вскоре — и вполне серьезно», — говорит Евгений Попов. «Осознанно занялся литературой в 1961 году». Однако об этом в следующих главах.

Пока — читал. Книги в семье водились, и было их довольно много. Потом, увы, когда дети подросли и стали самостоятельными, многое они снесли в букинистический магазин. Именно об этом один из самых ранних рассказов Евгения Попова «Спасибо» (1961).

В этой, по сути, лирической миниатюре герой отправляется продавать букинисту собрание сочинений Паустовского, заодно вспоминая, как он эти книги читал. Обстановка этого чтения чем-то напоминает описанную Михаилом Булгаковым в «Белой гвардии», которую наш герой в то время, понятно, знать не мог. Со стилистической и интонационной точки зрения тут, конечно, влияние автора «Мечтателей» (Булгакова, конечно, читавшего), но важнее совпадение доброй семейной атмосферы, будь то неблагоустроенный дом в середине Сибири или профессорская квартира в Киеве. Приведем этот маленький рассказ почти полностью.

«Все-таки придется продать. Шесть томов в коричневом переплете. Каждый опоясывают две полоски: красная и черная. Я обертывал книги калькой, и полосы все равно были видны, только немного тускло. Я люблю эти цвета. Они не дают успокоиться. “В жизни много дряни”, — говорит черная. “Не бойся, победа за нами”, — говорит красная. Она немного шире черной...

Скажут, сентиментальный. А я жил за этими книгами лучшие часы своей жизни, которая только начинается.

...Зеленый свет настольной лампы освещает фигуру парня, почти подростка...

В окно врывается зной батумского дня, гремит бубен, за столиками шумят посетители: рыбаки-греки, матросы. Здесь и я, сильный и смелый. Чокаюсь с моряками, слушаю истории, полные выдумки и соленых брызг...

— Пора спать.

— Сейчас.

Голубой Север. Крепкие девушки-рыбачки. Бородачи-охотники. Царство силы, холода и красоты. Листаю дальше.

Соленый запах Кара-Бугазского мирабилита. Непередаваемая красота средней России.

Хватит. Решил, значит, всё...

Букинист очень старый. Говорят, что он “работает с книгами больше тридцати лет”. Сухо очень. Ведь он дышит этими пожелтевшими томами. Я считаю его хорошим

человеком, гражданином. Да он и не может быть другим, таким его сделала книга.

— Здесь все шесть, — мой голос срывается.

Он медленно перелистывает страницу за страницей. Это его обязанность — смотреть, чтоб не было вырванных и грязных листов.

Он возьмет, обязательно возьмет. Книга редкая, попробуй достань. Почему же, когда подаю пятый том, дрожит рука.

Он на меня странно посмотрел. Клянусь, что посмотрел, а теперь вот снова манипулирует желтыми от папирос пальцами.

— Н-не возьму, — неожиданно говорит старик, уже бесстрастно глядя вперед.

Я хочу спросить — почему? Но слова застывают на губах. Теперь мы с ним объединены какой-то маленькой тайной. Никто больше не знает о ней. Ни бабка, сдающая пышные издания Ольги Форш, ни высокий студент с беспокойным взглядом (боится, что не возьмут учебник без титульного листа).

Я иду и думаю о том, что денег ни копейки. До стипендии неделя, а завтра мне — восемнадцать.

Но тут я замечаю, что небо светлое и какое-то особенно хорошее. Глазам больно от дерзкого солнца. Нарядные девушки проходят, громко переговариваясь.

Жизнь.

Спасибо тебе и старому букинисту. Сегодня вы мне дали хороший урок. Как это назвать, я не знаю, но думаю, что урок этот тесно связан с правдой и честностью жизни.

Спасибо.

Я иду, закинув за плечо тяжелую спортивную сумку».

Итак, книги у Поповых не только покупались, но читались и обсуждались всей семьей. Например, «Россия молодая» Юрия Германа — неплохая книга неплохого советского писателя. Даже отец, выпив, жалел о судьбе героя книги — честного таможенника, который за свою честность и пострадал. Были и другие советские книги для массового, но

не чуждого культуре читателя — например, «Цусима». Но не «Как закалялась сталь» или упомянутая Ольша Форш, что называется, из официального пантеона.

Однако это в семейном кругу, а что же читал будущий организатор подпольного альманаха «Метрополь», герой андеграунда, президент Русского ПЕН-центра лично?

Из самого раннего назовем, например, «Мордовские народные сказки» (Саранск, 1941). Эти сказки были напечатаны на серой шершавой бумаге и содержали, по воспоминаниям нашего героя, в отличие от дистиллированных и адаптированных для юного возраста отечественных сказок, мотивы и сюжеты «идейно-ущербные, находящиеся на грани клеветнических, с элементами цинизма и порнографии» (как выразились потом в «прокурорском предупреждении» сотрудники КГБ по Москве и Московской области, арестовавшие архив и запретившие существование на территории СССР ряда сочинений Евгения Попова; возможно, эти произведения и были написаны — почему бы нет? — отчасти под отдаленным влиянием сказок дружественного народа). В мордовских сказках совершенно не было Патриотизма и Духовности. В них описывались пьяные и скабрезные похождения мордовских граждан, глумящихся над властью и собственным телом, орудовали разбойники, засолившие в бочке женские груди. При этом суровой принципиальной нравственной оценки происходящим безобразиям дано не было. Самое то для пытливого ребенка, постигающего азы народной смеховой культуры (о каковой мы еще не раз поговорим).

Потом появились и другие книги — например, «Школа» и «Судьба барабанщика» Аркадия Гайдара, в которых важнее всего были отчетливо звучащие экзистенциальные ноты. Пусть такого слова наш подрастающий герой еще не знал, но тревогу, разлитую в гайдаровских книгах, совпадающую с тревогой всякого подростка (да и взрослого тоже), — ощущал вполне.

Потом была детская библиотека и увлекшая юного читателя модная тогда тема Антарктиды.

Вот, кстати, какие рекомендации по детско-юношескому чтению дал Евгений Попов несколько десятилетий спустя, отвечая на вопрос журнала «Иностранная литература» (поэтому, наверное, тут чувствуется некоторый уклон в литературу зарубежную). «Все, какие только попадутся, сказки, “Алиса в стране чудес” Кэрролла, “Остров сокровищ” Стивенсона, “Робинзон Крузо” Дефо, “Том Сойер”, “Гекльберри Финн” М. Твена, “Дети капитана Гранта”, “Пятнадцатилетний капитан” и “Таинственный остров” Ж. Верна, “Над пропастью во ржи” Сэлинджера в переводе Р. Райт-Ковалевой, “Три товарища” Ремарка, “Рыжик” Ренара, “Фиеста” Хемингуэя, “Квартал Тортилья-Флэт” Стейнбека, “Смок Беллю” Джека Лондона, Библия».

Но вернемся в 1956 год. Именно тогда юный Женья Попов создает, по некоторым данным, свой первый художественно-публицистический текст. А именно письмо в издательство «Красноярский рабочий». Обычное региональное издательство, выпускавшее книги преимущественно местных авторов. Юному активисту не понравилась книга, он нашел в выходных данных адрес издательства и написал, не забыв указать свой обратный адрес. Апеллировал наш герой к абсолютным в то время ценностям — детским и народным, дескать, мы, дети, понять в ваших книгах ничего не можем, зачем такое печатать? О судьбе этой переписки мы еще узнаем, пока же скажем, что вскоре Женю увлекла другая страсть — фотография.

Это было довольно экзотическое увлечение уже потому, что в их доме, напомним, не было воды, необходимой, в частности, для обеспечения элементарного фотопроцесса. Приходилось ходить за ней специально, что, например, зимой было довольно героическим поступком. Но у юного фотографа появилось все необходимое, включая фотоувеличитель, — и более того, его вскоре начали активно

печатать! В молодежной газете «Красноярский комсомолец».

Первой публикацией была фотография детского хора одной из красноярских школ — причем с подписью автора! Всего три строчки, но лиха беда начало. И подпись: «Женя Попов, ученик такого-то класса».

Вскоре он стал активно публиковаться, даже получал заказы на фоторепортажи — но долгое время не получал гонораров. Надо полагать, их расписывали на себя его старшие товарищи-журналисты. Говоря, например, так: «Жаль, что ты такой маленький, что тебе нельзя даже гонорар платить».

Творческая палитра постоянно расширялась, появились, например, пейзажные фотографии. А потом и самые настоящие гонорары. Суммы были невелики, дореформенными деньгами 3—5 рублей, то есть 30—50 копеек на новые деньги. Их хозяйственный подросток тратил так: на большую половину закупался фотоматериалами, а оставшееся просто-напросто пропивал с приятелями и старшими товарищами из компании сестры. На свои-то пить особенно приятно, да и других вариантов особо не было. Надо сказать, что это весьма и весьма стимулировало к продолжению фотозанятий!

И уже потом, после фотокарьеры, начались первые рассказы... Об этом мы расскажем в свой черед.

Так что же — первым литературным произведением все же считать письмо в «Красноярский рабочий»? Путь Попова начался с эпистолярного жанра?

Говорит Евгений Попов

«Первым моим сочинением было вообще не письмо в издательство “Красноярский рабочий”, где я писал о том, что книги, выпускаемые ими, говно. (Мне было тогда лет десять.)

За год до этого я сочинил замечательные стихи, которым мог бы позавидовать мой будущий друг, соловей соцарта, поэт Д. А. Пригов. Они назывались “В кол-

хозе Ильича”, и я послал их в “Пионерскую правду”. Текст строчек гласил примерно такое:

**У нас в колхозе Ильича
Кипит работа сгоряча.
И каждый думает о том,
Чтобы страна была с зерном.**

Мне не ответили. Вот же сволочи! Чуть позже, когда я уже печатал свои фотографии в газете “Красноярский комсомолец”, мне выдали удостоверение *юнкора*. Гораздо позже я узнал, что человек, сделавший это, потом был осужден за педофилию, но это ко мне не имело никакого отношения. Примерно тогда же я слушал по ламповому приемнику час джаза “Голоса Америки”, который вел Уиллис Коновер, его заочно знала вся советская страна.

Тогда же я начал изучать английский, что делаю до сих пор, и сочинил стихотворение еще более гадкое, чем “В колхозе Ильича”.

**Give me money,
Give me girl.
I shall dance
The rock'n roll.**

Ответ из издательства “Красноярский рабочий” я получил через месяц. 1956 год. Весна. Все наши на улице. Папа, мама, пес Рекс, который вскоре подох от чумки. Съежился и тает снег. Ручьи, которые папа направляет лопатой. Во двор по адресу г. Красноярск, ул. Лебедевой, 35, впоследствии изображенный мной в пьесе “Плешивый мальчик” под названием ул. Засухина, 13, заходит почтальон и спрашивает меня. Подает мне *казенный* конверт, где внутри написано, что книги, о которых я сообщаю, действительно говно, но они выпущены еще при культе личности Сталина. Короче говоря, как писал потом Евтушенко, слава которого тогда еще не докатилась до Сибири: “Не согласен я с таким названьем “оттепель”. Это все-таки весна, хоть очень ранняя”.

(Окончание следует.)

В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ЖАНРА

Обзор онлайн-дискуссии

Журнал «Сибирские огни» и информационный портал о культуре в России и за рубежом «Ревизор.ги» в конце 2020 года провели онлайн-дискуссию «В поисках утраченного жанра. Проблемы современной жанровой литературы». Прозаики, критики, издатели и представители библиотечной отрасли обсудили российский литературный мейнстрим, обозначив слабые места, надежды и перспективы различных книжных жанров.

Жанры и границы

Дискуссия началась с жаркого спора о принципах деления литературы на большую и жанровую. Прозаик, критик, библиограф Российской государственной детской библиотеки Анна Голубкова считает, что один из главных критериев деления — структура произведения. «В массовых жанрах структура книги более простая, она построена на архетипических сюжетных схемах, близких к фольклорным, — говорит критик. — К примеру, в финале женского романа непременно должна быть свадьба. Это схемы, за которые автор не может выйти, иначе книга окажется за рамками своего жанра и целевая аудитория ее не купит». У произведений «большой литературы» структура сложная, уверена Анна Голубкова.

Прозаик Сергей Литвинов родовыми чертами беллетристики считает острый сюжет и закрученную интригу, отмечая, что и «большая литература» в последнее

время перестает их чураться. «Все больше авторов оттачивают сюжет и интригу — и во многом благодаря тому добиваются успеха, — сказал Литвинов, приведя в пример нобелевских лауреатов Ольгу Токарчук и Марио Варгаса Льюсу. А критик Анна Жучкова главным признаком высокой прозы считает эксперименты с языком.

Однако многие участники дискуссии сочли границы между жанровой и высокой литературой весьма условными. «Нет четкого деления между “жанровой” и “внежанровой” литературой, — заявил прозаик и критик Роман Арбитман (псевдоним — Лев Гурский). — Вернее, деление есть, но смысла в нем нет: такая сепарация выгодна только критикам и книгопродавцам». Продавцам — чтобы знать, на каких полках выставлять новинки, а литературным критикам — чтобы иметь возможность оставить без внимания «низкие жанры», пояснил эксперт. Примером книги, которую можно отнести и к «большой», и к жанровой литературе, Арбитман назвал роман Грэма Грина «Наш человек в Гаване», а прозаик и критик Геннадий Прашкевич — роман «Ким» Редьярда Киплинга.

Анна Голубкова предположила, что детская литература не является жанром массовой литературы: по своей структуре она похожа на литературу «взрослую».

В вопросе о взаимопроникновении беллетристики и «боллитры» участники

дискуссии не сошлись. Отношений между ними нет и быть не может, категоричен прозаик Антон Чиж. «“Большая” литература сидит в своей башне, сколоченной из отбросов и мусора постмодерна, и поплеывает вниз, гордая и малотиражная, где копошится и гребет “деньжищи” жанровая литература, чтиво для народа, — пояснил писатель. — “Большая” литература пребывает в глубоком самогипнозе, убаюканная стаей литературных критиков».

Анна Голубкова назвала отношения двух книжных сфер гармоничными: массовая литература часто заимствует из «большой литературы» и доводит до абсурда сюжетные коллизии и стилистические приемы. «Огромное количество “премиальных” книг из престижных шорт-листов, написанных с самыми серьезными намерениями и идеями, тяготеют к фантастике на уровне антуража, либо сюжетных ходов, либо мистических элементов, — констатирует критик Елена Сафронова. — Для меня весьма показательно и то, что роман Алексея Иванова “Ненастье” начинается практически так же, как роман Джеймса Хедли Чейза “Весь мир в кармане”». Сергей Литвинов находит, что есть и обратное влияние — «большой литературы» на беллетристику. «Боллитра» «продавливает» в массовую прозу психологизм, внимание к деталям, меткость слова. «Если проштудировать Стивена нашего “короля ужасов” Кинга, то запросто можно обнаружить воздействие и Гоголя, и Достоевского, и Булгакова, и Фолкнера», — отмечает писатель.

Прозаик и критик Екатерина Федорчук обратила внимание на болезненное столкновение иерархий авторов «большой» и жанровой литературы. По ее мнению, сегодня это столкновение неизбежно из-за совпадения целевой аудитории двух литературных потоков. «Это очень узкая прослойка читателей, которые готовы читать длинные тексты, а не смотреть длинные фильмы», — уточнила Федорчук.

Прозаик и критик Наталья Осояну, напротив, видит процесс фрагментации читательской аудитории, в частности в сегменте фантастики. «Нередко бывает так, что читатель находит свою нишу и отказывается ее покидать, с настороженностью или предубеждением относясь ко всему, что существует вовне, — сетует автор. — Раньше эти “ниши” были обширнее и узость читательских либо писательских интересов не так бросалась в глаза...» Читатели сидят в своих нишах и не очень-то хотят их менять, вторит Осояну Антон Чиж.

В свете спора очень интересным было мнение о границах жанров самого издателя. Шеф-редактор «КомпасГид» (выпускает преимущественно детскую литературу) Марина Кадетова сказала, что среди книг издательства почти нет чистых образцов жанра: «Это всегда похоже на жанр, но чуть больше этого. История всегда замешена на внутреннем росте героя, и обязательно вокруг сюжета будут темы для размышления». Издатель объясняет это вниманием к качеству текста, отмечая, однако, и возможность предложить что-то читателю с конкретным жанровым запросом. «Мы можем что-то предложить, но с оговорками, — объясняет Кадетова. — Скажем, эта книга про первую любовь, но в то же время там поднимается тема инклюзии, или эта книга — детектив, но, помимо детектива, в ней еще много всего; это фэнтези, но с философской подоплекой: понимание устройства вымышленного мира переносится на то, как устроен наш мир».

Тенденции жанров

В ходе дискуссии подробно обсудили проблемы и тренды конкретных литературных жанров.

Сегмент фантастики под влиянием компьютерных игр становится все более игровым и все менее серьезным, отмечают эксперты. «Еще двадцать лет назад

существовал извод “советской” фантастики, “серьезной”, “солидной”, в традиции Стругацких и Лазарчука, — рассказывает писатель Андрей Рубанов. — Сейчас ее перестали делать, спроса нет. Теперь всем нужен боевик, со множеством событий, с перипетиями. Кино и сериалы тоже влияют: со стороны кино есть запрос на свежие идеи, оригинальные фабулы — но опять же не всякие, а именно игровые». Прозаик Дмитрий Володихин констатирует падение ценности науки в умах читателей: «Слишком сложно, никто не хочет “грузиться” и “заморачиваться”».

Роман Арбитман тоже отметил негативную тенденцию жанра: «Мне не нравится, когда в нынешней фантастике лидируют “постапокалипсис” или “зомби-хоррор”, а в детективе — слэшер и “черный роман”. Читатель подвержен моде и подчиняется тренду, но в глубине души он хочет видеть свет в конце туннеля».

Наталья Осояну отрицательным трендом считает разделение фантастов на ниши и нежелание обитателей их покидать. «От этого сильно страдают книги, в которых есть элементы нескольких жанровых направлений: они оказываются повсюду чужими, если только не сыграет роль банальное везение (или какой-нибудь другой фактор, вроде железного упорства автора, издателя и т. д.), — полагает Осояну. — Повезло, допустим, Джосаю Бэнкрофту, чьи “Вавилонские книги” я перевожу».

Критик Василий Владимирский более категоричен: он считает, что секторы «научная фантастика», «фэнтези», «магический реализм» и более узкие, вроде «ромфанта», «попаданцев», «ЛитРПГ», более или менее пребывают в состоянии упадка, кризиса, нарративного и синтаксического распада. Критик считает, что этому способствует уход многих авторов в сеть, на платформы самиздата, где нет ни редакторов, ни корректоров, только ворорші, очищенный от налета нормативной культуры. Впрочем, Владимирский не

утрачивает оптимизма: «И это хорошо: в первобытном питательном бульоне, где связи утрачены, может сформироваться новое ядро, зародиться подвижная, хищная жизнь, начаться восхождение от одноклеточных микроорганизмов к новым вершинам эволюции. Сначала до мышей, а там, глядишь, и до более сложных млекопитающих».

Опасность сетевой литературы подчеркивает Наталья Осояну. По ее мнению, «Вавилонские книги» Бэнкрофта не выбились бы из бескрайнего океана самиздата, если бы не отзыв известного автора темного фэнтези Марка Лоуренса. Можно лишь гадать, сколько еще достойных книг затерялись на площадках самопубликации, говорит Осояну.

О трендах в отечественном детективе рассказал Сергей Литвинов. Главным минусом он считает наплыв в это литературное поле непрофессионалов, потакающих незрелым вкусам нетребовательной массы. «Все, что хоть немного пахнет деньгами, привлекает халтурщиков, — говорит писатель. — С другой стороны, когда много претендентов, есть из чего и из кого выбрать. И тут огромную роль играют редакторы: их талант, ум, вкус, чувство меры. Когда редактор считает: и так сойдет, и все равно “пипл схавает” — ничего хорошего в итоге не получается, и ко дну идет или сам редактор, или все издательство, которое он представляет. Но ведь разорять свой бизнес никому не хочется». По мнению Литвинова, общий и средний уровень детективной беллетристики повысился по сравнению с нулевыми и тем более девяностыми годами.

Елена Сафронова заметила переход многих именитых авторов детективного жанра в жанры более сложные (или кажущиеся авторам таковыми). Хрестоматийный пример — Александра Маринина: ей «поднадоел» «полицейский детектив», и она взялась за масштабные полотна в довольно сложном русле — микс семейной саги, психологического и философского

романа. По тому же пути пошла Татьяна Устинова, выпустившая среди последних книг сборник «Свиданье с Богом у огня» — семейные зарисовки и философские размышления. «При этом сами детективы Устиновой с каждым новым романом становятся все проще, предсказуемее и схематичнее, — жалеет Елена Сафронова. — То же самое произошло и с Викторией Платовой — первые ее романы в проекте под этим именем были ладно скроенными и крепко сшитыми, твердо стояли на традициях классического детектива. С течением времени она пошла за словом в ущерб сюжету и стала создавать “психоделические/мистические детективы”, “психопатологические триллеры” или тексты в духе “магического реализма”, где на первый план выходил человек в пограничном состоянии или человек между жизнью и смертью, а то и за гранью».

Большое внимание участники дискуссии уделили исторической прозе. Важнейшими проблемами жанра Елена Сафронова считает закрытость или труднодоступность архивов, что зачастую не позволяет открыто апеллировать к фактам, а также отсутствие единой понятийной системы о советском прошлом, его полярные оценки. Писатели в этом не виноваты, но, высказывая любую точку зрения, становятся объектами разгромной критики противников данной позиции, поясняет критик, приводя в пример роман «Зулейха открывает глаза» Гузели Яхиной. Сафронова отмечает и сложность выхода к издателю исторических романов писателей из провинции, а ведь проза, которая создается на материалах «местоведения», бывает интересна и содержательна.

Еще одна негативная тенденция — упрощенный подход к изданию исторических романов. Они, в отличие от книг советского периода, часто лишены внятных предисловий историков, поясняющих, где в книге факты, где вымысел, а где анахронизм, а также системы комментариев, поясняющих реалии прошлого.

Критик Михаил Хлебников заметил, что от российских прозаиков ускользает множество интересных эпох, в частности начало XVIII века, первая половина XIX века. «Единственная, кто об этих периодах пишет, — современная писательница Далия Трускиновская из Латвии. У нее есть романы, в которых она делает сыщиком баснописца Крылова, и другие работы. При этом в английском детективе, например, охвачены все периоды: одно сообщество прозаиков пишет про Средневековье, второе — про эпоху Кромвеля, третье — о Наполеоновских войнах».

Дмитрий Володихин зафиксировал позитивные тенденции в историческом романе: «Во-первых, заметное нарастание христианского элемента в нашей литературе, то есть здоровое возвращение к истокам; во-вторых, очень большой интерес к биографии, притом к такой биографии, где художественные образы сочетаются с опорой на документ, факт, исторический источник. Чем меньше врет исторический романист, тем больше его сейчас ценят — воцарилась мода на “аутентизм”, и это, я полагаю, хороший знак: общество, не желающее обманываться пустыми выдумками, заслуживает уважения».

Марина Кадетова привела в пример историческую повесть Ольги Громовой «Сахарный ребенок», которая неожиданно «выстрелила» в сегменте подростковой литературы. Это история о девочке из прекрасной и любящей семьи, которая однажды оказалась дочерью «врага народа». Ее отца отправили в лагерь, а саму героиню с мамой — в среднеазиатскую ссылку. Кадетова пояснила, что книга основана на реальных воспоминаниях, но, помимо исторической составляющей, в ней есть мощная человеческая история. «Большая часть аудитории читает книгу не как историческую повесть, а как повесть о потрясающих отношениях мамы и дочери, повесть о сильном характере, сложной судьбе, — рассказывает Кадетова. — Ее читают дети от 11 лет и взрослые. Тираж исчисляется

уже тысячами экземпляров, мы ее издаем и переиздаем. Книга будет переведена на 14 языков, вышла она уже в Бельгии, во Франции, в Польше, скоро выйдет в Германии — интерес очень широкий».

Рассуждая о детской книжной сфере, Елена Сафронова обозначила проблему: отечественную детскую литературу почти покинули сказки размером с роман или повесть — как про Пеппи Длинныйчулок, Джельсомино, Карлсона, мумитроллей или Королевство кривых зеркал. На их место, по мнению критика, приходят или детская фантастика, или условно реалистическая детская проза, которая, при всех серьезных запросах и постановке важных детских проблем — семейных, школьных, взросления, — выглядит не до конца убедительной, потому что дети в ней какие-то весьма выдуманные и нежизнеспособные. «Они и говорят не так, как дети в жизни, и ведут себя сообразно авторскому замыслу, а не психологии ребенка, — говорит Сафронова. — Одним из таких недостоверных героев стал для меня Федя Булкин Александры Николаенко».

Внимание публики

Новосибирская государственная областная научная библиотека (НГОНБ) провела серьезное исследование предпочтений своих читателей, анкетирование охватило 643 человека. Результаты в ходе дискуссии озвучила главный библиотекарь НГОНБ Алла Аксененко. На первом месте (40 процентов голосов) оказались детективы, на втором — исторический роман, а на третьем — фантастика. Однако у аудитории до 25 лет расклад интересов другой: фантастика на первом месте, историческая проза на втором, а детективы — на последнем. Как показало анкетирование, детективы привлекают читателей острым сюжетом, возможностью испытывать отчетливые эмоции, фантастика — спектром возможностей, нереальных в

обычной жизни. Кроме того, фантастика позволяет думать над прошлым, размышлять над будущим.

Исследование выявило, что треть опрошенных, выбирая книгу, пользуется рекомендациями. Речь идет в том числе об интернет-рекомендациях: сейчас даже взрослая публика пользуется ими из-за перехода библиотек в онлайн-формат, комментирует Алла Аксененко. Большинство читателей уверяют, что наиболее комфортный для чтения формат — романский, но, по словам библиотекаря, востребованы и рассказы, а также тематические сборники повестей, поскольку требуют меньшего времени на чтение. Опрошенные говорят, что в книге необходим сюжет. Для большинства важны правдоподобные герои и диалоги.

Участники дискуссии отдельно остановились на вопросе о роли экранизаций в продвижении литературы. Эксперты сошлись во мнении, что этот механизм работает не всегда.

«Это проблемы, конечно, отечественной теле- и киноиндустрии, — рассуждает Василий Владимирский. — Многие могут помнить недавний плохой сериал по циклу романов “Тайный город” Вадима Панова. Говорят, сняли неплохой сериал по “Вонгозеру” Яны Вагнер, но я не заметил у нее стремительного роста продаж». Роман Арбитман увидел проблему и в общественно-политической реальности, не позволяющей экранизировать некоторые книги. «Существует большое поле запретов, — утверждал Арбитман. — Сериал “Досье детектива Дубровского” по моему роману был снят в 1999 году, когда у нас еще не было ограничений».

Экранизация бестселлеров не всегда влияет на выбор читательской аудитории, утверждает Алла Аксененко. Споры вокруг экранизации «Зулейха открывает глаза» Яхиной задела всех, и книга приобрела колоссальный читательский спрос. А вот с книгами Василия Аксенова ситуация неоднозначная. Сериал 2016 года

«Таинственная страсть» вызвал большой интерес у публики, книга же не востребована и не отмечена по достоинству. В то же время «Московская сага» настолько заинтересовала зрителей, что книга стала восприниматься как совсем новое произведение, хотя она довольно давно стоит на полках. Экранизации же классики, ориентированные на молодежь, вовсе не повышают спроса на классику.

Бывает, что экранизации книг привлекают внимание к другим произведениям писателя. Так, экранизация романа «В августе сорок четвертого...» дала новую жизнь другой книге Владимира Богомолова — «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...». Интересно, что экранизация вызывает у читателей еще и дополнительный интерес к художественной теме, заметила А. Аксененко. Например, поклонники фильмов по Акунину начинают читать «Цусиму» Алексея Новикова-Прибоя.

Может ли жанровая литература вернуть внимание публики к «большой» литературе? Мнения экспертов оказались полярными.

«В прошлом развлекательная литература действительно была точкой входа в литературу вообще, — размышляет Сергей Литвинов. — Типа сегодня Майн Рид, завтра Уэллс, послезавтра Гоголь, послепослезавтра Достоевский. Теперь же развлечения полным-полно. Компьютерные игры, ютьюб-каналы, инстаграм-шоу, социальные сети. А “старое доброе” телевидение на триста каналов? А мириады разнообразных фильмов и сериалов — на любой вкус? Только выбирай — и литература среди этого сонмища зрелищ и активностей хорошо если пребывает на пятом-шестом месте».

Андрей Рубанов не дает жанровой литературе шансов. «Кто привык читать простое, тот уже не будет читать сложное, — отрезал прозаик. — Масло и уксус не смешиваются. У широкой публики нет ни вкуса, ни слуха, она берет что поярче, попроще и погромче».

«Это не назначение жанровой литературы — кого-то куда-то возвращать, — убежден Геннадий Прашкевич. — “Робинзон Крузо” всегда будет куплен и прочитан». С ним не согласился Дмитрий Володихин. Именно жанровая литература и поддерживает внимание к литературе как таковой, полагает писатель. «Но вернуться к обществу, где слово литератора обладает почти магической силой и литература правит умами, мы уже не способны в принципе, — уверен он. — Те времена ушли».

Человек, получивший привычку читать ради удовольствия, сохранит ее и легче перейдет к более серьезным книгам, считает Елена Сафронова. С ней согласна Анна Голубкова. «Я вполне могу себе представить читателя, который от детективов Агаты Кристи переходит к Достоевскому, а потом и к “Петербургу” того же Белого», — говорит прозаик. По версии Романа Арбитмана, именно хорошо написанная массовая литература приучает к книгам и чтению. Человек, который добровольно — не из-под палки — прочел все семь томов «Гарри Поттера», рано или поздно откроет для себя и других писателей. Пусть не каждый, пусть каждый десятый — уже огромный плюс, сказал писатель.

«Более-менее адаптированный к современной литературе читатель вполне может переходить от жанрового чтения к “высокому” и обратно, — считает критик Елена Погорелая. — Дело здесь в том, что в современности существует целый ряд тем, высокой литературой практически не освоенных. Это, например, “мысль семейная” (весь спектр проблем современной семьи), которая просачивается к читателю либо через подростковую литературу, либо через нон-фикшен, либо через жанровую мелодраму — со всеми вытекающими лагунами и огрехами, но что делать, если в сфере “большой” литературы за проблему, скажем, социального сиротства берется только К. Букша?»

Мнение Натальи Осяну не столь однозначно. Условная читательница, увлеченная романами про колдовство и колдуний, вполне может схватить с книжной полки роман Майгуль Аксельссон «Апрельская ведьма», но он способен ее как увлечь, так и разочаровать — ни включений, ни толковой любовной линии, сплошные слезы и страдания; то, что читатели жанровой прозы привыкли называть «водой»...

Пессимистично смотрят эксперты на тех, кто отложил книгу. Если у человека нет внутренней потребности читать, то никакой волшебный «Гарри Поттер» не вернет его под сень библиотеки, пусть и виртуальной, заявила Екатерина Федорчук. А Елена Сафронова и Анна Голубкова не могут представить себе перехода читателя Донцовой к Достоевскому. «Если жанровая литература хоть как-то поддерживает умение читать, чтобы оно не отмерло за ненадобностью, это уже немало», — резюмирует Антон Чиж.

Что будет дальше?

Что же будет интересно читателю жанровой литературы в ближайшем будущем?

«Думаю, документ или то, что его заменяет (может заменить), — полагает Геннадий Прашкевич. — Думаю, поиск чистоты. Мир замутнен, требуется чистка». Коллеги подтверждают интерес публики к документу. «Я общалась с разными читателями, и они говорят о том, что в историческом дискурсе им интересна достоверность, — рассказывает Екатерина Федорчук. — Не экзистенциальные метания и стилистика, а документ». На первый план выходит документально-художественная биография, иначе говоря, формат серии «Жизнь замечательных людей», уточняет Дмитрий Володихин.

Сергей Литвинов заметил по себе и своим знакомым, что читатель все реже открывает книгу, чтобы развлечься, и все

чаще — чтобы что-то узнать. «Вот и великий мастер приключенческого жанра Борис Акунин пишет десяти томную историю России, а к своей беллетристике на японском материале (“Маса”) прилагает целых сто пятьдесят комментариев-примечаний, рассказывающих о традициях, обычаях и верованиях страны восходящего солнца», — приводит аргументы Литвинов.

Между тем Антон Чиж уверен, что читателю детектива всегда будут интересны эмоции, которые возникают у него в голове, и «чудо» раскрытия детективной тайны у него в сознании. «Все прочее шелуха, которая не имеет значения», — говорит детективист.

Многие участники дискуссии отметили растущий интерес к футуристической политической фантастике. «Будут востребованы произведения, в которых так или иначе строятся модели ближайшего будущего, обсуждаются генеральные линии развития современного общества с заходом из современности на несколько десятков лет вперед, — прогнозирует Д. Володихин. — В цене утопии и антиутопии». «Интересны будут книги о ближайшем будущем — светлом, — высказался Роман Арбитман. — Не замалчивание проблем, а описание времени, когда они решаются. Как автор, я и сама стараюсь действовать в том же направлении: пример тому — роман “Министерство справедливости”». В ближайшей перспективе читателю будут интересны антиутопии и фантастика — как возможность осмыслить происходящее в мире, говорит Марина Кадетова. А Екатерина Федорчук отмечает, что сейчас очень трудно будет писать фантастику, потому что реальность меняется так быстро, и так катастрофично, и так «метафорично», что за ней трудно угнаться фантасту. «Определенно, стоит ждать роста интереса к литературе вызова, литературе протеста — против истеблишмента, реального или вымышленного, против всех и всяческих форматов, против неработа-

ющих социальных лифтов, дидактики и морализаторства, “новой этики” и старой эстетики», — предсказывает Василий Владимирович.

Впрочем, Сергей Литвинов, Андрей Рубанов и Василий Владимирович полагают, что просчитать читательскую моду невозможно. «Жанр ретродетектива придумал Юзефович, — напоминает Рубанов. — Но его книги про сыщика Путилина не вызвали ажиотажа. Через несколько лет появился Акунин — и взорвал рынок. Лучше иметь свой набор идей и с ними спокойно работать, и не думать, возьмет читатель или нет. Сейчас не возьмет, а через десять лет возьмет».

Литвинов находит, что человек, который мог бы предсказать читательский интерес, — автор или издатель — моментально стал бы миллионером. «Никто не мог предположить в середине девяностых, что вдруг “выстрелит” сказка о современном мальчике-волшебнике, — говорит Литвинов. — Никто не думал, что псевдоисторический детектив “Код да Винчи” возьмет и просияет в начале нулевых. Даже представить было невозможно, что мягкое порно способно издаваться миллионными тиражами — пока не появились “Пятьдесят оттенков серого”».

Настолько же трудно прогнозировать появление в отечественном литературном мейнстриме по-настоящему серьезной фигуры уровня Жан-Кристофа Гранже, Джорджа Мартина или Джоан Роулинг, считают участники дискуссии.

«Почему нет? Не бывает ничего невозможного, — полагает Марина Кадетова. — Русский язык — непривычная для зарубежных рынков реалья, но не что-то уникально сложное». Елена Погорелая затруднилась дать прогноз. «Российская жанровая проза не любит создавать миры, она предпочитает работать либо с тем, что есть в реальности, либо с тем, что представляет ей массовая культура, — сказала критик. — А без созданного собственноручно художественного достоверного мира

в ряду Роулинг, Мартина, Толкина и иже с ними, увы, делать нечего».

Сергей Литвинов же объясняет текущую ситуацию условиями отечественного литературного рынка. «Западные творцы коммерческой литературы работают, как правило, куда более вдумчиво и ответственно, чем наши, — рассуждает писатель. — Во многом потому, что неторопливы. Высокие, по отечественным меркам, гонорары, которые они получают, дают им возможность никуда не спешить. У нас же зачастую для беллетристов характерен неизбывный налет торопливости, отсюда ошибки, непродуманность, ляпсусы». О рыночных законах говорит и Андрей Рубанов: «Жанровая литература сильно зависит от коммерции, от конъюнктуры. Сильный рынок поднимает автора на гребень волны, дальше волна сама его тащит. А у нас рынок слабый».

Отечественная издательская практика не способствует самореализации крупных авторов, заметил Роман Арбитман. «Издателей можно понять: экономическая ситуация — не в их пользу, — сказал писатель. — Многие опасаются, что прогорят, и поэтому боятся неожиданностей и предпочитают гнать коммерческий “верняк”. Это, впрочем, свойство не только российских книжных коммерсантов. Вспомним, с каким трудом той же Роулинг удалось продать первую книгу о Гарри Поттере. Но у нас, конечно, издатели в основном куда более трусливы. К счастью, исключения есть, так что я все-таки надеюсь на лучшее».

Сергей Литвинов напомнил о том, как на весь мир прогремели, а потом вошли в современный мейнстрим скандинавские детективы: норвежские, шведские, датские. Возможно, подобный фокус и с русским криминальным чтивом рано или поздно «прокатит», предположил литератор.

Анна Голубкова заключила, что верит в отечественных прозаиков, в их фантазию и писательское мастерство.

Елена Богданова

Валерий КОПНИНОВ

РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

О живописи Александра Андрусенко

Несомненно, что исходная точка жизни каждого из нас — детство. В детстве — наша первая радость и первая боль, осознание себя, познание и принятие мира, детство — некий камертон, по которому сверяются мысли и чувства.

В этом еще раз убеждаешься, побывав на выставке художника Александра Андрусенко, увидев его картины — незамутненный «детский» взгляд на жизнь в философии простоты взаимодействия мира и человека. А исходная точка этой живописи — 1961 год, Алтайский край, село Поспелиха, где родился Александр Андрусенко...

«В детстве я, как и все нормальные мальчики, хотел стать летчиком. Не думал никогда, что стану художником. Но наша Судьба — это всегда люди, которые встречаются на пути. С людьми мне везло, они приходили удивительно вовремя. В. Швилкин, учитель рисования в школе, первым обратил внимание на мои “каракульки”, заметил, что “получается”... В студию к Владимиру Курочкину я пришел уже заниматься серьезно, готовиться к поступлению в художественное училище. В самом училище мне опять повезло — попал к Ильбеку Хайрулинову, уже известному на Алтае художнику, выпускнику Репинки. Тут уже была школа,

системность. Мои наставники и учителя, я бесконечно вам благодарен за ваше внимание и заботу...»

У художника редко бывает так, чтобы утром он проснулся знаменитым. Но яркое дарование Александра Андрусенко проявилось довольно быстро — даже первые работы выделили его из общего ряда, он буквально ворвался в отечественное искусство в начале 90-х гг. и заставил говорить о себе крупнейших искусствоведов.

Доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой русского искусства МГУ им. М. В. Ломоносова А. И. Морозов, делая обзор выставки современного сибирского портрета «Человек в пространстве времени» (Омск, 1997), отметил работы Андрусенко: «...Талантливая живопись, очень смелая, в меру наглая, сделанная на художественном уровне, интересная, темпераментная, яркая, в этом есть настоящая архаика при большой колористике...»

Первые шаги — и уже свой неповторимый стиль: «архаика при большой колористике»! Стало очевидным, что Александр Андрусенко — живописец и колористическое богатство, красота живописной фактуры в его работах — не просто средства визуального искусства,

а неотъемлемые черты творческой эстетики, несущей философский смысл, как и сами образы и сюжеты.

А кроме неотъемлемых базовых знаний о цвете и композиции, необходимо обратить внимание на важнейший для художника компонент — философский смысл его творчества.

— Вообщем, искусство — это, наверное, ностальгия по утраченному раю. Вот когда-то знали — «зачем», а потом забыли. И дремлет в каждом человеке загадка, тайна этого мира, тайна нашей жизни, и мыслию точит, бережит человека. Искусство и есть эхо этих мыслей, древнее, дремучее чувство гармонии, беспокойства, чувство утраты и печали, — делится Александр своими соображениями, и становится ясно, что искусство для него не есть застывшая форма, оно живое и проходит вместе с художником все стадии открытия мира.

Искусство — путь, и у Александра Андрусенко он, начавшись с родной Пospelихи, в результате стремления к самосовершенствованию и творческой свободе привел в Москву. Но в столице художник не прижился, вернулся на родину, и вдруг то, что казалось оковами, — обернулось вечным и незамутненным источником вдохновения, а пять лет, проведенных в столице, художник позже иронически назовет «московскими каникулами».

Москва для Андрусенко — особенный город, город, на который он смотрит и с любовью, и с испугом, город, в котором ему хочется жить и из которого хочется бежать. Вот одна из свидетельниц «желаемого бегства» — картина «Балкон» (2011), наполненная гулом машин, скрипом тормозов, запахом горячего асфальта — всем, что вытесняет человека с места, вынуждая существовать между небом и землей.

Хотя пребывание в Москве (не только огромном мегаполисе, но и столице современного искусства), несомненно,

повлияло на художника — в работах Александра явственнее проявилась высокая нравственная составляющая. В целом же московский период был плодотворен для Александра Андрусенко — многочисленные выставки (в том числе и персональных) в крупнейших выставочных залах столицы: в ЦДХ (2005), в Государственном выставочном зале «На Каширке» (2006), а также в Московском драматическом театре на Вернадского, 13 (2008—2009). Александр становится лауреатом премии Международной ассоциации «Искусство народов мира» (2005, 2010) и дипломантом выставки «Сибирь-Х» (2008) в Новосибирске.

Работы Андрусенко охотно приобретают как частные коллекционеры из-за рубежа, так и российские музеи: Омский областной музей изобразительного искусства им. М. А. Врубеля, музей «Либеров-центр» (Омск), Республиканский музей изобразительных искусств Республики Коми (Сыктывкар) и, конечно же, Государственный художественный музей Алтайского края.

Александр много трудится и легко открывает двери в свою творческую «кухню»: «Как я задумываю картину и как работаю? Да трудно так коротко сказать... по-разному... Чаще всего сам замысел исподволь созревает, от “первого толчка” до самой работы иногда довольно много времени проходит. А вот с самой картинкой почти всегда воюю, боремся с ней, кто кого: формы настырно сопротивляются, цвет не тот — картинка, она ведь тоже свою линию гнет. Бывает, что и переборет — задумывал в одном ключе, а в процессе открыл для себя что-то другое, значит, это другое на сегодня во мне главнее, правдивей. Образ дозревает во время работы. Я всегда стараюсь “отшелушить” красоты, эффекты, обобщить форму до “детской” правды, прийти к лаконичности и легкости. Не стилизовать под детский рисунок, а попытаться посмотреть, как смотрят дети, и сделать

только самое главное, самое важное. Это всегда очень сложно дается...»

Самой лучшей иллюстрацией к словам художника может послужить его картина «Мальчиш» — работа важная, программная и в данном случае не требующая никаких комментариев. Можно вспомнить и картину «Дорога домой», где художник, кажется, с детским восторгом смотрит на родную землю, на маленький автобус, что петляет по трассе, лежащей меж цветущих холмов...

Вырастая вроде бы из простых, обычных вещей, образы Андрусенко затягивают, погружают нас в поле удивительно мощного, философского осмысления картины мира. «Детская картинка» на деле оказывается сложной метафорой — отзвуком опыта открытия бытия ребенком и познания вечности своего существования.

...А еще Александр всегда находил вдохновение в народном и православном искусстве — работы «Половодье», «Зимушка», «Деревенька» напоминают волшебные платки из народных сказок, что способны превратиться в реки, леса и деревни.

Конечно, со временем работы художника приобретают иную тональность, и он сам это признает: «Картинки выходят все больше по-взрослому печальными, и

тут уж ничего не поделаешь, время добавляет мудрости, а “во многой мудрости много печали”».

Примером тому — посвященный «всем нам, жившим, мечтавшим, творившим и ушедшим» и выполненный в монохроме триптих «Один из нас» — размышление о жизни и смерти. В композиции — триединство: посредине — стол, сверху — небо, внизу — земля. И в этой работе для Александра много личного: «Как-то художник А. Гнилицкий сказал: “Придет время, и земля возьмет свое, а небо свое” — я запомнил...»

Земле — свое, небу — свое. В том — «утраченный рай». В том — конфликт. «Конфликт рождает проблему — проблема требует решения» — таковы жизненные силы, что движут Александром Андрусенко. Но для него, при всей извечной конфликтности, земля и небо отражены друг в друге и тем — совмещены. Об этом, возможно, самые откровенные (и сокровенные) картины художника — «Город у озера» и «Облака».

И можно с большой долей уверенности предположить, что «утраченный рай» Александра Андрусенко — это желание запечатлеть на холсте невозможное: человеческую сущность, из которой произрастают вера, надежда, любовь.

АВТОРЫ НОМЕРА

Гончаров Юрий — инженер, химик-технолог. Независимый исследователь. Прошел путь от рабочего до директора завода союзного значения. Был офицером Советской армии, работал в частном бизнесе, в системе «Газпрома», специалист по строительству и эксплуатации газопроводов. Автор статей по истории Гражданской войны в Сибири. Живет в Барнауле.

Гундарин Михаил Вячеславович родился в 1968 г. Окончил факультет журналистики МГУ. С 1991 г. преподает в вузе, кандидат философских наук, доцент. Автор нескольких книг стихов и прозы, критических статей. Член Союза российских писателей. Живет в Москве и Барнауле.

Копнинов Валерий Павлович родился в 1963 г. в Барнауле. Окончил Алтайский институт культуры и ГИТИС. Автор книги рассказов «Сукины дети». Публиковался в журналах «Север», «Огни Кузбасса», «Сибирские огни». Работает режиссером телевидения. Член Союза театральных деятелей РФ. Живет в Барнауле.

Кузьмина Вера Николаевна родилась в 1975 г. в Каменске-Уральском Свердловской области. Окончила Каменск-Уральский медицинский колледж. Работает фельдшером в городской поликлинике. Публиковалась в журналах «Наш современник», «Дальний Восток», «Гостиный двор» и др. Автор книги стихов «Медицина здесь бессильна». Живет в Каменске-Уральском.

Курбатов Валентин Яковлевич родился в 1939 г. в Пскове. Окончил филологический факультет Псковского государственного педагогического института. Автор нескольких книг и сборников статей по критике и литературоведению. Публиковался в журналах «Москва», «Наш современник», «Сибирские огни», «День и ночь» и др. Член Союза писателей России. Живет в Пскове.

Ладыгин Игорь — кандидат технических наук, экономист, независимый исследователь, член Ново-Николаевского военно-исторического клуба и Международного общества историков Первой мировой войны. Автор ряда статей на военно-историческую тематику в различных российских и зарубежных журналах. Живет в Новосибирске.

Мардань Александр Евгеньевич родился в 1956 г. во Владивостоке. Драматург, прозаик, член Национального союза писателей Украины, лауреат многочисленных премий, заслуженный деятель искусств Украины. Проза и пьесы публиковались в альманахах и журналах «Театр», «Современная драматургия», «Москва», «Сибирские огни» и др. Живет в Одессе (Украина).

Распутин Валентин Григорьевич (1937—2015) — российский писатель и общественный деятель, лауреат многих литературных премий. Родился в д. Аталанке Иркутской области. Окончил в 1959 г. историко-филологическое отделение Иркутского государственного университета. Работал в газетах Иркутска и Красноярска. Первые книги вышли в 1966 г.: «Костровые новых городов» и «Край возле самого неба». Также: «Живи и помни» (1978), «Повести» (1988), «Дочь Ивана, мать Ивана» (2004), «В поисках берега» (2007) и др.

Сенсиф Станислав Михайлович родился в 1981 г. в Кореновске Краснодарского края. Окончил юридический факультет Кубанского государственного университета. Публикуется впервые. Живет в Краснодаре.

Собенников Анатолий Самуилович родился в с. Хоринск (Бурятская АССР), жил в Улан-Удэ и в Иркутске. Окончил филологический факультет Иркутского государственного университета, доктор филологических наук, профессор. Публиковался в журнале «Байкал», в альманахах «Иркутское время», «Каменный мост». Автор трех поэтических сборников. Живет в Санкт-Петербурге.

Соловьева Елена Валерьевна родилась в 1970 г. в Копейске Челябинской области. В 1996 г. окончила филологический факультет Уральского государственного университета. Печаталась в журналах «Урал», «Новая Юность», «Современная драматургия» и др. Автор ряда книг, лауреат нескольких литературных премий. Живет в Екатеринбурге.

Тимофеев Андрей Николаевич родился в г. Салавате (Башкортостан). Окончил Московский физико-технический институт и Литературный институт им. А. М. Горького (семинар М. П. Лобанова). Лауреат нескольких литературных премий. Преподаватель Московского государственного института культуры. Член правления Союза писателей России, руководитель Совета молодых литераторов Союза писателей России. Живет в Подмосковье.

Шелленберг Вероника Владимировна родилась в 1972 г. в Омске. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького. Публиковалась в журналах «Арion», «День и ночь», «Урал» и др. Автор десяти стихотворных сборников. Лауреат ряда литературных премий. С 2017 г. — председатель Омского регионального отделения Союза российских писателей и редактор альманаха «Складчина». Живет в Омске.

СИБИРСКАЯ ГОРНИЦА

МАГАЗИН

продает и покупает:

книги и подписные издания, газеты, журналы, почтовые открытки (до 1960 г.), старые фотографии, домашние архивы, коллекции почтовых марок, монеты, бумажные деньги;

статуэтки фарфоровые, бронзовые и чугунные, серебряные изделия, значки на винтах, портсигары и подстаканники, заводные игрушки и фарфоровые куклы, угольные самовары и патефоны, старинную мебель, старую военную форму и военную атрибутику и многое другое.

Работают отделы:

антиквариата, нумизматики, филателии и букинистической литературы.

Всегда в продаже журнал «Сибирские огни».

Работаем с 10 до 19 без перерыва, в воскресенье с 10 до 18

Адрес: ул. Романова, 26 (угол Советской и Романова)

☎ 227-18-37, 227-14-50

Сайт: www.gornitsa.ru E-mail: n_gornitsa@bk.ru

Частные лица и организации в Российской Федерации и в странах СНГ могут подписаться на журнал «СИБИРСКИЕ ОГНИ» в любом отделении связи — красный Объединенный каталог, подписной индекс — 46587.

ДЛЯ ДЕТЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ

Учредители:

Союз писателей России, Администрация Новосибирской области.

Журнал зарегистрирован в Государственном комитете Российской Федерации по печати.

Свидетельство о регистрации № 01302 от 27 ноября 1998 г.

Адрес редакции и издателя:

630007, г. Новосибирск, ул. Коммунистическая, 19, тел. (383) 223-10-15

E-mail: sibogni@sibogni.ru Сайт: сибирскиеогни.рф

Адрес типографии:

ООО «Новосибирский издательский дом»

630048, г. Новосибирск, ул. Немировича-Данченко, 104

<http://книгосибирск.рф>

Сдано в набор 12.01.2021. Дата выхода № 2 за 2021 г. в свет 18.02.2021.

Формат 70x108/16. Печать офсетная. Усл. п. л. 8,7. Тираж 1500 экз.

Во всех случаях полиграфического брака просим обращаться в типографию.